

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2012

Содержание

1. КАК ПЕРЕЖИТЬ КРИЗИС В ПОЛЬШЕ?
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. МАЛАЯ ВОДКА
4. СТИХОТВОРЕНИЯ
5. ДЕТАЛИ И ФОН
6. ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ ГЛОБАЛЬНО
7. ЗАВЫШЕННАЯ ПЛАНКА ДЛЯ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН
10. ЕСЛИ БЫ НЕ ТОВАРИЩ ЛАРИОНОВ...
11. В ПЕТЕРБУРГЕ ПРЕДСТАВИЛИ «ДОЛИНУ ИССЫ»
12. «ЦЕРЕМОНИАЛ»
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. МЫ, ПОЛЯКИ, У ВСЕХ ЧТО-ТО БРАЛИ. А ТЕПЕРЬ ПОРА ОТДАВАТЬ

КАК ПЕРЕЖИТЬ КРИЗИС В ПОЛЬШЕ?

Свыше 10 тыс. злотых (чистый доход на одного члена семьи)

СЛУШАТЬ ЛЕКЦИИ НА TED.COM

Александра, 29 лет, менеджер международной консалтинговой фирмы, Варшава

С 2009 г. мы живем в страхе перед кризисом. Я помогаю другим фирмам развиваться, а также справляться с трудными ситуациями. В кризис таких ситуаций больше. Работать уже не так приятно. С начала кризиса работы у меня стало больше, но на процветании это не сказалось — у нас тоже сокращают расходы. И хотя у меня нет опасений остаться завтра без работы, за последний год я откладывала деньги, чтобы суметь продержаться шесть-восемь месяцев.

Я подсчитала в Excel свои расходы и ужаснулась: больше всего потрачено на раздел «ерунда». Я перестала покупать шмотки, которые в моде один сезон. Перешла на классические вещи. Я действую по принципу «smart trading»: не всё надо покупать с самой верхней полки. «Trading up» — это инвестиции в элитные бренды, я не откажусь от хорошего крема для лица. «Trading down» — это ограничение характеристик продукта, а значит, и его цены. Для макарон дизайнерская упаковка не обязательна. Косметику я покупаю через интернет. Массаж — в пакете либо торгуюсь о цене. Покупки я делаю в «Реале» или через интернет в «Петре и Павле». Вместо того чтобы ходить по ресторанам, мы со знакомыми вместе готовим.

Моя кризисная стратегия — это инвестиции в собственное здоровье, так как, по словам доктора, у меня организм, как у сорокалетней. Я тренируюсь, хорошо питаюсь, хожу на танцы, делаю маникюр и педикюр. Исследования показали, что во время кризиса мы больше ценим маленькие радости. Это т.н. эффект помады — продажи автомобилей падают, зато растет сбыт цветной косметики и гаджетов.

К счастью, есть много чего бесплатного, например, лекции на TED.com. Если бы за всё приходилось платить, пережить кризис было бы тяжелей.

10 тыс. зл.

ЕЗДИТЬ НА ИТАЛЬЯНСКОМ МОТОРОЛЛЕРЕ

П., 49 лет, владелец ломбарда, Варшава

Последние три года чаще всего приходят мелкие предприниматели, которые не в состоянии свести концы с концами. Им иногда приходится месяцами ждать оплаты за сделанную работу. В такой ситуации однажды клиент предлагал мне четыре экскаватора. Вторая группа — это те, кто должен платить проценты по кредиту. Пенсионеры берут ссуду на квартплату, молодые — на учебу. Кроме того, людям нужны деньги на развлечения: отпуск, праздник, выпивка, да хоть абонемент в фитнес-клуб, а у них временные финансовые трудности. Кому-то до первого числа не хватает. Раньше занимали сто злотых у соседки. Теперь вместо соседки мы — правда, мы проценты насчитываем.

Вот это кольцо — на глаз 3,5 грамма. Я бы выдал под него 300 злотых. Через три дня нужно отдать на 10 зл. больше, а через месяц около 50-ти. Всего 2% залогов никто не забирает. Мои клиенты — это не те люди, что постоянно без денег.

В последние несколько лет в Варшаве просто бум ломбардов. Людям кажется, что сегодня в этой отрасли можно заработать большие деньги. Дух конкуренции ощущается, но клиентов у нас много, потому что мы серьезно относимся к своей работе.

Мне не приходится экономить, так как я живу по средствам. Мне никогда не была нужна «крутая тачка», я езжу по городу на обычном итальянском мотороллере. Ломбард дает лишь 7% моих доходов. На это не проживешь: квартплата в Варшаве высокая. Поэтому я одновременно и эксперт, и ювелир, мои работники тоже — вот, видите, вся стена в сертификатах.

8 тыс. зл.

ОТКРЫТЬ НОВУЮ ФИРМУ

Магда, 26 лет, диетолог и хозяйка массажного салона, Сопот

Получив высшее образование, я открыла фирму и занялась диетологией. Год тому назад мы с женихом открыли салон. Мы часто разговариваем о кризисе — включаешь телевизор, читаешь газету: везде кризис. Но — я подыскиваю работника, и половина людей не приходит на собеседование, чтобы хотя бы узнать о зарплате! Массаж у нас стоит 120 зл. с человека. На Groupon'e^[1] — 149 зл. за двоих. Сюда входит напиток и глот

релаксации. Клиенты приходят кто в фирменных шмотках, кто в спецодежде. Студенты, пенсионеры. У нас всё выкуплено на месяц вперед. Так где этот кризис? В салоне нужно полы менять, а в строительных фирмах заказы принимают на следующий год. Рабочих рук им не хватает.

Я знаю, что не везде сладко. Например, мой отец занимался экспортом зерна. Уже год ищет работу. Однако в Польше люди еще только начинают испытывать страх.

Я всегда была экономной. Каждый месяц сколько-нибудь откладываю. Не знаю, как по-другому подготовиться к кризису. Я же не закрою фирму. Начнется кризис, тогда и посмотрим. Пока мы планируем строительство дома, свадьбу и новую фирму. Хотим поработать вместе с психологами, которые занимаются стрессовыми ситуациями. Остальное — секрет.

5000-10000 зл.

ПРИГЛАСИТЬ СВЯЩЕННИКА «ОТ ВОРОТ»

В., 36 лет, владелец предприятия ритуальных услуг, Варшава

Люди умирают и будут умирать. Однако с 1 марта 2011 г. пособие на погребение было сокращено с суммы, равной двум средним зарплатам по стране, до 4000 зл., а за такие деньги в Варшаве похороны не организуешь. Семья должна доплатить около двух тысяч. К счастью, у пожилых людей есть сбережения. Настоящий кризис в этой отрасли начнется, когда поколению тех, кто сейчас набрал по несколько кредитов, придется хоронить своих близких. Вот у них на черный день ничего не будет.

В интернете и «Супер-Экспрессе» нас рекламируют как самое недорогое предприятие в Варшаве. Уже год, как клиенты сразу спрашивают, на каких расходах можно сэкономить. Самый простой гроб — сосновый, хотя самый красивый — это лакированный дуб. Сейчас время сосны, то есть гробов по тысяче (у нас сюда входит обивка, подушка, крест и четыре ручки). Самая большая экономия, если выбрать кремацию. Картонный экологичный гроб — 450 зл., самая простая урна — 290, кремация — 630. Стоимость установки урны в могилу в два раза ниже — 540-750 зл. А если могила двойная, в ней можно установить до восьми урн. Те, кто выбирают кремацию, еще и отказываются от таблички с именем — вот еще минус 50. Таким образом, стоимость похорон уменьшается на целую тысячу. Иногда человек при жизни просит, чтобы его похоронили в гробу. Если семье это не по карману, выбирают

урну в форме гробика, чтобы уважить волю покойного. Многие отказываются от заупокойной службы, потому что это стоит не меньше 500 злотых. Можно пригласить того священника, что дежурит «у ворот» кладбища. Он тогда идет к месту погребения и там молится. Стоимость такой услуги от ста злотых. Если у семьи очень трудное положение, священник может согласиться и на меньшую сумму либо вообще сделать это бесплатно.

Всё чаще клиенты вместо венков заказывают букеты или даже символическую розу. Некоторые отказываются от цветов в расчете, что их принесут другие. Как еще экономят? Торгуются с могильщиками, у которых ставка 800 зл. (это тяжелая работа, особенно зимой). Сами печатают объявления о смерти.

4500 зл.

ПОКУПАТЬ КРЕМ «ERIS» ВМЕСТО «LANCÔME»

Кристина, 60 лет, на руководящей должности в Центре занятости, Сувалки

В этом году я занялась консервированием: повидло, яблоки для шарлотки, томат-пюре. Впервые за много лет. Даже как бы и не в связи с кризисом, но мне показалось, что платить 5 зл. за баночку джема — это уж слишком. Обычно на еде я не экономлю — впрочем, сколько я могу истратить на одну себя? Но я замечаю, что моя покупательная способность падает. Я боюсь кризиса. Через год мне на пенсию. Я продолжала работать в основном по финансовым соображениям. Да и что мне делать дома? Сидеть перед телевизором не хочу, а крючком вязать не умею. Почти всю жизнь я проработала на руководящей должности, всегда с зарплатой выше среднего. И после 36 лет стажа мне насчитали пенсию ниже средней по стране! Я живу одна, и мне придется на это существовать. С какого-то времени я каждый месяц откладываю небольшую сумму. Дочерей пугаю: мол, будете мне алименты платить, если окажусь в нужде. У моих девочек дела хорошо идут, даже очень.

Ежегодно я на две недели выезжаю за границу. Последний раз была в Турции. До недавних пор я задумывалась, не сменить ли автомобиль — у меня семилетняя «Фабия», — но стоит ли? Может, уж и ни к чему.

От расходов на то, чтоб хорошо выглядеть, я не отказалась. Каждый месяц хожу в парикмахерскую, делаю операции у косметолога. Я люблю хорошую косметику. Несколько лет тому

назад я покупала кремы «Lancôme» по 300 зл., теперь выбираю «Eris» по 60. Они тоже очень неплохие.

Ходили недавно с дочкой на «Римских влюбленных» — в зале было всего пять человек! Это вечером-то в пятницу! Похоже, кризис добрался и до Сувалок. Видимо, 18 зл. за билет в кино — для многих серьезный расход. В нашем Центре занятости всё меньше предложений. Появляются вакансии только на самую простую работу: подсобный рабочий, рабочий по дереву, в магазин. За минимальную оплату — 1500 зл. без всякой страховки. Зарплату побольше предлагают редко. Для образованных людей предложений нет. В сентябре было зарегистрировано 4760 человек, годом раньше — на 300 меньше. Растет число безработных выпускников, но и для них в у нас Сувалках ничего нет.

3000 зл.

НЕ ХОДИТЬ В СЕТЕВЫЕ КАФЕ

Оля Сальва, 30 лет, специалист по пиару в «Вайда Студио», Варшава

В течение семи лет я работала журналистом, в основном в «Пшекруе». Четыре года тому назад меня уволили из штата и предложили постоянное сотрудничество. Я начала карьеру внештатника. Парадокс: я зарабатывала больше — 5-6 тыс. зл. Будучи не замужем, я могла работать круглосуточно. Вела собственные рубрики в нескольких журналах. Я могла докупить мебель в квартиру, съездить на кинофестиваль во Вроцлав, не переживать из-за счета в ресторане. Зато в отпуск не уезжала даже на неделю, иначе можно было потерять заказ. В декабре 2011 г. расценки на тексты упали на 30-50%. Кризис в отрасли всё углублялся: весной этого года расценки снизились еще на 20% по сравнению с осенью. Я получила предложение от Школы Вайды с окладом наполовину меньше.

Нервирует ли это меня? Только когда думаю о пенсии. Но я живу в большом городе, у меня нет детей, кредита. Я могу позволить себе рискнуть и сменить профессию. Кроме зарплаты я еще подрабатываю текстами. Но я сознаю, что могу оказаться без работы: школа существует на дотации.

Я всегда экономила, а теперь делаю это более осознанно. Я по-прежнему покупаю дорогие кремы для лица: 200 зл. за баночку, зато гель для душа — за 8. Овечий сыр раз в месяц в «Альме», но закупки на неделю делаю в «Лидле». Кое на чем нельзя экономить, потому что платишь дважды. Когда-то я ела ланч в

городе. Теперь беру обед с собой на работу и не хожу в сетевые кафе — это 600 зл. в месяц. На чем я еще экономлю? На одежде и кино. На журналах о моде и интерьере — они в интернете бесплатно. На что откладываю? На ремонт в квартире, на недельную поездку к морю. Приятнее чувствовать, что откладываешь на что-то конкретное. Кризис — это пугало для людей. Они начинают работать больше за меньшие деньги, чтобы не потерять место, заказы.

2000-2500 зл.

ПЕРЕЙТИ С ВЕТЧИНЫ НА СУХУЮ КОЛБАСУ

Алина, 57 лет, полтора года на пенсии, хозяйка магазина с товарами для животных, Варшава

Уже 14-й год я держу в этом районе магазин товаров для животных. Раньше я еще работала на железной дороге. Сейчас можно было бы получать пенсию, сидеть и жаловаться на трудности — а что толку? Я люблю работать. Люди больше тратят на животных, чем когда-то на детей. На кормах не экономят, появилась мода на костюмчики для собак. Старушка, сама бедствует, а 30 зл. на зубную пасту для собачки отдаст. Постельное белье, лакомства тоже пользуются спросом. Товару я продаю столько же, сколько 3-4 года назад, но зарабатываю меньше. Оптовики постоянно повышают цены, а я не могу себе этого позволить.

Покупками занимается муж. Он очень любит мясо и много его покупает. Недавно перешел с ветчины на сухую колбасу. Говорит, что это в целях экономии, так как в колбасе больше мяса и ее можно резать тонкими ломтиками. Ну и не так быстро портится. Он тратит в супермаркете раз в неделю по 200 зл. Живем мы вдвоем.

Если бы мне пришлось от чего-то отказаться, это точно был бы отпуск за границей. У меня ведь на Мазурах дом от родителей остался. Но уж косметику я всегда куплю. Хотя недавно стала обходиться без духов. Дешевых не люблю, а на фирменные у меня уже не хватает. Тем более что каждый месяц я понемногу откладываю. Так меня отец научил.

Удовольствия? Несколько раз в год ходим со знакомыми в ресторан. Дорого, но людей всегда полно. У родни я кризиса тоже не замечаю. У племянников дела идут. Одному предлагали работу в Америке, решил остаться в Польше. Второй несколько месяцев искал себе какую-то идеальную работу, тем временем где-то работал. Закончил один факультет — экономический,

язык знает только английский. Он не расстраивается. Не понимаю, почему эта молодежь с тремя образованиями и пятью языками ничего не может добиться. Может, им силы воли не хватает? У меня магазин дважды отбирали. Я подожду и следующий открываю. Когда-то за всё зло в ответе был коммунизм, потом — демократия. А теперь кризис.

Больше 2000 зл.

НЕ ИМЕТЬ ПРИХОТЕЙ

Мирослав, 49 лет, врач, Варшава

Я ординатор в больнице, адъюнкт в училище, по профессии работаю 23 года. С пятью дежурствами у меня в месяц выходит чистыми около 7,5 тыс. зл. Я не типичный врач: у меня только одна работа, я не набрал кредитов на вещи, которые мне не по карману, у меня нет машины! Мои проблемы — это кризис среднего возраста и кризис польской медицины, истоки которого не столько во всемирном финансовом кризисе, сколько в порочной системе. Все процедуры плохо оценены, и, что бы мы в больнице ни делали, это, почти по определению, приносит убыток. Чем больше пациентов мы принимаем, тем выше задолженность. Снижения зарплаты я не боюсь, так как это грозит забастовками. Возможно, часть людей уволят, но врач работу всегда найдет.

Цены пошли вверх, но это еще не кризис. У нас нет особых прихотей. Если временные трудности, то меньше тратим, реже ходим по ресторанам. Не покупаем то и дело новую аппаратуру. Сделать ремонт, поменять плитку? А зачем, если в этом нет необходимости? Но когда есть деньги, мы едем с детьми в отпуск, и за границу тоже. Иногда берем небольшие кредиты, годовые, на инструмент, технику какую-нибудь. Легче оплачивать в рассрочку по 200 зл.

Коллегам приходится выплачивать большие кредиты. Они живут не по средствам. Купили шикарные дома, у всех автомобили, у жен тоже. Работают на ставке, потом бегут на другую работу, потом на третью и так до 11 часов вечера. Или ездят на дом к больным. Живут для того, чтобы работать, зарабатывать и больше тратить. Я прихожу с работы, и у меня есть время для семьи. По сути дела, вопрос не в том, сколько ты зарабатываешь, а в том, что ты делаешь с этим заработком. Ты или умеешь распоряжаться деньгами, или живешь не по средствам, и за это приходится расплачиваться.

2000 зл.

НЕ ЕХАТЬ НА КАНАРЫ

**Магдалена, 34 года, специалист по вопросам качества,
Познань**

Я работала в шведском концерне. Прекрасная работа. В этом году нас купили англичане. Ходили слухи, что будут перемены, но никто не ожидал, что нас уволят массово. Больше 80 человек. В первый раз я потеряла работу. Это угнетает. Но о финансах я не переживаю. Муж зарабатывает примерно как я. А мне еще выдадут выходное пособие. Правда, расходов побольше, так как у нас маленький ребенок, но есть и немного сбережений. Они дают мне чувство защищенности, и я не люблю ими пользоваться.

Дочка как раз пошла в садик и начала болеть. В предыдущей фирме с отпуском по уходу за ребенком проблем не было, а в новой? Из-за этого я переживаю. Работу-то я найду. Две недели назад отправила пять резюме и уже была на двух собеседованиях. В Познани кто теряет работу, находит другую. Все знакомые нашли что-нибудь, самое позднее за три месяца.

Мы по-прежнему ходим в кино и по ресторанам. Муж даже настаивает на том, что, пока у меня перерыв в работе, неплохо бы съездить в теплые края. И вот тут у меня включаются тормоза. Как-то это странно: получать пособие по безработице и бить баклуши на Канарских островах. Не до загулов, если нет работы. Тем более что мы думаем взять кредит на квартиру — сейчас мы снимаем и платим 1200 зл.

Я не покупаю гаджетов: мне не нужны айфоны, плазма, блю-рэй. Мы в Познани, прежде чем потратить, пять раз посчитаем. Когда только удастся, я откладываю по несколько сот злотых. Я давно это делаю. Такой у меня характер и здравый смысл.

2000 зл.

РАЗВИВАТЬ ДУХОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Эва, 50 лет, работник банковского учреждения, Варшава

Пять лет назад у меня была фирма по продаже фотографий. Два года тому назад я ее закрыла. Теперь у каждого аппарат в сотовом телефоне. Муж нашел работу в Англии, я — в государственной фирме, связанной с банковским сектором.

У нас четверо детей. Двое учатся в университете, двое в лицее. Денег у нас вдвое меньше, чем раньше. Пять лет назад я могла себе позволить ездить в Париж и покупать хорошую одежду.

Сегодня об этом не может быть и речи. Ощущение ограниченности имеет свои хорошие стороны. Аскетизм — классная штука. Развиваешь духовную независимость. Важно не то, что ты имеешь, а только то, кто ты есть. Но у меня прежде всего есть такое чувство, что я потеряла свободу, что новая работа от большего меня отучила, чем научила. От чего? От принятия решений, самостоятельности, ответственности. От обслуживания графических программ. Ты винтик в машине. Как профессионал, я трачу зря свои лучшие годы. Чувствуется, что рынок труда закрывается. Зато у меня есть время для социальной самореализации. Я тружусь в семейной секции католической организации.

Мы отказались от домработницы. Это несколько сот злотых в месяц. Я не хожу ни в кино, ни в театр. На день рождения я пригласила родню на «Три сестры» Чехова. Для нас шестерых это 600 злотых! Мы экономим на питании. Я не покупаю одежды, большей части книг, которые хотела бы иметь. Дочери пошли в государственные лицеи вместо частных. Мы отказались от отпуска в Италии. Старшие дети сами зарабатывают на свои нужды. Младшие в эти каникулы работали в ресторане — теперь у них есть деньги на безделушки.

И всё равно каждый месяц, 15-го, я начинаю тратить следующую зарплату. Это ужасный опыт. На что у меня должны быть деньги? На детей. На обувь, на школу, даже на театр. Мне стыдно перед ними, что у меня нет денег. Себе я не отказываю в элементарной косметике. И в поездках, хоть раз в год. И еще мне нужно на бензин.

Среди знакомых появляется страх. Но мы об этом не разговариваем. Это стыдно и трудно. Я стараюсь скрывать свою ситуацию.

2000 зл.

БРАТЬ СУП ВМЕСТО ВТОРОГО

Аня, 29 лет, учительница начальной школы, Варшава

У меня в школе учителей пока не увольняют. Дирекция старается переводить сотрудников на другие должности. Если для кого-то нет ставки, как, например, для учителя природоведения, он переходит на полставки в клуб. У меня, к счастью, полная ставка. Иногда я помогаю выполнять уроки, присматриваю за ребенком. Вместо того чтобы пойти в ресторан, приглашаю знакомых домой. Если я иду в школьный

буфет, то выбираю бутерброд за 2.50, а не за 3.50, на обед беру суп (2 зл.), а не второе (6 зл.). То, что я живу с родителями, — тоже форма экономии. Не знаю, как существуют те, что должны со всем справляться сами.

1500 зл.

НИКОГДА НЕ БРАТЬ КРЕДИТОВ

Миколай, 59 лет, столяр, Гайнувка

Здесь богато никогда не жили. Кризис, не кризис. Я вообще-то о кризисе не задумываюсь. Телевизор не смотрю, политика меня раздражает. Телевизор сломался, когда было «Евро», а нового я не покупаю. Прихожу с производства и работаю около дома. Траву нужно скосить, огород прополоть, свиньям размолоть смесь, уборку сделать, потому что куры. Если есть огород или свиньи, чувствуешь себя увереннее. Ремонтирую всё сам. Я и сварщик, и по металлу, и по дереву. Пару лет тому назад было лучше. Люди кровлю поменяли, облицовку, заборы. Теперь кровельщики в деревнях говорят, что заказов мало. Соседи экономят. Если печь развалится, нужно менять. А мебель? Сломался стол, можно его проволокой стянуть, склеить, и сиди за ним дальше.

У меня было столярное производство, пришлось его ликвидировать. Люди мало покупают. Разве что эксклюзивную мебель, резную. Для Варшавы. Когда такое делали, было удовлетворение. Но пенсионные отчисления почти тысячу злотых на человека, а зарплата рабочим, налоги, материалы, платежи? Выгоднее было наняться на работу.

Сбережений у нас нет, но и долгов тоже. Знакомые покупали машины, а теперь приходится отдавать их судебному приставу. Уж я в кредит ничего не возьму, потому что неизвестно, как будет с работой. Если человек разносторонний, как я, тогда с работой легче. Даже по-черному. А какой-нибудь молодой экономист или гуманитарий после школы — ему что делать? Светлого будущего я не вижу. Расходы растут, на топливо мы тратим 4500 зл. в год. В Беловежской Пуще стоимость топлива выше, чем в Варшаве! Несколько лет назад лес выручал, а сейчас, из экологических соображений, об этом и речи нет! Во время референдума о вступлении в Евросоюз я был в комиссии. Люди голосовали за, потому что думали, что заработки будут выше. А сейчас цены сравнялись с европейскими, а заработки — то у нас африканские.

1200 зл.

УЧИТЬСЯ БЛИЖЕ К ДОМУ

**Мариоля, 45 лет, воспитательница в детском саду,
Подкарпатское воеводство**

Бабушка говорила, что сначала семь лет тучных, а потом семь лет тощих. Нужно это пережить. Но пять лет назад я чувствовала себя более состоятельной. Бар у нас всегда был полон, а теперь только временами. За ту же самую сумму я могла себе больше позволить. Каждый год мы ездили отдыхать, а раз в месяц — на один день в горы. Уже год мы нигде не были. Это стоит около 300 зл., нужно хорошо подумать, прежде чем потратить. Иногда под конец месяца плохо с деньгами.

Из продуктов покупаю то же, что раньше, только меньше. Ну, привык желудок к ветчине по 33 зл. Спасаемся огородом. Я уж собиралась его бросить, да посеяла морковку, петрушку, посадила картошку. Солений наделала. На фирменную одежду я махнула рукой. Не покупаю так часто, как прежде.

Старший сын пошел учиться. Хотел поехать в Краков или Жешув. Мы говорили: иди, возьмем ссуду, справимся. Но на аттестат зрелости он сдал не лучшим образом и теперь учится в Кросно. Мы потихоньку радовались: расходов будет меньше.

Муж работал в телекоммуникации. Он инженер-информатик. Два года тому назад фирма предложила хорошее выходное пособие тем, кто уволится. Он решился и полтора года был без работы. Здесь всё по знакомству: объявление в прессе появляется, когда уже есть кандидат. С улицы не устроишься. В конце концов он нашел работу на строительном рынке администратором. Ниже его квалификации и за минимальные деньги, но он и за это держится.

Я зарабатываю, в общем, неплохо. Но в этом году районные власти сняли надбавки: за воспитательную работу, за сверхурочные, за награды. Вокруг увольняют учителей. В нашем районе в этом году 20 человек сократили. Детей с каждым годом всё меньше. Только что неподалеку закрыли школу. Я смотрю в будущее с надеждой, так как состою в правлении профсоюза и на пять лет я под защитой.

По детям видно, как люди экономят. С 8 до часу пребывание ребенка в детском саду бесплатное, потом нужно платить по 2 зл. в час. С тех пор, как это ввели, после обеда из 65 детей остается 12. Остальных забирают бабушки, тетки, кто как может.

910 зл.

ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ

Паулина, 36 лет, продавщица в киоске, Варшава

Люди всё чаще спрашивают самые дешевые сигареты, а не конкретную марку. Обращают внимание на то, что газета подорожала на 20 грошей, для многих это проблема.

Я одна воспитываю дочь, ей 11 лет. В этом году собрать ее в школу стоило около тысячи злотых. Учебники, даже подержанные, — дорогие, на информатике у каждого должна быть флешка, понадобился новый ранец. А ведь еще будут походы в музеи, театры, экскурсии. Ребенок должен регулярно принимать лекарства. Одно из них страшно подорожало: трехмесячная доза с 70 до 600 зл. Это огромная разница, несмотря на то что органы социальной опеки компенсируют 20% стоимости лекарства.

На питании трудно сэкономить. Я хожу в «Бедронку», но не покупаю самых дешевых продуктов: я должна быть уверена, что мы едим здоровую пищу. Покупая обувь или одежду, я также обращаю внимание на качество. Лучше сэкономить и купить что-то попроще, не самое дешевое. Такие вещи — для более состоятельных, для тех, кто может выбросить их через месяц.

Недавно мы с дочкой договорились, что отказываемся от кабельного телевидения. Сэкономим 119 зл. Интернет ей нужен для школы, так что вместо пакета «интернет с телевидением» мы возьмем просто интернет за 40 зл.

У нас со знакомыми группа поддержки. Подруга работает в магазине одежды, и, если кому-то что-нибудь нужно, она покупает со скидкой для сотрудника. Так же мы решаем и другие проблемы. У нас две семьи с четверьмя и пятью детьми — все среди своих знакомых собирают для них игрушки и одежду. Они живут в деревне, так что, к примеру, всем помогли со свининой. Когда одна еще ждет зарплату, а другая уже получила, та готовит побольше, и мы обедаем вместе. Мы держимся сообща, и благодаря этому удастся как-то выжить.

750 зл.

ПОКУПАТЬ, ЗАЛЕЗАТЬ В ДОЛГИ

Гжегож, 35 лет, крестьянин, из-под Люблина

Мы стараемся продавать куда угодно: в Китай, Саудовскую Аравию, Украину, Африку — ректифицированное молоко, сыворотку, на этом можно заработать. За 10 лет цены на молоко поднялись на 10%. Теперь литр стоит 1.20 зл. Если бы я продавал свыше 30 тыс. л в месяц, было бы 1.60 зл. Но для этого нужно дойное стадо в сто голов, а у меня 36. Но пока я с прибылью.

Я считаю, что кризиса нет. Это выдумка богатых. Они морочат голову бедным, чтобы меньше платить за работу и дешевле покупать. Деньги утекают в крупные торговые сети. Сегодня вся прибыль идет за границу.

Мне от 20 тыс. дохода остается три тысячи на четырех человек. Нужно больше работать, больше коров держать в коровнике. Больше полей покупать. Если считать, что гектар дает 2 тыс. прибыли, получается, что покупка гектара окупается через десять лет. Но инвестировать нужно. Тот, кто не воспользовался дотациями Евросоюза, топчется на месте. В 2000 г. я взял кредит «Молодой крестьянин». Купил трактор, агрегат, плуги. Потом была Программа развития сельских территорий, можно было взять 300 тыс. зл. и еще столько же добавить своих. Из этого получился тягач, агрегат-культиватор, прицепной распылитель и коленчатый погрузчик. Жду новых возможностей.

Как пережить кризис? Нельзя держать деньги: нужно покупать, тратить, даже залезать в долги. Экономить за счет инвестиций и планировать. Тогда есть свет в конце тоннеля.

150 зл.

ВЕРНУТЬСЯ В АНГЛИЮ

Лукаш, 38 лет, сварщик, Лешно

В конце 90-х я работал в Лондоне. Им нужны были сварщики. Я вернулся, зарегистрировался как безработный и записался на бесплатные курсы по сварке. Три года я работал в Польше, хотел стать лучшим. В 2003 г. уехал. В Польше платили 10 зл. за час, а под Лондоном — 10 фунтов. Я уже собирался вызвать семью, и тут наступил кризис. Англичане стали жаловаться на то, что работу отдают иностранцам. Двое польских коллег потеряли работу и не сумели найти новую. Я перепугался и отправил резюме фирме в Лешно. Через две недели я уже работал в Польше. Это был 2009 год. Платили хорошо, так что я открыл собственную фирму и варил там после работы, заказов было даже слишком много. У нас родился второй ребенок, жена больше не работала. Нам на всё хватало.

Две недели тому назад меня уволили. Теперь моя фирма должна прокормить семью и заработать не меньше пяти тысяч, потому что нужно заплатить страховые взносы, произвести платежи, купить материалы, погасить 500 зл. кредита. А заказов всё меньше. Судя по первым неделям, я, возможно, заработаю за месяц 3000, а в дом принесу 600 зл.

Экономлю на бензине. Если откажусь от гаража, это даст еще 120 зл. в месяц. Жена вместо ветчины покупает вырезку и сама готовит. Собирается печь хлеб. Не будем ходить в «Макдональдс» и заказывать по воскресеньям пиццу. Я бы только не хотел экономить на детях. За школьную экскурсию заплачу. В худшем случае жена пойдет работать, хотя я бы предпочел, чтобы она была с детьми.

Я напечатал листовки, по ночам ищу в интернете контрагентов. Жалею, что не остался в Англии. Может быть, сверну свой бизнес и вернусь туда.

0 зл.

Иоанна, 26 лет безработная выпускница со специальностью «культурология», Варшава

Я прочитала в газете, что принадлежу к потерянному поколению. И что сама виновата, раз выбрала культурологию.

На последнем курсе я проходила стажировку в одном промоушн-отделе. На руки я получала 1500 зл. Они хотели, чтобы я осталась у них, но у меня не получалось совмещать это с написанием диплома. Я думала, сразу найду что-то новое. Но прошло уже полгода, и ничего.

На чем я экономлю? Покупаю косметику подешевле — нашла очень хорошие польские кремы по 20 зл. Сменила парикмахера; вместо 120 зл. плачу 60 и хожу только перед праздником. Не заглядываю в магазины без необходимости, меньше пью кофе в городе и почти не устраиваю вечеринок. Я уже не помню, когда в последний раз была в театре. Это меня огорчает — ведь я должна быть в курсе событий. Книги я часто покупаю через интернет и указываю: «получу самостоятельно».

У меня уже мания проверять телефон и почтовый ящик. Если бы я искала любую работу, то наверняка нашла бы, но я боялась погрязнуть в ней лет на двадцать и распрощаться со своими амбициями.

Доходы неизвестны

ПОКУПАТЬ БУМАГУ БОЛЬШИМИ РУЛОНАМИ

Барбара, 56 лет, крестьянка, 50 км от Варшавы

В течение трех лет наши доходы уменьшились наполовину. Удобрения, пестициды, семена и топливо всё дорожают. А цены на овощи и фрукты те же. И при этом на базарах люди еще торгуются. Говорят, что придут в пятницу, когда зарплату получают. Действительно, после двадцатого, когда выплачивают пенсии, пособия, у нас выручка больше. У меня соковыжималка работает через день. Вчера пропускала яблоки и груши. Я стараюсь всё в дело пустить, что не продается. Делаю соки, пюре, огурцы, квашеную капусту, хрен. Буду готовить фасоль, томатный суп. Но, признаюсь, я замучалась. Легче было бы все продать и не выдумывать.

На чем мы экономим? Косметикой почти не пользуемся, на стиральном порошке не сэкономишь, иначе плохо выстирается. Но туалетную бумагу я покупаю в больших, фабричных рулонах, как для офиса. И хватает на месяц на двоих! Экономлю на здоровье, а мне к стоматологу нужно. У нас тут лес, в случае чего будем деревом топить. Люди уже вырубают, чтобы на угле сэкономить.

Доходы? О таких вещах даже за бутылкой не говорят.

Зузанна Сташевская, Катажина Бони, Катажина Опонович, Эва Волкановская-Колодзей, Мирослав Влеклый, Анна Сулинская, Даниэль Флис

Авторы — студенты Польской школы репортажа.

-
1. Groupon — взятый у американцев сервис коллективных скидок. С помощью сервиса пользователи могут получать скидки, которые можно активировать исключительно при условии, если ими заинтересуется определенное минимальное количество участников программы. — Пер.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Из обращения президента Польши по случаю Дня Независимости: «11 ноября, в национальный праздник Независимости, мы ежегодно встречаемся в Варшаве у могилы Неизвестного солдата, чтобы почтить память всех наших соотечественников, способствовавших возрождению в 1918 г. свободной и суверенной Речи Посполитой. После этих торжеств мы бок о бок с ветеранами пойдем на совместный радостный марш «Вместе ради независимости». Мы про• «Гжегож Гилевич с прекрасным результатом сдал вступительные экзамены в (...) гданьскую Академию художеств. Однако вузовские власти согласились допустить его к учебе лишь при условии, что он подпишет акт присяги, в котором обязуется, в частности, хранить верность идеалам демократии и гуманизма. Гилевич, именующий себя сторонником конституционной монархии, попросил разрешить ему принести присягу, опустив этот фрагмент. При этом он ссылаясь на гарантированную конституцией свободу совести. Вуз отказал (...) Его поддержало министерство культуры и национального наследия». (Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 26 окт.)

• «Видя на варшавской площади памятник Наполеону, я могу лишь заключить, что мы еще не расстались с комплексами, приобретенными в XIX веке. В противном случае мы поставили бы памятник не Наполеону, а... царю Александру I (...) Он не только простил многих польских солдат, но и воздал почести сражавшимся против него, чем вызвал сильное недовольство многих своих соотечественников (...) Ему мы обязаны 15 летним периодом Царства Польского, благодаря которому нам во многом удалось сохраниться как нации (...) Благодаря ему два поколения воспитались в польском духе. Сколько польских институций возникло в тот период, сколько книг было напечатано... Следовало бы воздать Александру должное за его заслуги перед Польшей», — Адам Замоиский. («Уважаю Же — История», октябрь)

• «В Познани после 1989 г. негласная пропаганда призывала не ходить на могилы советских солдат в Цитадели, где их великое множество. Реакция людей была прямо противоположной — невероятное стремление сделать это место важным. До 1989 г.

все это происходило в рамках официальных делегаций, и вдруг познанцы пошли туда стихийно. Люди не отождествляют простого солдата с геополитикой. Число этих могил и их безымянность заставляет людей очеловечить смерть», — проф. Войцех Буршта. («Пшеглёнд», 4 ноября)

- «Когда я приехал в Польшу, я был поражен, с каким энтузиазмом польский народ откликнулся на совместное послание двух Церквей народам России и Польши (...) Я глубоко убежден, что сегодня созданы мировоззренческие и психологические предпосылки для того, чтобы окончательно перевернуть тяжелую страницу, на которой написаны взаимные обвинения, пришедшие к нам из прошлого, и начать новую страницу в отношениях двух христианских народов, перед которыми стоят одинаковые вызовы, связанные с разрушением христианской культуры в Европе», — патриарх Кирилл. («Пшеглёнд православный», октябрь)

- «В 2011 г. пограничники зафиксировали почти 24 млн. въездов иностранных граждан через пропускные пункты на границе Польши с Белоруссией, Украиной и Калининградской областью. В первой половине 2012 г. зафиксировано 10 млн. въездов. А во второй половине года их число всегда растёт». («Пшеглёнд православный», октябрь)

- “«Откроем свой ум и свое сердце к тому, чтобы по-братски строить отношения с соседней Польшей», — призвал в субботнем выступлении по [российскому] государственному телевидению патриарх Кирилл (...) В воскресенье он передал храму Воскресения Христова в Катыни подаренную польскими епископами [копию] иконы Божией Матери Ченстоховской (...) Говорил он и о том, что «русские страдали от поляков и поляки от русских». «Два славянских народа, которые живут бок о бок, не могут эти негативные эмоции, происходящие из прошлого, налагать на жизнь сегодняшнего дня», — сказал патриарх”. (Петр Ендращик, «Жечпосполита», 5 ноября)

- «Шальной блогер выложил в интернет (увы, российский) фотографии останков жертв смоленской катастрофы. Реакция польского правительства становится всё более неадекватной. Министр иностранных дел вызвал в связи с этим российского посла. Министр юстиции обещал сделать запрос своему российскому коллеге (...) По его мнению, это было “грубое вмешательство российских служб в польские дела”». (Бронислав Лаговский, «Пшеглёнд», 28 окт.)

- «Тело последнего президента Польши в изгнании Рышарда Качоровского было похоронено в могиле другого человека,

признала вчера военная прокуратура (...) Одна эксгумация прошла в храме Провидения Божия (...) вторая — на Повонзковском кладбище (...) Анализ ДНК со всей очевидностью подтвердил, что в результате ошибочной идентификации тел они были похоронены в чужих могилах, сообщил вчера начальник Варшавской окружной военной прокуратуры полковник Иренеуш Шелёнг (...) За ошибку в идентификации последнего президента в изгнании несет ответственность (...) Яцек Найдер, тогдашний замминистра иностранных дел». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)

• «Тротил на обломках Ту. Смоленское следствие. Поляки, исследовавшие обломки самолета, обнаружили на нем следы взрывчатых веществ (...) Первые же образцы — как из салона самолета, так и с обшивки крыла машины — дали положительный результат. Приборы показали, что на 30 самолетных креслах есть следы тротила и нитроглицерина. Эти вещества были найдены и на обшивке самолета, на стыке фюзеляжа с крылом. Их было столько, что один из приборов зашкалило». (Цезарий Гмыз, «Жечпосполита», 30 окт.)

• «“Убиты 96 человек, в т.ч. президент Польши и другие выдающиеся общественные деятели. Это неслыханное преступление (...) Мы требуем отставки Дональда Туска. Польшей не могут править люди, которые при расследовании страшного преступления почти 30 месяцев увиливали от ответа”, — заявил председатель «Права и справедливости» (ПиС) Ярослав Качинский». («Газета wyborcza», 31 окт. — 1 ноября)

• «Прокуратура не обнаружила следов тротила и нитроглицерина на обломках разбившегося под Смоленском Ту 154 (...), сообщил вчера полковник Иренеуш Шелёнг из военной прокуратуры». (Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 31 окт. — 1 ноября)

• «Текст о тротиле появился только в той части тиража [«Жечпосполитой»], которую можно [было] купить в Варшаве и окрестностях». (Войцех Чухновский, Анна Кондзинская, «Газета wyborcza», 2 ноября)

• «Возможно, мы никогда не узнаем, каковы были кулисы возникновения знаменитого текста в «Жечпосполитой», который во вторник утром взбудоражил польскую общественность и политику, а уже после полудня оказался мистификацией». (Витольд Гловацкий, «Польска», 2-4 ноября)

- «“Жечпосполита” хотела взорвать Речь Посполитую (...) Тротила нет, но он остался в головах поляков. Что толку, если главный редактор, возможно, лишится должности? И так многие решат, что он пал в борьбе за правое дело», — Моника Олейник. («Газета выборча», 2 ноября)

- «Проведенное мною и контрольным советом служебное расследование показало, что текст «Тротил на обломках Ту» не был подкреплён документами (...) Огромной натяжкой был и заголовок статьи (...) Непродуманные действия нескольких человек снова разожгли польско-польскую войну. За всё это я приношу читателям извинения. За ошибочные решения нужно нести ответственность — это объясняет отставки и дисциплинарные увольнения в редакции», — Гжегож Хайдарович, председатель правления компании «Пресспублика». («Жечпосполита», 6 ноября)

- «Как нам жить друг с другом в одном государстве при таких расхождении и при таких обвинениях? Как нам жить друг с другом, если некоторые из нас верят, что польское правительство участвовало в убийстве польского президента? (...) Пожар разожгла «Жечпосполита», но все телеканалы и радиостанции полдня трубили только об этом. Репортажи о заседании группы Мацеревича передавались непрерывно. Польша наполнилась обвинениями. Может, нужно было все-таки подождать, что скажет прокуратура, прежде чем давать слово людям, будоражащим Польшу при любом удобном случае?» — Тадеуш Мазовецкий. («Ньюсуик-Польша», 5-11 ноября)

- «Прыжок журналистской своры к горлу Дональда Туска — это идеально организованное движение косяка сардинок, притворяющихся пираньями. Все мейнстримные журналисты вдруг заметили (...) что Туск правит авторитарно, единолично, что он не считается с общественным мнением и ломает хребты членам своей партии (...) Как некоторое время назад все жестоко пинали Ярослава Качинского, так теперь разбирают по косточкам Туска (...) Косяк журналистов, а за ним сбитый с толку народ ждут очередной порции тусковской падали (...) Аж диву даешься, что на этом фоне пусть тихонько, но всё же прозвучало предположение одного чешского журналиста о нашей стране: «Травля — национальный спорт поляков» (...) Дональд Туск допустил много ошибок (...) Его можно безнаказанно клеветать, и косяк это чувствует (...) Косяк по самой своей сути не может быть творческим, не ищет правильных решений. Он плавает бесцельно, исключительно для того, чтобы баламутить воду и обеспечивать собственную

безопасность», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик-Польша», 20 кот. — 4 ноября)

• Согласно опросу центра TNS-Польша, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 42% поляков, Пис — 29%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 10%, Движение Паликота — 8%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный барьер составляет 5%. («Жечпосполита», 10–11 ноября)

• «Эксперты обращают внимание на то, что поляки очень сильно разделены. Большинство не хочет легализации гражданского партнерства, но треть опрошенных высказывается за это (...) 56% не верят, что в Смоленске произошел теракт, однако 36% убеждены, что это могло случиться (...) 43% выступают против участия Польши в спасении еврозоны, но 46% одобряют его». («Жечпосполита», 10–11 ноября)

• «Согласно опросу ЦИОМа, президенту Брониславу Коморовскому доверяют 67% поляков. Второе место занимает депутат [от СДЛС] Рышард Калиш (48%), а третье — министр иностранных дел Радослав Сикорский (46%). Самое большое недоверие вызывает Януш Паликот — ему не доверяет 51% опрошенных». («Жечпосполита», 24 окт.)

• «11 ноября, в День Независимости, президент Бронислав Коморовский вручил награды за заслуги перед государством и обществом. [Высший польский] орден Белого орла получили Ежи Бузек, Адам Стшембош и Норман Дэвис». («Газета wyborcza», 12 ноября)

• «В течение ближайшего десятилетия армия потратит (...) на противоракетную оборону 14 млн. злотых (...) В то же время на модернизацию армии государство предназначило 100 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 16 окт.)

• «Через полтора десятка дней Береговой ракетный дивизион ВМФ будет оборудован 12 ракетами NSM (Naval Strike Missile). Эти ракеты могут уничтожать как корабли, так и наземные цели (...) в радиусе 200 км (...) NSM — «умные» снаряды, невидимые для радаров. Во время полета они могут маневрировать, а летят практически над поверхностью воды (...) До конца 2015 г. на вооружение дивизиона поступят еще 38 NSM (в будущем году — 14). Ракеты на мобильных платформах могут быть размещены в разных местах». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 ноября)

- «Вопрос финансирования оборонных расходов у нас решен. Уже 11 лет подряд на эту цель выделяется 1,95% ВВП. Никто не ставил этого под вопрос, даже в последние кризисные годы. Думаю, что по вопросу оборонных расходов в нашем политическом классе существует консенсус», — министр национальной обороны Томаш Семоняк. («Жечпосполита», 22 окт.)
- «Начали нести службу первые американские военные, постоянно расквартированные в Польше. Солдаты, входящие в состав подразделения Aviation Detachment, выполняют поставленные перед ними задачи на 32-й базе тактической авиации в Ласке, где они будут готовить учебные визиты американских самолетов». («Жечпосполита», 10-11 ноября)
- «Обеспечить себе способность сдерживания российского нападения — вот что должно быть ключевым элементом польской стратегии. Нападение с одной стороны можно отразить (...) Поляки знают, насколько быстро Россия и Германия могут менять свой строй и политические планы», — Джордж Фридман. («Форум», 15-21 окт.)
- «Существует такая политическая конъюнктура, в которой наличие армии грозит более серьезной опасностью, чем ее отсутствие. Вооружаться нужно лишь затем, чтобы более слабое государство не пыталось навязать нам свою волю. От более сильного армия не защитит. Для многих стран армия — вопрос неправильно понятой чести, а не реальной потребности», — Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд». 4 ноября)
- «Уже неделю в 15 жешувских детских садах дети учат китайский. Бесплатно. За работу китайской студентки Пин Цзяо платит муниципалитет». (Агата Кульчик, Магдалена Мах, «Газета wyborча», 15 окт.)
- Более 70 чеченцев, грузин и армян, содержащихся в закрытых центрах для иностранцев, объявили голодовку. «Некоторые «сидят» уже год, а голодовка должна помочь им донести свои требования до широкой общественности. Они требуют: информации на понятном для них языке, возможности контакта с внешним миром, соответствующей медицинской опеки, образования для детей и уважения их прав, улучшения социальных условий, прекращения насилия (...) Особенно тяжела судьба детей. Из-за тюремной дисциплины им приходится играть и гулять только в определенные часы (...) Не хватает опеки психолога, особенно детского». (Иоанна Климович, «Газета wyborча», 18 окт.)

- «Министерство внутренних дел обещает изменения. Тюремная дисциплина уже не будет распространяться на детей». («Газета wyborcza», 26 окт.)
- «Почему иностранцы, которые нелегально перешли границу в поисках лучшей жизни для себя и своих семей, чувствуют себя в Польше как в аду?» (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 30 окт.)
- «В польском интернете евреев оскорбляют и обвиняют во всех возможных [и невозможных] преступлениях и несчастьях, обрушивающихся на бедных «истинных поляков» (...) Чаше всего пользователи интернета атакуют этнические и конфессиональные меньшинства, но встречается также немало проявлений ненависти к политикам и звездам». (Бартош Янишевский, «Впрост», 5-11 ноября)
- «Следствие по делу о массовом убийстве в Вонсоше продолжается с 2006 г. и близится к концу. Свидетели тех трагических событий подтвердили, что в Вонсоше, как и в Едвабном, евреев (по разным оценкам, 150-250 человек) уничтожили поляки (...) Белостоцкий Институт национальной памяти (ИНП) расследует также массовое убийство в Радзилове. 7 июля 1941 г. тамошних евреев согнали в амбар и подожгли его. «То, что делалось во время войны на Ломжинской земле, вопиет к небу», — говорит начальник следственного отдела белостокского ИНП Збигнев Куликовский». (Агнешка Домановская, «Газета wyborcza», 8 ноября)
- «Иоанна Цесля: «На экраны выходит новый фильм Владислава Пасиковского «Последствие», в основу которого легли едвабненские события 1941 года» (...) Олаф Жилич: «Это фильм о том, что может случиться с каждым из нас, если мы откроем трудную историю нашей семьи или общества. Его главный мотив — неспособность разобраться с коллективной и индивидуальной виной (...) Таких мест крупных и мелких погромов во всей Польше очень много»». («Политика», 7-13 ноября)
- «Численность еврейского меньшинства в Польше оценивается в 6 тыс. человек, но если учитывать только членов еврейских общин, останется всего 2 тысячи. Людей, сознающих свое еврейское происхождение, в Польше может быть от 20 до 100 тысяч». (Анита Чупрын, «Польска», 19 окт.)
- «Геноцид совершают всегда обычные люди, соседи (...) Меня ужасают масштабы ненависти, открывающейся в последнее время в Польше. Если бы возникла подходящая ситуация, то речь шла бы уже не о единичных инцидентах — просто поляки

сожгли бы цыган. Зло непредсказуемо. За время моей жизни геноцид совершался в Югославии, Камбодже, Руанде (...) Любой народ способен на это, и в этом смысле мы не исключение. Мне нетрудно представить себе, что в один прекрасный день поляки могут взять в руки бейсбольные биты и бутылки с бензином...» — Иоанна Батор. («Газета выборча», 3-4 ноября)

• «На фотографиях — дети, связанные пеленками и конвертами, неспособные пошевелиться. Они лежат в кроватках или сидят на стульчиках (...) На их лицах видны следы от слез, некоторые частично освободились от пут. Другие продолжают бороться, на их лицах рисуется отчаяние (...) Частные ясли «Волшебная страна Винни-Пуха» на Липовой улице, в богатом районе Вроцлава (...) Сотрудница полиции подтвердила, что кроме фотографий имеются также фильмы (...) Она сказала, что во время их просмотра сама плакала». (Мажена Жухович, «Газета выборча», 24 окт.)

• «Более двух лет назад на работников социального обеспечения, здравоохранения и полицейских была возложена обязанность обеспечивать безопасность детей в случае угрозы их жизни или здоровью (...) Они могут без решения семейного суда отобрать у родителей побитого ребенка и передать его ближайшим родственникам или временным опекунам (...) Согласно отчету о реализации Всепольской программы по противодействию насилию в семье за 2011 г., в результате у родителей было отобрано 474 ребенка». (Михалина Тополевская, «Дзенник — Газета правна», 10 окт.)

• «По данным министерства здравоохранения, в 2010 г. был сделан 641 легальный аборт, в т.ч. 614 — из-за повреждения плода. [Выступающая за аборты феминистская] Федерация женщин и планирования семьи считает, что ежегодно в Польше делается 80-200 тыс. подпольных аборт». (Рената Грохал, Агата Козинская, «Газета выборча», 11 окт.)

• «Страсбургский суд постановил, что Польша нарушила Европейскую конвенцию о защите прав человека, затрудняя доступ к аборту изнасилованной 14 летней девочке. Семья девочки должна получить 45 тыс. евро компенсации». («Тыгодник повшехный», 11 ноября)

• «Некоторые священники говорят об экстракорпоральном оплодотворении нехорошо. Они называют нас товаром, купленным в магазине, чудовищами из пробирки, детьми Франкенштейна (...) Это очень неприятно. Как-то раз мы с мамой сидели на диване и смотрели телевизор. Мне тогда было семь или восемь лет. Шла трансляция мессы, во время которой

читали послание [епископов] об экстракорпоральном оплодотворении. Уж не знаю, что я там услышала, но в конце концов обернулась к маме и спросила: «Мама, почему он говорит, что я — ребенок дьявола? Со мной что-то не в порядке?» (...) После того, что я услышала от священников, я решила, что никогда больше не пойду в церковь», — Констанция Сарамонович. («Впрост», 29 окт. — 4 ноября)

- В дискуссии на тему опытов на животных, организованной Отделом медицинских наук, Комитетом нейробиологии и Советом по популяризации науки ПАН, все, за исключением проф. Анджея Эльжановского, пришли к выводу, что достаточным основанием для опытов на животных является польза, которую это может принести человеку. Проф. Эльжановский, сославшись на доклады британской парламентской комиссии по защите животных 2005 г. и Нуффилдского совета по биоэтике, оспорил практическую ценность опытов на животных. По его данным, менее половины исследований химических веществ на мышах и крысах и только немногим больше половины исследований на человекоподобных обезьянах и собаках согласуется впоследствии с результатами клинических исследований на людях. Однако с ним никто не согласился. (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 24 окт.)

- «В 2008–2010 гг. государство заплатило более 17 млн. злотых за ущерб, нанесенный (...) всеми охраняемыми животными вместе взятыми. 15 млн. из этой суммы пришлось на бобров (...) А сколько мы заплатили бы бобрам, если бы они предъявили нам счет? Сумму подсчитал специалист по этим животным д-р Анджей Чех. «Во всей стране имеется около 25 тыс. гектаров бобровых разливов, задерживающих воду. Это защищает нас от внезапных паводков и наводнений, а также от засухи, так как вода из бобровых водоемов уходит медленно. К тому же эти водоемы действуют как очистные станции, а ниже запруд вода насыщена кислородом. Доходы от разлива я оцениваю (...) в среднем в 5 тыс. евро за гектар. Это означает, что ежегодно бобры выполняют для нас работу на сумму 100 млн. евро! При этом мы еще не учли ренатурализации рек и защиты редких видов — ведь там, где есть бобры, [и другим видам] живется лучше». Чиновники (...) отнеситесь к выплате компенсаций как к инвестициям, на которой мы неплохо заработаем», — Адам Вайрак. («Газета wyborcza», 19 окт.)

- «Беловежская пуца, самый ценный низинный лес умеренного пояса в северном полушарии, охраняется. Министр охраны окружающей среды утвердил План лесопользования для данной

территории. Вырубка сведена к минимуму — главным образом для нужд местного населения. Запрещено вырубать деревья старше ста лет». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 20–21 окт.)

- «В 1994 г. в Польше было 223 пары орлана-белохвоста, в 2000 г. — 482, а в 2008 г. — около 800 пар (...) В 2008–2009 гг. у нас жило уже от 1250 до 1750 пар (...) [Английское] правительственное агентство «Natural England» планирует восстановить популяцию орлана-белохвоста с помощью наших особей. Как сообщает доктор Анджей Крушевич, польские белохвосты укрепляют и слабую популяцию этого вида в Израиле». («Эха лесные», №3)

- «В Оксфорде создается центр изучения нашей страны. Его основатели — интеллектуалы, интересующиеся Польшей, в частности, Норман Дэвис и Тимоти Гартон Эш. Дэвис не скрывает своего энтузиазма (...): «Именно здесь разрабатывается первая в мире комплексная программа изучения Польши»». (Адам Домбровский, «Пшеглэнд», 4 ноября)

Идем по следам великих национальных шествий в мае 1916 и ноябре 1918 гг. — по Королевскому тракту, от площади маршала Пилсудского до Бельведера. Естественными остановками на пути этого национального паломничества будут памятники выдающимся полякам: маршалу Юзефу Пилсудскому, кардиналу Стефану Вышинскому, Винценцы Витосу, Игнацию Падеревскому, Стефану Грот-Ровецкому и Роману Дмовскому. Мы почтим память людей и сообществ, внесших наибольший вклад в дело возрождения суверенного польского государства. В этот памятный день национального праздника Независимости мы будем идти вместе, невзирая на многообразие наших позиций и взглядов. Примером нам будут глядящие на нас с пьедесталов национальные герои, которые, закладывая основы польской государственности, тоже умели перешагнуть через партийные разделения и различие взглядов». («Жечпосполита», 10–11 ноября)

- 11 ноября по улицам столицы пройдут конкурирующие друг с другом марши. Кроме президентского «Вместе ради независимости», все они будут направлены против кого-нибудь или чего-нибудь. Против правых, которые будут протестовать против власти, пройдет марш левых «Социальная Польша» — впрочем, тоже отнюдь не в защиту власти. «Марш независимости» соберет националистов, а также болельщиков и любителей манифестаций против власти. Протестовать против националистов пойдет «Соглашение 11 ноября», объединяющее противников национализма, ксенофобии,

расизма и гомофобии. «Итак, борьба за независимость продолжается — особенно против тех, кто считает Польшу независимой». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 7-13 ноября, «Газета wyborcza», «Жечпосполита», 10-11 ноября)

- «По всей стране сотни тысяч поляков приняли участие в шествиях (...) и других мероприятиях (...) Президент Бронислав Коморовский шел во главе 10 тысячного официального марша (...) Группа хулиганов нарушила порядок на собравшем несколько десятков тысяч человек «Марше независимости», организованном молодыми националистами (...) Задержаны 140 человек. Ранения получили 11 полицейских (...) В антифашистском марше участвовали около 500 человек (...) Несколько десятков социалистов провели марш в традициях Польской социалистической партии». («Жечпосполита», 12 ноября)

- «Председатель «Всепольской молодежи» Роберт Винницкий и лидер Национал-радикального лагеря Пшемислав Холохер объявили на митинге о создании Национального движения (...) Винницкий: «(...) Национальное движение должно стремиться к свержению республики» (...) Холохер: «Когда мы их свергнем, они ответят за все свои дела» (...) Толпа: «На виселицу их!»» («Газета wyborcza», 12 ноября)

- ««Польша избежала последствий финансового кризиса и может поделиться эффективными методами борьбы с ним», — сказал президент Бронислав Коморовский на пятничной встрече с представителями центробанков Центральной и Восточной Европы, а также Азии. Президент сослался, в частности, на конституционное ограничение чрезмерного дефицита. «Мы можем похвастаться эффективным — по сравнению с другими странами — финансовым контролем. У нас хорошая система гарантии депозитов, плавающий курс валюты и стабильная макроэкономическая политика», — сказал Коморовский». («Жечпосполита», 20-21 окт.)

- «Согласно «Докладу о трансформации» Европейского банка реконструкции и развития, несмотря на финансовый кризис и значительное замедление экономического роста, Польша не сбавляет темп реформ». («Жечпосполита», 8 ноября)

- Полные данные за третий квартал позволяют предварительно оценить темп развития экономики. По подсчетам экономистов, рост ВВП замедлился до 1,5% — с 2,3% во втором квартале». («Жечпосполита», 24 окт.)

- «Вчера Европейская комиссия снизила прогноз нашего экономического роста с 2,7 до 2,4%. Еще сильнее снижен прогноз на будущий год — в настоящее время Еврокомиссия рассчитывает на 1,8% роста по сравнению с 2,6% в мае. По оценке Брюсселя, это следствие ухудшения потребительских настроений и исчезновения источников финансирования инвестиций». («Жечпосполита», 8 ноября)

- «Премьер-министр Дональд Туск поверг оппозицию в изумление программой «Польские инвестиции». Это сотни миллиардов злотых, которые должен вложить в экономику государственный Банк народного хозяйства, докапитализированный акциями акционерных обществ государственного казначейства и новой инвестиционной компанией, призванной поддерживать крупные проекты как государственных, так и частных фирм». (Агата Новаковская, Доминика Велёвейская, «Газета wyborcza», 17 окт.)

- «Нужно менять внешние условия так, чтобы частным фирмам были выгодны не только краткосрочные, но и долгосрочные инвестиции (...) Там, где в роли инвестора выступает государство, риск выбора ошибочных проектов значительно выше, чем в случае частных фирм, действующих на свободном рынке», — Лешек Бальцерович. («Газета wyborcza», 5 ноября)

- «Может быть, рассуждая о стимулировании конъюнктуры, есть смысл начать с вопроса, насколько сегодня [экономический] рост служит людям, а насколько люди — росту», — Ян Гмурчик, экономист, эксперт Гражданского института. («Дзенник — Газета правна», 12-14 окт.)

- «Дефицит госбюджета на этот год вырос с 21 млрд. злотых в сентябре до 34 млрд. к концу октября. «По предварительным оценкам, дефицит бюджета в период с января по октябрь 2012 г. будет несколько выше запланированного», — заявило в среду министерство финансов. («Газета wyborcza», 8 ноября)

- «Польский внешний долг составляет более 70 млрд. долларов (...) Вчера министерство финансов заплатило последний взнос по кредитам, взятым за границей в 70-е годы, когда первым секретарем ЦК ПОРП был Эдвард Герек. В 1980 г. долг Польши составлял 25,5 млрд. долларов». («Жечпосполита», 30 окт.)

- «Экономика стала технической наукой. Между тем банки, некогда помогавшие функционировать экономической машине, стали предприятиями, чьи интересы действуют в ущерб значительной части общества. Их прибыль во много раз

превышает среднерыночную, они держат в страхе политиков и подмяли под себя всю экономику. Их выигрыш, как в азартной игре, ведет к проигрышу других», — проф. Павел Козловский, замдиректора по науке Института экономических наук ПАН. («Ньюсуик-Польша», 22-28 ноября)

- «Благодаря крупным сетям гипермаркетов за границу ежегодно экспортируется польских товаров на сумму более 5 млрд. злотых. Главным образом это продукты питания, а также косметика и химические продукты. Сеть «Лидл» помогает продать товаров на сумму 1 млрд. злотых в год, «Теско» — почти на 1,5 млрд.». («Жечпосполита», 10 окт.)

- «Маленькие частные предприятия (...) семейные фирмы, которые считаются двигателем польской экономики, — всё это фабрики будущей бедноты. В моем городе я не знаю ни одной фирмы, которая платила бы за своих работников взносы социального страхования, соответствующие их реальным заработкам. Все платят взносы, принимая за основу МРОТ. Ты можешь работать по 12 часов в день, вкалывать по субботам, зарабатывать 3 тыс. злотых, но твоя пенсия все равно будет мизерной (...) Такая практика существует, потому что никто этого не контролирует, хотя все об этом знают», — из письма в редакцию. («Пшеглэнд», 28 окт.)

- «В Польше существует 40 инспекций. Если бы все они решили контролировать одного предпринимателя, это заняло бы 480 дней». («Жечпосполита», 29 окт.)

- «Из данных Главного статистического управления (ГСУ) следует, что, хотя номинально мы зарабатываем на 1,6% больше, чем год назад, цены за это время выросли на 3,8%. Реальное падение зарплаты на 1,5% за последний квартал — самое большое за последние восемь лет». («Тыгодник повшехный», 28 окт.)

- «Совет монетарной политики снизил процентные ставки на 25 базовых пунктов. Теперь основная ставка составляет 4,5% (...) «С этого решения начинается цикл смягчения монетарной политики», — сказал президент Польского национального банка (ПНБ) Марек Белька». («Жечпосполита», 8 ноября)

- По данным Евростата, доход на душу населения составляет в Польше 62% от среднего по ЕС. Подсчет сложен: это доход домашнего хозяйства в пересчете на человека с учетом различий в уровне цен. Кроме того, возможны поправки, например на социальные трансферты в натуральной форме (в области образования, здравоохранения и т.п.). По сравнению с

2007 г. доходы польских домашних хозяйств выросли на 12,4% — прежде всего под влиянием роста зарплат. В Германии доход на душу населения составляет 122% от средней по Евросоюзу. («Жечпосполита», 10 окт.)

- «Абоненты должны телевидению в общей сложности 2 млрд. злотых. И это только те, кто зарегистрировал свои телевизоры и радиоприемники». («Газета wyborча», 10 окт.)

- «Наше общество прекрасно умеет увеличивать производство и продолжительность жизни, но знаем ли мы, зачем это делаем и ради чего живем? Подозреваю, что многие бездумно живут день за днем словно бинарная машина, действующая по принципу работа — потребление», — Ян Гмурчик. («Газета wyborча», 12 окт.)

- «Такого уровня безработицы в Польше не было уже давно. В сентябре безработными были два миллиона поляков (...) Впервые безработица с такой силой обрушивается на зарождающийся средний класс. Массовые увольнения предвидятся в отраслях, которые последние двадцать лет росли как на дрожжах: в консалтинге, исследовании рынка, банковском и страховом секторах, маркетинге». (Цезарий Лазаревич, Себастьян Стодоляк, «Ньюсуик-Польша», 22-28 ноября)

- По данным ГСУ, в сентябре число безработных в возрасте до 25 лет увеличилось почти на 19 тыс. человек (...) По оценкам Евростата, еще в августе уровень безработицы среди молодежи составлял 25,9% (...) «Ежегодно вузы выпускают множество социологов, педагогов, политологов, экономистов, специалистов по маркетингу и торговле, несмотря на то что рынок насыщен представителями этих профессий на много лет вперед», — говорит Петр Роговский, эксперт рынка труда из организации «Работодатели РП». Выпускники профессиональных училищ тоже часто не могут найти работу, поскольку не имеют практических навыков (...) В августе в 27 странах ЕС средний уровень безработицы среди молодежи до 25 лет составлял 22,7%». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 24 окт.)

- Согласно исследованиям фирм «Sedlak&Sedlak» и «Work Service», в 2011 г. начисленная зарплата выпускников вузов составляла (по направлениям): педагогика — 1600-2690 злотых, сельское хозяйство — 1800-2800, гуманитарные науки — 1800-3000, точные науки — 1800-3200, медицина — 2000-4000. Многие студенты начинают с временной работы. В зависимости от занимаемой должности, в час они могут

заработать: бармен — 17-21 зл., хостесс — 11-24, портье — 10,5-14,5, кассир в супермаркете — 9,5-14, курьер — 10-13, анкетер — 8-14, официант — 9-12, мерчандайзер — 8-11, архивариус — 8,5-10. (Катажина Баньбор, «Жечпосполита», 17 окт.)

• «Главное сельскохозяйственное училище в Варшаве предлагает послевузовское профессиональное образование по направлениям «жизнь среди цветов» и «современные методы содержания стада молочного скота». Варшавский политехнический институт ищет желающих поступить в Институт больших мощностей и высокого напряжения на «защиту от молний и перенапряжения» (...) «Управление церковным приходом» можно изучать во вроцлавском Экономическом университете, Жешувском политехническом, катовицком Силезском университете, познанском Экономическом университете и Варшавском университете». (Рафал Пикула, «Политика», 29 окт. — 6 ноября)

• «Вузы снижают приемные требования. Благодаря этому им, несмотря на меньшее число абитуриентов, удастся принять больше желающих и получить бюджетные дотации (...) Согласно анализу министерства науки, с 2007 г. число дневных студентов увеличилось на 73 тыс. человек. Из документов следует, что при более высоких требованиях многие из них попали бы на заочное отделение или в частные вузы». (Клара Клиnger, «Польска», 26-28 окт.)

• «Раньше в вузы попадали только самые способные. Сейчас в некоторых возрастных категориях мы перешагнули 50 процентный порог доли студентов. Иными словами, мы начали принимать людей, чей интеллектуальный уровень весьма средний или даже ниже среднего (...) Мы забыли о нашей цели — обучать людей, которые в дальнейшем будут способствовать цивилизационному развитию (...) Появилось множество псевдовузов, выдающих псевдодипломы и воспитывающих псевдоинтеллигентов. Некоторые сколотили на производстве псевдоинтеллигентов целые состояния (...) К сожалению, продажными стали даже наши лучшие учебные заведения. Они сделали ставку на количество. Это ведет к недоброкачественности образования, а она, в свою очередь, — к неполноценности выпускников», — проф. Рышард Тадеусевич, кибернетик, трижды ректор Горно-металлургической академии, член президиума ПАН, Польской Академии знаний, Европейской Академии наук. («Жечпосполита», 18 окт.)

• «Лучше быть хорошим работающим сварщиком, чем плохим безработным политологом», — сказал недавно премьер-министр Дональд Туск. Рост занятости прогнозируется в

следующих отраслях: ИТ (27,2%), спорт, отдых, организация праздников (22,5%), математика, статистика (22%), инженерия, архитектура, дизайн, урбанистика (14%), уход за детьми и пожилыми людьми, страхование, финансы (13,7%), охрана окружающей среды (9,8%), медицина, стоматология, диагностика (9,5%). («Ньюсуик-Польша», 22-28 ноября)

- «Европейская комиссия регулярно заказывает Евробарометру исследование социального климата в 27 странах-членах. В июне такое исследование было проведено уже в четвертый раз (...) В Польше на вопрос: «Довольны ли вы жизнью?» — 72% опрошенных ответили «да». Однако «очень довольных» только 11%, а «умеренно довольных» — 61%». («Газета wyborcza», 18 окт.)

- «Между тем у нынешнего поколения двадцати- и тридцатилетних психические кризисы случаются в два раза чаще, чем 20 лет назад. Это острые нервные расстройства (...) в больницу привозят людей, потерявших связь с реальностью». (Кристина Бунда, «»Политика», 7-13 ноября)

- «Лемминг. Для критиков это городской недоумок с высшим образованием и либеральными взглядами. Для сторонников — представитель трудолюбивого среднего класса, противник радикальных изменений в экономике и политике (...) В Германии ему соответствует поколение «Фольксвагена-Гольф» (...), в Великобритании — Mondeo man, во Франции — bobo (соединение слов «bohème» и «bourgeois»). В России это офисный планктон или бандерлоги — злобные и склонные к анархии обезьяны из «Маугли». Всех их объединяет одно: к ним можно относиться негативно, но именно они основные налогоплательщики и законодатели мод. С точки зрения польского лемминга важнее всего его российский эквивалент. Офисный планктон зарабатывает ненамного меньше и живет приблизительно так же. Он ездит отдыхать в те же места, что и лемминги, хотя значительно реже может позволить себе покупку машины (...) Люди из этой общественной группы зарабатывают в среднем более 30 тыс. рублей в месяц (около 3 тыс. злотых). Польский лемминг зарабатывает около 4,3 тыс. злотых». (Енджей Белецкий, Нино Джикия, «Дзенник — Газета правна», 19-21 окт.)

- Согласно опросу Центра мысли Иоанна Павла II и ЦИОМа, 99% поляков считают крепкую семью самым важным, что только есть в жизни. На последнем, 11 м месте в списке важных вещей оказалась политика. («Жечпосполита», 19 окт.)

- «Гжегож Гилевич с прекрасным результатом сдал вступительные экзамены в (...) гданьскую Академию художеств. Однако вузовские власти согласились допустить его к учебе лишь при условии, что он подпишет акт присяги, в котором обязуется, в частности, хранить верность идеалам демократии и гуманизма. Гилевич, именующий себя сторонником конституционной монархии, попросил разрешить ему принести присягу, опустив этот фрагмент. При этом он ссылаясь на гарантированную конституцией свободу совести. Вуз отказал (...) Его поддержало министерство культуры и национального наследия». (Войцех Выбрановский, «Жечпосполита», 26 окт.)

- «Видя на варшавской площади памятник Наполеону, я могу лишь заключить, что мы еще не расстались с комплексами, приобретенными в XIX веке. В противном случае мы поставили бы памятник не Наполеону, а... царю Александру I (...) Он не только простил многих польских солдат, но и воздал почести сражавшимся против него, чем вызвал сильное недовольство многих своих соотечественников (...) Ему мы обязаны 15 летним периодом Царства Польского, благодаря которому нам во многом удалось сохраниться как нации (...) Благодаря ему два поколения воспитались в польском духе. Сколько польских институций возникло в тот период, сколько книг было напечатано... Следовало бы воздать Александру должное за его заслуги перед Польшей», — Адам Замоиский. («Уважаю Же — История», октябрь)

- «В Познани после 1989 г. негласная пропаганда призывала не ходить на могилы советских солдат в Цитадели, где их великое множество. Реакция людей была прямо противоположной — невероятное стремление сделать это место важным. До 1989 г. все это происходило в рамках официальных делегаций, и вдруг познанцы пошли туда стихийно. Люди не отождествляют простого солдата с геополитикой. Число этих могил и их безымянность заставляет людей очеловечить смерть», — проф. Войцех Буршта. («Пшеглэнд», 4 ноября)

- «Когда я приехал в Польшу, я был поражен, с каким энтузиазмом польский народ откликнулся на совместное послание двух Церквей народам России и Польши (...) Я глубоко убежден, что сегодня созданы мировоззренческие и психологические предпосылки для того, чтобы окончательно перевернуть тяжелую страницу, на которой написаны взаимные обвинения, пришедшие к нам из прошлого, и начать новую страницу в отношениях двух христианских народов, перед которыми стоят одинаковые вызовы, связанные с

разрушением христианской культуры в Европе», — патриарх Кирилл. («Пшеглэнд православный», октябрь)

- «В 2011 г. пограничники зафиксировали почти 24 млн. въездов иностранных граждан через пропускные пункты на границе Польши с Белоруссией, Украиной и Калининградской областью. В первой половине 2012 г. зафиксировано 10 млн. въездов. А во второй половине года их число всегда растёт». («Пшеглэнд православный», октябрь)

- “«Откроем свой ум и свое сердце к тому, чтобы по-братски строить отношения с соседней Польшей», — призвал в субботнем выступлении по [российскому] государственному телевидению патриарх Кирилл (...) В воскресенье он передал храму Воскресения Христова в Катыни подаренную польскими епископами [копию] иконы Божией Матери Ченстоховской (...) Говорил он и о том, что «русские страдали от поляков и поляки от русских». «Два славянских народа, которые живут бок о бок, не могут эти негативные эмоции, происходящие из прошлого, налагать на жизнь сегодняшнего дня», — сказал патриарх”. (Петр Ендращик, «Жечпосполита», 5 ноября)

- «Шальной блогер выложил в интернет (увы, российский) фотографии останков жертв смоленской катастрофы. Реакция польского правительства становится всё более неадекватной. Министр иностранных дел вызвал в связи с этим российского посла. Министр юстиции обещал сделать запрос своему российскому коллеге (...) По его мнению, это было “грубое вмешательство российских служб в польские дела”». (Бронислав Лаговский, «Пшеглэнд», 28 окт.)

- «Тело последнего президента Польши в изгнании Рышарда Качоровского было похоронено в могиле другого человека, признала вчера военная прокуратура (...) Одна эксгумация прошла в храме Провидения Божия (...) вторая — на Повонзковском кладбище (...) Анализ ДНК со всей очевидностью подтвердил, что в результате ошибочной идентификации тел они были похоронены в чужих могилах, сообщил вчера начальник Варшавской окружной военной прокуратуры полковник Иренеуш Шелёнг (...) За ошибку в идентификации последнего президента в изгнании несет ответственность (...) Яцек Найдер, тогдашний замминистра иностранных дел». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)

- «Тротил на обломках Ту. Смоленское следствие. Поляки, исследовавшие обломки самолета, обнаружили на нем следы взрывчатых веществ (...) Первые же образцы — как из салона самолета, так и с обшивки крыла машины — дали

положительный результат. Приборы показали, что на 30 самолетных креслах есть следы тротила и нитроглицерина. Эти вещества были найдены и на обшивке самолета, на стыке фюзеляжа с крылом. Их было столько, что один из приборов зашкалило». (Цезарий Гмыз, «Жечпосполита», 30 окт.)

- «“Убиты 96 человек, в т.ч. президент Польши и другие выдающиеся общественные деятели. Это неслыханное преступление (...) Мы требуем отставки Дональда Туска. Польшей не могут править люди, которые при расследовании страшного преступления почти 30 месяцев увиливали от ответа”, — заявил председатель «Права и справедливости» (ПиС) Ярослав Качинский». («Газета wyborcza», 31 окт. — 1 ноября)

- «Прокуратура не обнаружила следов тротила и нитроглицерина на обломках разбившегося под Смоленском Ту 154 (...), сообщил вчера полковник Иренеуш Шелёнг из военной прокуратуры». (Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 31 окт. — 1 ноября)

- «Текст о тротиле появился только в той части тиража [«Жечпосполитой»], которую можно [было] купить в Варшаве и окрестностях». (Войцех Чухновский, Анна Кондзинская, «Газета wyborcza», 2 ноября)

- «Возможно, мы никогда не узнаем, каковы были кулисы возникновения знаменитого текста в «Жечпосполитой», который во вторник утром взбудоражил польскую общественность и политику, а уже после полудня оказался мистификацией». (Витольд Гловацкий, «Польска», 2-4 ноября)

- «“Жечпосполита” хотела взорвать Речь Посполитую (...) Тротила нет, но он остался в головах поляков. Что толку, если главный редактор, возможно, лишится должности? И так многие решат, что он пал в борьбе за правое дело», — Моника Олейник. («Газета wyborcza», 2 ноября)

- «Проведенное мною и контрольным советом служебное расследование показало, что текст «Тротил на обломках Ту» не был подкреплён документами (...) Огромной натяжкой был и заголовок статьи (...) Непродуманные действия нескольких человек снова разожгли польско-польскую войну. За всё это я приношу читателям извинения. За ошибочные решения нужно нести ответственность — это объясняет отставки и дисциплинарные увольнения в редакции», — Гжегож Хайдарович, председатель правления компании «Пресспублика». («Жечпосполита», 6 ноября)

• «Как нам жить друг с другом в одном государстве при таких расхождении и при таких обвинениях? Как нам жить друг с другом, если некоторые из нас верят, что польское правительство участвовало в убийстве польского президента? (...) Пожар разожгла «Жечпосполита», но все телеканалы и радиостанции полдня трубили только об этом. Репортажи о заседании группы Мацеревича передавались непрерывно. Польша наполнилась обвинениями. Может, нужно было все-таки подождать, что скажет прокуратура, прежде чем давать слово людям, будоражащим Польшу при любом удобном случае?» — Тадеуш Мазовецкий. («Ньюсуик-Польша», 5-11 ноября)

• «Прыжок журналистской своры к горлу Дональда Туска — это идеально организованное движение косяка сардинок, притворяющихся пираньями. Все мейнстримные журналисты вдруг заметили (...) что Туск правит авторитарно, единолично, что он не считается с общественным мнением и ломает хребты членам своей партии (...) Как некоторое время назад все жестоко пинали Ярослава Качинского, так теперь разбирают по косточкам Туска (...) Косяк журналистов, а за ним сбитый с толку народ ждут очередной порции тусковской падали (...) Аж диву даешься, что на этом фоне пусть тихонько, но всё же прозвучало предположение одного чешского журналиста о нашей стране: «Травля — национальный спорт поляков» (...) Дональд Туск допустил много ошибок (...) Его можно безнаказанно клевать, и косяк это чувствует (...) Косяк по самой своей сути не может быть творческим, не ищет правильных решений. Он плавает бесцельно, исключительно для того, чтобы баламутить воду и обеспечивать собственную безопасность», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик-Польша», 20 кот. — 4 ноября)

• Согласно опросу центра TNS-Польша, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 42% поляков, Пис — 29%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 10%, Движение Паликота — 8%, крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный барьер составляет 5%. («Жечпосполита», 10-11 ноября)

• «Эксперты обращают внимание на то, что поляки очень сильно разделены. Большинство не хочет легализации гражданского партнерства, но треть опрошенных высказывается за это (...) 56% не верят, что в Смоленске произошел теракт, однако 36% убеждены, что это могло случиться (...) 43% выступают против участия Польши в спасении еврозоны, но 46% одобряют его». («Жечпосполита», 10-11 ноября)

- «Согласно опросу ЦИОМа, президенту Брониславу Коморовскому доверяют 67% поляков. Второе место занимает депутат [от СДЛС] Рышард Калиш (48%), а третье — министр иностранных дел Радослав Сикорский (46%). Самое большое недоверие вызывает Януш Паликот — ему не доверяет 51% опрошенных». («Жечпосполита», 24 окт.)

- «11 ноября, в День Независимости, президент Бронислав Коморовский вручил награды за заслуги перед государством и обществом. [Высший польский] орден Белого орла получили Ежи Бузек, Адам Стшембош и Норман Дэвис». («Газета wyborча», 12 ноября)

- «В течение ближайшего десятилетия армия потратит (...) на противоракетную оборону 14 млн. злотых (...) В то же время на модернизацию армии государство предназначило 100 млрд. злотых». («Газета wyborча», 16 окт.)

- «Через полтора десятка дней Береговой ракетный дивизион ВМФ будет оборудован 12 ракетами NSM (Naval Strike Missile). Эти ракеты могут уничтожать как корабли, так и наземные цели (...) в радиусе 200 км (...) NSM — «умные» снаряды, невидимые для радаров. Во время полета они могут маневрировать, а летят практически над поверхностью воды (...) До конца 2015 г. на вооружение дивизиона поступят еще 38 NSM (в будущем году — 14). Ракеты на мобильных платформах могут быть размещены в разных местах». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 ноября)

- «Вопрос финансирования оборонных расходов у нас решен. Уже 11 лет подряд на эту цель выделяется 1,95% ВВП. Никто не ставил этого под вопрос, даже в последние кризисные годы. Думаю, что по вопросу оборонных расходов в нашем политическом классе существует консенсус», — министр национальной обороны Томаш Семоняк. («Жечпосполита», 22 окт.)

- «Начали нести службу первые американские военные, постоянно расквартированные в Польше. Солдаты, входящие в состав подразделения Aviation Detachment, выполняют поставленные перед ними задачи на 32 й базе тактической авиации в Ласке, где они будут готовить учебные визиты американских самолетов». («Жечпосполита», 10-11 ноября)

- «Обеспечить себе способность сдерживания российского нападения — вот что должно быть ключевым элементом польской стратегии. Нападение с одной стороны можно отразить (...) Поляки знают, насколько быстро Россия и

Германия могут менять свой строй и политические планы», — Джордж Фридман. («Форум», 15–21 окт.)

• «Существует такая политическая конъюнктура, в которой наличие армии грозит более серьезной опасностью, чем ее отсутствие. Вооружаться нужно лишь затем, чтобы более слабое государство не пыталось навязать нам свою волю. От более сильного армия не защитит. Для многих стран армия — вопрос неправильно понятой чести, а не реальной потребности», — Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд». 4 ноября)

• «Уже неделю в 15 жешувских детских садах дети учат китайский. Бесплатно. За работу китайской студентки Пин Цзяо платит муниципалитет». (Агата Кульчик, Магдалена Мах, «Газета wyborcza», 15 окт.)

• Более 70 чеченцев, грузин и армян, содержащихся в закрытых центрах для иностранцев, объявили голодовку. «Некоторые «сидят» уже год, а голодовка должна помочь им донести свои требования до широкой общественности. Они требуют: информации на понятном для них языке, возможности контакта с внешним миром, соответствующей медицинской опеки, образования для детей и уважения их прав, улучшения социальных условий, прекращения насилия (...) Особенно тяжела судьба детей. Из-за тюремной дисциплины им приходится играть и гулять только в определенные часы (...) Не хватает опеки психолога, особенно детского». (Иоанна Климович, «Газета wyborcza», 18 окт.)

• «Министерство внутренних дел обещает изменения. Тюремная дисциплина уже не будет распространяться на детей». («Газета wyborcza», 26 окт.)

• «Почему иностранцы, которые нелегально перешли границу в поисках лучшей жизни для себя и своих семей, чувствуют себя в Польше как в аду?» (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 30 окт.)

• «В польском интернете евреев оскорбляют и обвиняют во всех возможных [и невозможных] преступлениях и несчастьях, обрушивающихся на бедных «истинных поляков» (...) Чаще всего пользователи интернета атакуют этнические и конфессиональные меньшинства, но встречается также немало проявлений ненависти к политикам и звездам». (Бартош Янишевский, «Впрост», 5–11 ноября)

• «Следствие по делу о массовом убийстве в Вонсоше продолжается с 2006 г. и близится к концу. Свидетели тех трагических событий подтвердили, что в Вонсоше, как и в

Едвабном, евреев (по разным оценкам, 150–250 человек) уничтожили поляки (...) Белостоцкий Институт национальной памяти (ИНП) расследует также массовое убийство в Радзилове. 7 июля 1941 г. тамошних евреев согнали в амбар и подожгли его. «То, что делалось во время войны на Ломжинской земле, вопиет к небу», — говорит начальник следственного отдела белостокского ИНП Збигнев Куликовский». (Агнешка Домановская, «Газета wyborcza», 8 ноября)

• “Иоанна Цесля: «На экраны выходит новый фильм Владислава Пасиковского «Последствие», в основу которого легли едвабненские события 1941 года» (...) Олаф Жилич: «Это фильм о том, что может случиться с каждым из нас, если мы откроем трудную историю нашей семьи или общества. Его главный мотив — неспособность разобраться с коллективной и индивидуальной виной (...) Таких мест крупных и мелких погромов во всей Польше очень много»”. («Политика», 7–13 ноября)

• «Численность еврейского меньшинства в Польше оценивается в 6 тыс. человек, но если учитывать только членов еврейских общин, останется всего 2 тысячи. Людей, сознающих свое еврейское происхождение, в Польше может быть от 20 до 100 тысяч». (Анита Чупрын, «Польска», 19 окт.)

• «Геноцид совершают всегда обычные люди, соседи (...) Меня ужасают масштабы ненависти, открывающейся в последнее время в Польше. Если бы возникла подходящая ситуация, то речь шла бы уже не о единичных инцидентах — просто поляки сожгли бы цыган. Зло непредсказуемо. За время моей жизни геноцид совершался в Югославии, Камбодже, Руанде (...) Любой народ способен на это, и в этом смысле мы не исключение. Мне нетрудно представить себе, что в один прекрасный день поляки могут взять в руки бейсбольные биты и бутылки с бензином...» — Иоанна Батор. («Газета wyborcza», 3–4 ноября)

• «На фотографиях — дети, связанные пеленками и конвертами, неспособные пошевелиться. Они лежат в кроватках или сидят на стульчиках (...) На их лицах видны следы от слез, некоторые частично освободились от пут. Другие продолжают бороться, на их лицах рисуется отчаяние (...) Частные ясли «Волшебная страна Винни-Пуха» на Липовой улице, в богатом районе Вроцлава (...) Сотрудница полиции подтвердила, что кроме фотографий имеются также фильмы (...) Она сказала, что во время их просмотра сама плакала». (Мажена Жухович, «Газета wyborcza», 24 окт.)

- «Более двух лет назад на работников социального обеспечения, здравоохранения и полицейских была возложена обязанность обеспечивать безопасность детей в случае угрозы их жизни или здоровью (...) Они могут без решения семейного суда отобрать у родителей побитого ребенка и передать его ближайшим родственникам или временным опекунам (...) Согласно отчету о реализации Всепольской программы по противодействию насилию в семье за 2011 г., в результате у родителей было отобрано 474 ребенка». (Михалина Тополевская, «Дзенник — Газета правна», 10 окт.)

- «По данным министерства здравоохранения, в 2010 г. был сделан 641 легальный аборт, в т.ч. 614 — из-за повреждения плода. [Выступающая за аборты феминистская] Федерация женщин и планирования семьи считает, что ежегодно в Польше делается 80–200 тыс. подпольных аборт». (Рената Грохал, Агата Козинская, «Газета wyborcza», 11 окт.)

- «Страсбургский суд постановил, что Польша нарушила Европейскую конвенцию о защите прав человека, затрудняя доступ к аборту изнасилованной 14-летней девочке. Семья девочки должна получить 45 тыс. евро компенсации». («Тыгодник повшехный», 11 ноября)

- «Некоторые священники говорят об экстракорпоральном оплодотворении нехорошо. Они называют нас товаром, купленным в магазине, чудовищами из пробирки, детьми Франкенштейна (...) Это очень неприятно. Как-то раз мы с мамой сидели на диване и смотрели телевизор. Мне тогда было семь или восемь лет. Шла трансляция мессы, во время которой читали послание [епископов] об экстракорпоральном оплодотворении. Уж не знаю, что я там услышала, но в конце концов обернулась к маме и спросила: «Мама, почему он говорит, что я — ребенок дьявола? Со мной что-то не в порядке?» (...) После того, что я услышала от священников, я решила, что никогда больше не пойду в церковь», — Констанция Сарамонович. («Впрост», 29 окт. — 4 ноября)

- В дискуссии на тему опытов на животных, организованной Отделом медицинских наук, Комитетом нейробиологии и Советом по популяризации науки ПАН, все, за исключением проф. Анджея Эльжановского, пришли к выводу, что достаточным основанием для опытов на животных является польза, которую это может принести человеку. Проф. Эльжановский, сославшись на доклады британской парламентской комиссии по защите животных 2005 г. и Нуффилдского совета по биоэтике, оспорил практическую ценность опытов на животных. По его данным, менее

половины исследований химических веществ на мышах и крысах и только немногим больше половины исследований на человекоподобных обезьянах и собаках согласуется впоследствии с результатами клинических исследований на людях. Однако с ним никто не согласился. (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 24 окт.)

• «В 2008–2010 гг. государство заплатило более 17 млн. злотых за ущерб, нанесенный (...) всеми охраняемыми животными вместе взятыми. 15 млн. из этой суммы пришлось на бобров (...) А сколько мы заплатили бы бобрам, если бы они предъявили нам счет? Сумму подсчитал специалист по этим животным д-р Анджей Чех. «Во всей стране имеется около 25 тыс. гектаров бобровых разливов, задерживающих воду. Это защищает нас от внезапных паводков и наводнений, а также от засухи, так как вода из бобровых водоемов уходит медленно. К тому же эти водоемы действуют как очистные станции, а ниже запруд вода насыщена кислородом. Доходы от разлива я оцениваю (...) в среднем в 5 тыс. евро за гектар. Это означает, что ежегодно бобры выполняют для нас работу на сумму 100 млн. евро! При этом мы еще не учли ренатурализации рек и защиты редких видов — ведь там, где есть бобры, [и другим видам] живется лучше». Чиновники (...) отнеситесь к выплате компенсаций как к инвестиции, на которой мы неплохо заработаем», — Адам Вайрак. («Газета выборча», 19 окт.)

• «Беловежская пуца, самый ценный низинный лес умеренного пояса в северном полушарии, охраняется. Министр охраны окружающей среды утвердил План лесопользования для данной территории. Вырубка сведена к минимуму — главным образом для нужд местного населения. Запрещено рубить деревья старше ста лет». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 20–21 окт.)

• «В 1994 г. в Польше было 223 пары орлана-белохвоста, в 2000 г. — 482, а в 2008 г. — около 800 пар (...) В 2008–2009 гг. у нас жило уже от 1250 до 1750 пар (...) [Английское] правительственное агентство «Natural England» планирует восстановить популяцию орлана-белохвоста с помощью наших особей. Как сообщает д-р Анджей Крушевич, польские белохвосты укрепляют и слабую популяцию этого вида в Израиле». («Эха лесне», №3)

• «В Оксфорде создается центр изучения нашей страны. Его основатели — интеллектуалы, интересующиеся Польшей, в частности, Норман Дэвис и Тимоти Гартон Эш. Дэвис не скрывает своего энтузиазма (...): «Именно здесь разрабатывается первая в мире комплексная программа

изучения Польши"». (Адам Домбровский, «Пшеглёнд», 4 ноября)

МАЛАЯ ВОДКА

Крупнейшие производители польской водки обеспокоены, восемь отделений «Польмоса» («Польской спиртовой монополии») обанкротились, а винно-водочные заводы борются за выживание. Неужели поляки выбрали трезвый образ жизни?

В зале приглушается свет, публика замирает в напряжении. При звуках громкой музыки, в луче прожектора появляется столик, а на нем большая, покрытая декоративной кожей, коробка оригинальной формы. Официант поднимает крышку, из-под которой выглядывает бутылка коньяка «Hennessy XO Mathusalem». Прибывший из Франции представитель марки, словно коммивояжер, расхваливает товар, созданный из старательно подобранных, очень старых коньячных спиртов. Это ограниченная, насчитывающая 100 бутылок серия известного французского напитка в коллекционном издании, с упаковкой, разработанной израильским дизайнером. Бутыль объемом 6 л. «открывает двери в узкий круг мировых экспертов», как уверяет дистрибьютор, компания «Moët Hennessy Polska».

Журналисты получают газетную новость, содержащую в конце лаконичную информацию: «рекомендуемая цена — 74 200 злотых». Предыдущая ограниченная серия коньяка, тоже в кожаном чехле, стоила всего 55 тыс. злотых. Но такова жизнь — всё дорожает. В Польше продается одна бутылка, о новой уже расспрашивают клиенты.

— На этот раз на Польшу пришлась одна бутылка. До праздников ее продадим, — прогнозирует Иоанна Новаковская из фирмы «Moët Hennessy Polska». Официальная часть закончена.

Приглашенные на польскую премьеру «Mathusalem'a» представители высшего общества направляются к бару, где им будут предложены чуть более дешевые сорта напитков. Бармены бросают кубики льда в бокалы и льют на них коньяк либо смешивают загадочные коктейли. Для консерваторов это ужас, но так теперь пьют благородный алкоголь.

А пьют его все больше. Поляки охотно познают вкус роскоши.

— Рынок элитного алкоголя растет в удесятеренном темпе, — говорит Иоанна Новаковская. Поэтому LVMH (Louis Vuitton Moët Hennessy), известный производитель продуктов класса люкс (одежда, кожаная галантерея, алкоголь, часы, парфюмерия), решился открыть в Польше местную компанию. Среди набора напитков LVMH есть один польского происхождения, по поводу которого в последние годы шла ожесточенная борьба между несколькими фирмами — это водка «Бельведер» из жирардовского «Польмоса». Фирма участвует также в создании шампанских баров — ресторанов, где шампанское класса люкс можно заказывать в бокалах.

— Мы хотим убедить поляков, что шампанское можно пить не только раз в год на Рождество, — комментирует Новаковская.

Однако наибольшую карьеру делает в Польше виски. В прошедшем году одного только шотландского виски поляки выпили свыше 43 млн. пинт. С точки зрения динамики роста продажи этого напитка (48%) мы мало кому уступаем. В случае самых дорогих сортов этого напитка (single malt) рост составил целых 55%. А ведь есть еще виски ирландский (напр. «Джеймисон»), а также американский (напр. «Джек Дэниэлс»), которые также борются за свой кусок пирога, стоящего около 9,6 млрд злотых.

— Изменения в наших алкогольных пристрастиях вытекают из изменений стиля жизни. Часть общества обогащается, мы можем позволить себе больше, у нас есть желание попробовать напитки, которые раньше нам были знакомы лишь по названиям. Для многих людей это еще и способ подтверждения, что их уровень жизни повысился: я пью виски или коньяк, а не водку, потому что в моем окружении так принято, — говорит Павел Вуйчик, исследователь потребительского поведения, психолог фирмы «4 P Reaserch Mix».

Рынок алкогольной продукции — исключительно чуткий критерий социальных и экономических изменений, происходящих в последние годы в Польше. Систематически растущее потребление виски, вин, а также взрыв рынка пива (95 л. на человека) приводят к тому, что мы перестаем быть страной водочной монокультуры. Другое неожиданное явление — это быстрое «вымирание» напитков, называемых фруктовыми винами. Все эти «плодово-выгодные» исчезают с рынка не потому, что их потребители выбирают теперь виски или коньяк. Просто потеря акцизных привилегий привела к тому, что они проигрывают пиву и дешевым сортам водки. Зато растет новая категория низкопроцентных продуктов —

бутылочных и баночных алкогольных коктейлей, так называемых «ready to drink». Этот тип напитков предпочитает молодое городское население, а также женщины.

Сколько поляк ежегодно выпивает алкоголя? Об этом спорят эксперты. Согласно ВОЗ, мы пьем его меньше, чем многие наши соседи: 10,6 л на человека старше 15 лет (в пересчете на чистый спирт). Для примера чех выпивает 15 литров. 6,5 л алкоголя, выпитых поляком, приходится на пиво, 3,7 л — на другие спиртосодержащие напитки, а на вино только 0,4 литра. ГСУ (Главное статистическое управление) тоже подтверждает, что мы пьем алкоголь в целом всё меньше и, что самое важное, во всё более низкой концентрации. В 2011 г. на все виды алкогольной продукции мы потратили ок. 38 млрд злотых. Государственное агентство по решению алкогольных проблем располагает несколькими иными данными. Оно бьет тревогу: мы пьем по 13,3 л на человека, и, что самое страшное, около половины выпитого алкоголя приходится на 7,3% поляков.

Однако информация о смерти водки преждевременна. Она всё еще составляет основу нашего алкогольного рынка. Польша — самый крупным производителем водки в ЕС и четвертый в мире (после России, США и Украины). У нас есть 1300 зарегистрированных марок этого напитка, из них шесть принадлежит к группе наиболее продаваемых в мире.

Три четверти выпиваемых крепких алкогольных напитков составляет чистая водка. Главным образом польская, так как в среде ее любителей господствует большой потребительский патриотизм. Из импортных марок водки насчитывается лишь несколько — «Финляндия», «Смирнофф», «Абсолют».

— Решающую роль в этом играют вкусовые предпочтения. Заграничные марки водки часто настолько очищены, что практически лишены вкуса и аромата, — говорит Лешек Вивала, председатель Союза предпринимателей «Польская алкогольная промышленность».

В среде польских производителей алкогольных напитков царит напряженность. Причина тому — подписанный в июле президентом устав, определяющий, что такое «польская водка». Это алкогольный напиток, получаемый из злаков либо картофеля на территории Польши.

— Мы боролись за введение такого определения польской водки в противовес решению Европейской Комиссии, которая признала, что водку можно производить из любого сельскохозяйственного сырья. Мы не могли допустить того, что

кто-то будет изготавливать польскую водку из моркови или свеклы. Польская водка имеет свою многовековую традицию и мировую славу. Она всегда делалась из картофеля либо злаков, — разъясняет Анджей Шумовский, председатель объединения «Польская водка».

Однако не все были согласны с этим определением. Война шла вокруг того, что понимать под традиционными злаками, а в особенности, можно ли отнести к ним рожь и кукурузу. В конце концов, польская водка может изготавливаться из ржаного спирта, но не из кукурузного, что оспаривают некоторые производители, так как спирт из кукурузы дешевле. Председатель Шумовский убеждает, что водку можно делать из чего угодно, но не «польскую водку», которая — как охраняемый географический знак — тщательно проверяется. Некоторые производители уверяют, что это не будет иметь большого значения, раз в Польше каждый и так смотрит на марку напитка, а в мире «polish vodka» — не такая уж престижная марка.

Вдобавок производители постоянно создают путаницу на полках, используя марки популярных цветных напитков, но предлагая их в чистом варианте. «Крупник», «Зубровка», «Жолондкова» относятся сегодня к самым популярным сортам чистой водки. Некоторые шутят, что в скором времени появится чистая «Вишневка» или «Адвокат». С другой стороны, популярными становятся цветные напитки (однако не следует называть их водкой).

— Увеличение популярности напитков с более низким содержанием алкоголя — пива, вина, коктейлей — связывается с изменением форм проведения досуга. Речь идет о том, чтобы как можно дольше быть в форме. Алкоголь перестает служить цели напиться, — поясняет доктор Павел Вуйцик. Однако не все в этом убеждены. — Производители просто создают путаницу, чтобы улучшить свое финансовое положение. Благодаря тому что содержание алкоголя в каждой такой цветной «водке» составляет 32 процента, а не 40, то на каждой поллитровке производитель экономит 2 злотых на одном только акцизе.

Вдобавок к этому он может сэкономить на качестве алкоголя, который может быть уже не таким хорошим, как в случае чистой водки, объясняет один из менеджеров алкогольной промышленности.

Каждый делает, что может, потому что всем теперь нелегко. Продолжается борьба цен, в особенности в экономическом сегменте. Наценка производителя водки составляет около 3%.

— В последние годы обанкротилось восемь предприятий. В прошлом году 42% национальных производителей понесло убытки. В совокупности на производство водки производители потратили около 320 млн. злотых, — говорит председатель Вивала.

Проблемы не обойдут стороной и фирмы, находящиеся в руках зарубежных собственников. А именно они — самые крупные в Польше производители крепких алкогольных напитков. Французская группа «Бельведер», к которой принадлежит марка «Собески», борется с большими задолженностями. Ее польские предприятия втянуты французским судом в судебный процесс.

Вероятно, будет продан бренд компании «Водка Собески», стоимость которого оценивается приблизительно в 650 млн. евро. Покупкой заинтересована американская фирма «Браун-Форманн» (водка «Финляндия», виски «Джек Дэниэлс»).

CEDC, собственник предприятия в Белостоке, производитель, в частности, «Зубровки», пытался завоевать российский рынок, а в результате сам стал завоеванным: он перешел под контроль концерна «Русский стандарт», принадлежащего российскому олигарху Рустаму Тарико. Концерн «Сток Спиритс», который принимал самое активное участие в польском рынке водки (люблинская «Жолондкова»), обдумывает продажу своих польских предприятий. Все стараются спастись экспортом. В 2011 г. стоимость оборота продуктов алкогольного сектора составила 197,4 млн. евро. Свыше половины нашего экспорта попадает в США. Однако в этом году экспорт спал, в особенности экспорт спирта. Причиной тому растущая стоимость производства.

Все эти проблемы наблюдаются у нас в значительной мере по собственной вине. Банкротство «Польмосов» и согласие на контроль зарубежных концернов над польской алкогольной отраслью — это результат политики Министерства финансов и бесконечно откладываемой приватизации, а потом ее проведение под диктовку профсоюзов. Дорогой спирт — это результат политики крестьянской партии ПСЛ, которая боролась за сельскохозяйственные вино-водочные заводы и привилегии для них, так как большая их часть была во владении членов партии или их семей. Казалось, что это будут машины для зарабатывания денег, в особенности когда вошли в жизнь требования экологически чистого топлива, предписывающие добавление спирта в бензин. Сегодня наблюдается драматическая ситуация, так как десятки малых

устаревших винно-водочных заводов не сумеют выдержать конкуренции больших современных зарубежных предприятий.

Для этого производства принципиальное значение имеет доступ к дешевому сырью и экономия энергии, а наши винно-водочные заводы очень энергоемки. «Орлен» и «Лотос» могут заливать в баки не «polish vodka», а обезвоженный спирт, купленный у того, кто продает его в больших количествах и по наиболее доступной цене. Поэтому часть винно-водочных предприятий, ориентированных на производство технического спирта, пыталась вернуться к спирту пищевому, но это не так просто, в особенности при сокращающемся рынке водки и высоких требований качества.

Вся алкогольная отрасль с замиранием сердца смотрит сегодня в сторону Свентокшиской улицы в Варшаве, опасаясь, что министр финансов может снова, как в 2009 г., поднять акцизный налог на алкоголь. А это скажется болезненно, так как повлечет за собой дальнейшее уменьшение продаж. Производители отмечают, что даже без фискального импульса продажа водки в этом году может сократиться на 1-2% . Несомненно, возрастут продажи импортной алкогольной продукции, в особенности из серии brown spirits (виски, бренди, коньяк и т.п.). Все это приведет к увеличению черного рынка, доля которого сегодня оценивается приблизительно в 10%.

Поэтому всех утешает лишь мысль о том, что, может, недавний чешский урок со смертоносным алкоголем, продаваемым из-под полы, по крайней мере на время заставит потребителей отказаться от покупки паленых напитков, «свадебной водки» и других подобных изобретений черного рынка.

За что мы платим

Структура цены 0,5 л. водки (в%)

стоимость производства

18,7 НДС

15,5 наценка производителя и дистрибьютора

47,2 акциз

Что мы пьем?

Рынок алкогольной продукции (в%)

0,1 — коньяк

0,2 — ром

0,3 — джин

0,3 — ready to drink

0,8 — ликёр

1,0 — бренди

2,8 — виски

7,1 — вино

36,8 — водка

50,6 — пиво.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Смотритель маяка

Просыпаюсь утром и мир выглядит как Хитроу, Орли
или О'Хара.

Слева — таинственный чёрный дрозд, внизу парочка
воробьёв, буквально

повсюду стаи стрижей, словно безумная армия
поклонников

какого-то крутого персонажа. Аэропорт имени Леха
Валенсы,

Лавица или Окентье. Голубь с набитым зобом,

хромой, беззащитный. Скворец с жёлтеющей в клюве
добычей, контрабандист,

тот ещё умелец передразнивать иностранцев.
Темпельхоф, Шёнефельд,

Лейпциг/Халле. Солнце отражается в белых
баскетбольных щитах

и снова делает вид, что оно с нами. Мне это никогда не
удавалось,

но времена меняются. Будь я диспетчером,

разгуливал бы в белой рубашке, внушая ощущение
безопасности

молодым женщинам, сидящим в баре, понятное дело,
уже после смены,

которая пролетит быстро, ложась короткой тенью на
океаны пролитого кофе

из автомата. Стоял бы перед застеклённой панорамой

и думал о том, как мало сегодня зависит от таланта и
энергии

отдельного человека. Но увы, я всего лишь смотритель маяка,

хоть и с видами на будущее.

Прощение о сверхурочных

лежит в нижнем ящике стола, под нашей фотографией с отпуска.

Его пока отклонили, отметив, однако, что, в принципе, я готов.

Зимой, за три часа до рассвета

Зимой, за три часа до рассвета

поезда в далёких предместьях,

как волки, перекликаются с ночью,

приспущенной до половины мачты.

Окна нашего дома так низко,

ставни открыты, и лютый ветер

играючи хлопает по стене

крыльями из полусмятой жести.

Легко переваривает доски пола

влага, и в воздухе чувствуешь

запах гниющего дерева,

и одежда становится тяжелее.

Мы согреваем лохмотья постели

и наши тела у остывающей печки.

Классовое сознание

(из цикла «Friedrichstadt»)

Земля, что за букет ты вручила мне,

каким названиям обучался я в холодеющем свете звёзд:

пшеница, шафран и тимьян? Скорее картофель, чай,
молоко.

Хлеб со сливочным маслом, сверху сахар твоих
растений

либо соль твоих внутренностей. И немного
кладбищенской пыли.

Вот книга, прочитанная старшеклассником,

вот дорога, по которой до меня бежали животные,
мелкие, напуганные,

с вымокшей шерстью, не прячась ни в тесные норы,

ни по тёмным углам, не пытаюсь ради собственного
спасения заглушить

рёв, писк и мурлыканье, выдающие их с потрохами.
Сегодня всё, что имеет название,

стоит столбом и просит, чтобы ему поддакивали.
Поверить не могу. Брожу

среди имён, будучи многим обязанным, и что-то ищу
в их тени.

Земные радости

Работающий холодильник в жару

Зеленые глаза кошки, оазис покоя

во время ремонта, бесконечного, как горизонт

Крепкие кожаные ботинки, три месяца как купил

Пустота большого города, отнимающая у всех поровну

Отдельное жильё в большом городе

Утренний кофе

и еще один вечером, после затянувшегося обеда

Возвращение из большого города, ночью, после
рабочей недели

Постнемецкая стрельчатость пункта А

после вареников в пунктах Б, В и Г
Женская тень в окне на окраине городка,
от головы до талии
Боль в мышцах после физических нагрузок
лучше, чем просто боль
Душ после долгой дороги
Уживчивые люди после людей сварливых
После бездарей — люди способные,
но не на всё
Всегда помнить, что утро вечера мудренее
Много книг, хороших и разных
Функция «сохранить изменения в документе»
Электронная почта
Гугл, Мультитран и Википедия
Недорогой, но надежный модем
Мода на хула-хуп после моды на хип-хоп
под самыми окнами
Старый мафиози, соблюдающий приличия
Общечеловеческие ценности, по усмотрению
**Уинтон Марсалис с Бостонским симфоническим
оркестром**
**под управлением Сэйдзи Одзава на французском
телеканале «Меццо»**
Все музыканты в футболках,
студия согрета картинами Хокни.
Несколько «Быков» Пикассо,
все немного разные — в этом суть вариации.

Соната — это три одиноко стоящих дома,
первый пронзает лестница,
после чего мелодия тут же меняет тему.
В соседнем здании множество лестниц
ведут в разных направлениях,
а потом резко пересекаются — это метаморфоза.
Вы просыпаетесь утром, съедаете завтрак,
потом обедаете,
вечером садитесь ужинать.
На другой день всё повторяется,
и то же самое на третий — и это форма.
В школе
у вас по понедельникам одни и те же уроки,
во вторник уже другие,
но в следующий вторник те же, что в этот.
Всё повторяется
в определенном порядке — и это форма.
Вы рождаетесь,
вы растёте,
заполняете собой свои оболочки,
заводите детей. А потом — поворот на сто
восемьдесят,
дети вас покидают,
умирают родители.
И это происходит под музыку,
что становится всё отвязнее,
хотя вы в курсе, что такое додекафония и алеаторика,

и ничто не должно вас уже удивить.

Но она, эта дикая музыка,
прёт изо всех щелей,
забивая собой пространство.

И самое большое
стадо быков
ничего тут не сможет поделать.

Дождь. Риторический вопрос

Ночь. На улице погасли огни.

Лают соседские псы
и слышно, как капли дождя
ломаются в цинковое ведро.

Я выстирал брюки — но они ещё мокрые,
надо было убрать с балкона
и повесить на кухне.

А сейчас я читаю стихи Цветаевой.

И кто виноват, что я ничего
не могу в них найти? Цветаева?

Я? Или, может быть, ты,
хозяйка магнитофона,
с которым я ужинаю и сплю?

Где же ты, где?

О вещах и людях

Антропоморфизм знает множество уловок,
чтобы не выйти из обихода. В пять тридцать
невозмутимость вещей в квартире поражает
воображение.

Отдохнувшие за ночь, готовые к сотрудничеству,
забывшие о травмах минувшего дня,
физических и душевных, они протягивают нам
эргономичные рукоятки, предлагают опереться
спиной,
охая от счастья, лишь только почуяв наш вес.
Но и человек от вещей зависим.
С утра и до вечера он что-то держит в руках,
поднимает на лифте. Изучаемая под микроскопом,
жизнь из кожицы вон лезет, чтоб ускользнуть от него,
а он знает ровно столько, сколько позволяют увидеть
глаз и стёклышко, вонзённое прямо в сердце,
и даже если проедет под объективом поезд,
человек увидит одни лишь сегменты клеток.
Новак, поплевав на ладони, берёт в руки заступ,
я вывожу велосипед за его спиной,
сливаясь с компашкой моих корефанов. Единый
организм,
состоящий из инструментов, простых механизмов,
людских желаний, свойственных этому возрасту.
Один раз сердце было на правильной стороне,
хоть и великовато для этой дурацкой рамы.
Сорвалось с цепи, покатилося в кювет
и хнычет там до сих пор.

Страстной четверг

В диспетчерской на кольце нет занавесок на окнах
и сейчас там тихо. Как в заражённом улье,

трутни вытащили сигареты с фильтром,
королева вдыхает кислород в аппаратной.
Им бы про нас догадаться; темень в автобусе,
нас почти и не видно,
словно в кинотеатре. Какой-то водитель — наш! —
хватает
свою спецовку. Кто жжёт в садах большие костры?

Вниз

Город в стагнации.
Город самоубийц,
всё, по крайней мере, к тому идёт.
Мобильники в пустых квартирах.
И не при делах оператор сети.
На мост, а потом в низовья
реки. Моторкой, потому что вода поднялась
и тропинка затоплена,
робкая, как новичок в первый день работы.
На другом берегу, под балдахином ветвей,
воздушный шарик, наполненный гелием, выдает с
головой
лагерь выходного дня. Дымок гриля.
Раковина парка, из которой сейчас доносится
голос конференсье, тестирующего микрофон.
Ручные звери. Дети, зачарованно глядящие
на отцов, счастливых хозяев перочинных ножей,
которыми те вырезают луки и стрелы.
Однажды

они не выйдут на работу.

Доедут трамваями до кольца,
бросят машины посреди ослепшей дороги
и пойдут пешком — сначала той самой тропкой, вниз,
потом по пояс в траве, что будет расти всё выше,
среди деревьев, фруктовых и просто деревьев,
с запасом минеральной воды
и книгой в мягкой обложке,
с несколькими инструментами.

Лето семейства П.

С юга на север,
с востока на запад, и так далее.
В общем-то, в любом направлении. Всё
перемещается, что-то днём, что-то ночью.
Начиналось вполне невинно,
а потом первое контрабандное яблоко, первый
сбор чемоданов. Переход через Красное море,
переселение народов, на виду, под прикрытием.
«Go west, young man» и «One way ticket».
Путевые заметки, роман дороги.
Кончается всё дешёвыми
авиа и ж/д сообщениями.
И что же они? Всё сидят на заднице ровно,
словно прикованные к скале — морские фонари,
которым ток отключили
за неуплату.

Желтуха заглядывает к ним через окно
телевизора, тыкая пальцем в печень.
В сентябре они падают, как два небоскрёба,
потому что школа их подавляла. Или бегают
из комнаты в кухню и обратно,
он к ней, она к нему. И чего-то от самих себя ждут,
но всего не используют,
чтобы был повод вернуться.

ДЕТАЛИ И ФОН

Дариуш Сосницкий (р.1969) дебютировал в 1994 г. книгой стихов «Марлево», очень тепло, если не сказать восторженно, принятой критиками, чьи благожелательные прогнозы подтвердил очередной сборник поэта «Икарус» (стоит заметить, что речь тут идёт не столько об Икаре, сколько о популярной в Польше марке венгерских автобусов). Сегодня Сосницкий — автор восьми книг стихов, последняя из которых — «О вещах и людях» (2011) — включает тексты, написанные в 1991–2010 гг. Эта книга — своеобразное подведение итогов всех его предыдущих творческих поисков, и, как это бывает в таких случаях, она может свидетельствовать о некоем переломном моменте, наступившем в ходе этих самых поисков.

Сосницкий, по собственному признанию, пишет о том, «как живут в стихах», что само по себе справедливо считается одним из интереснейших мотивов в новейшей польской поэзии, при этом мы имеем дело не столько с тем, что критики называют «жизнеописанием», сколько с ситуацией, когда стихотворение выступает в качестве одного из центров сосредоточения рефлексии по поводу собственной идентичности — как личной, так и общественной. Ярче всего такой подход проявлен в сборнике «Семейство П.», название которого плохо поддаётся переводу, так как слово «państwo» в польском языке имеет два значения — «семья» и «государство», а сокращение «П.» — начальная буква как вымышленной фамилии, так и невымышленного слова «Польша». Данный сборник — и это характерно также и для многих других стихов Сосницкого — может прочитываться как текст, с одной стороны, повествующий о состоянии общества, представителем которого выступает «семейство П.», с другой — одновременно отражающий характерные особенности этого самого «семейства». Важно, однако, что, в отличие от доминирующей тенденции в поэзии предшественников (в первую очередь — поэтов «поколения-68»), речь идёт не о гражданской позиции в ее политическом смысле, но лишь о вызванной экзистенциальными проблемами сверхвосприимчивости: «Это мы. Обреченные на размышления, разговоры и труд».

Штука в том, что всё это происходит «в стихах», пространстве столь реальном, сколь вымышленном и воссозданном — тут

можно даже вспомнить о такой разновидности алфавита, как узелковое письмо — при помощи «узлов на теле языка», но нужно иметь в виду, что в такой поэзии граница между реальностью и вымыслом весьма подвижна и неуловима. В этом причина характерной для этих стихов языковой суггестии, что может создавать впечатление герметичной поэзии (хотя на самом деле любая поэзия по-своему герметична), но в то же время быть следствием использования парадоксов, наподобие игры омонимов, примером чего служит стихотворение «Мужчина в домино», где «домино» — не только игра, в ходе которой из костяшек выстраиваются целые лабиринты, но и название маскарадного костюма.

Название последнего сборника указывает ещё на одно измерение этой поэтики — она избегает общих фраз, не борется с универсалиями, являя собой поэзию реальных фактов, деталей, подробностей: это, по сути своей, скорее прихотливость, непредсказуемость бытия, нежели вера в законы, им управляющие — непредсказуемость и, как следствие, неповторимость, выражением которой становится тело стихотворения, его космос.

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ ГЛОБАЛЬНО

В октябре в Варшаве прошел международный семинар «Испытывая терпимость. Еврейские сообщества и другие меньшинства против антисемитизма и ксенофобии». Семинар был организован ассоциацией «Никогда больше» совместно с Тель-Авивским университетом. Семинар прошел в Институте истории Польской Академии наук.

В Варшаву съехались около 50 экспертов, представляющих академические институты и еврейские организации из Израиля, Швейцарии, Великобритании, Канады, Австралии, Мексики, Венесуэлы и других стран. Среди них были и те, чьи семьи до войны и Катастрофы жили на территории Польши, Литвы или Белоруссии. Многие из них впервые приехали в Польшу, и для них это был очень чувствительный момент. Многие из них так ничего и не знают о своих семьях, когда-то живших в Польше.

Им было интересно принять участие в «польских дискуссиях» в первый день конференции.

Состоялась дискуссия об эволюции антисемитизма в Польше в последние годы. В дебатах участвовали профессор Дариуш Стола, директор Фонда им. Стефана Батория Александр Смоляр, бывший посол Польши в Израиле и ответственный за отношения с Израилем в польском МИДе Мацей Козловский и директор Еврейского исторического института Павел Спевак. Павел Спевак — автор недавно вышедшей книги о «жидокоммуне» — мифе, который получил особенное распространение во всех странах Восточной Европы после распада коммунистической системы. Книга послужила началом дискуссии.

До сегодняшнего дня миф о «жидокоммуне» остается главным элементом идеологии крайне правых политиков, журналистов и историков. Основная цель этого мифа — преуменьшить преступления против евреев во время Катастрофы и укрепить собственную позицию «нации-страдальца» во время войны и коммунизма. Проблема антисемитизма и миф о «жидокоммуне» часто встречаются в публичном дискурсе и составляют основное проявление ксенофобии в Польше.

Антисемитизм часто сопровождается другими формами ксенофобии, направленными против других групп-меньшинств — религиозных, этнических, сексуальных. Нередко он бывает направлен против не-евреев, тех, кто в понимании антисемита «представляет еврейские интересы»: работников музеев, правозащитных организаций, участников еврейских фестивалей и т.п.

Как отметил в своем выступлении один из главных организаторов семинара Рафал Панковский, тема семинара сложная, но, даже несмотря на значительную дозу ксенофобии и антисемитизма в СМИ и политическом дискурсе, а также в интернете и на стадионах, в последнее время в польском обществе можно отметить и положительные изменения в направлении терпимости, открытости, уважения к разнообразию. Эти изменения включают и польскую готовность принять и обсуждать свое нелегкое прошлое, включая долгую историю совместной жизни поляков и евреев и историю антисемитизма.

В этом контексте можно отметить и многолетние углубленные польские дебаты об участии нации в погромах в Едвабне и Кельце. Возможность подобных дебатов стала по сути отражением демократизации Польши. Другие позитивные моменты — появление в Польше ряда молодых ученых, наряду с Яном Томашем Гроссом исследующих эту тему, возросший в последнее время интерес поляков к еврейской культуре и к своему многокультурному прошлому, а также положительная роль государственных верхов в принятии трудного прошлого, например выступление Александра Квасневского на 60-летии погрома в Едвабне.

Анна Татар, представительница «Никогда больше», аспирантка-филолог, поделилась с присутствующими опытом деятельности своей организации в мониторинге преступлений на почве ненависти, а также языка ненависти в интернете. «Никогда больше» — единственная польская организация, которая вот уже более 15 лет успешно борется с антисемитизмом и расизмом в интернете, на стадионах и в публичном дискурсе.

На конференции обсуждались вопросы антисемитизма в Европе, в том числе среди мусульман, языка вражды и антисемитизма в интернете, механизмов мониторинга антисемитизма и отрицания Катастрофы. Советник по проблеме антисемитизма Анна Гибель рассказала о деятельности своей организации, расположенной в Варшаве, —

Департамента толерантности при Бюро по правам человека ОБСЕ, — в этом направлении.

Две сессии конференции были посвящены ситуации с антисемитизмом и положению меньшинств в Восточной Европе. Выступили такие знатоки Восточной Европы, как Лоуренс Вайнбаум из Всемирного еврейского конгресса и Рафаэль Ваго, профессор Тель-Авивского университета. Было отмечено, что сегодня мы наблюдаем в Восточной Европе разные формы памяти одновременно: память довоенная, военная, коммунистических времен, память разных наций и групп. Интересным в данном контексте было выступление о новом Музее прав человека в Канаде, ставшем ареной обсуждения разных видов памяти. Ирена Канторович из Тель-Авивского университета рассказала о том, с каким трудом развивается память о Второй Мировой войне в прибалтийских странах, где была высокая доля коллаборационизма среди местного населения. Она подняла вопрос о том, что, например, польский опыт дискуссий о Второй Мировой войне может пригодиться Молдавии, где еще практически не начали обсуждать эту тему, а также другим посткоммунистическим странам, не проработавшим своего прошлого.

Рафаэль Ваго отметил две нынешние тенденции в Восточной Европе: с одной стороны, рост праворадикальных и националистических движений в разных странах, например в Венгрии, и возрастающая дискриминация меньшинств, особенно цыган (ромов), антисемитизм и антиизраильские настроения. С другой стороны, Восточная Европа уже частично проработала свое нелегкое прошлое и кажется уже более подготовленной к признанию позиции меньшинств. Возрастающая позитивная роль институализации памяти Катастрофы и национальных дней памяти Катастрофы, например в Румынии, — характерный тому пример. Уже отмеченный польский опыт можно также привести как пример.

В целом нужно отметить, что конференция стала комбинацией дискуссий на теоретическом уровне (память Катастрофы и феномен отрицания Катастрофы) и на практическом (мониторинг проявлений ненависти и противостояние росту правого радикализма и антисемитизма).

По окончании конференции участники встретились с сотрудниками одного из самых крупных музеев в Восточной Европе — Музея истории евреев в Польше, открытие которого планируется весной 2013 года. Как нам сказали в музее, его

целью будет показать прежде всего жизнь еврейского народа на этой земле, а не только его трагедию.

ЗАВЫШЕННАЯ ПЛАНКА ДЛЯ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

— Когда читаешь вашу книгу «Земли, затопленные кровью» о геноциде в Центральной Европе 30-х — 40-х годов, возникает впечатление, что вы очень равнодушны к межвоенной Польше. На фоне России и Германии она выглядит просто оплотом мира и свободы. Тем не менее, у Второй Речи Посполитой было кое-что на совести, например, политика по отношению к украинцам или официальный антисемитизм 30-х годов.

— Этот двадцатилетний период, несомненно, более интересен, чем это можно себе представить по польской исторической литературе. Во времена ПНР нельзя было должным образом писать ни о межвоенной Польше, ни о ее восточных областях, да и вообще было трудно писать о новейшей истории. Теперь же историки по большей части заняты коммунистической эпохой, и период между двумя войнами в какой-то степени забыт. Для меня это удивительно, так как Вторая Речь Посполитая — это государство, давшее корни семи послевоенным странам — не только Польше, но еще и советским Литве, Белоруссии и Украине, и, разумеется, Израилю, а также Восточной и Западной Германии. В принципе, нельзя получить представление ни об одном из этих государств, не соотнося их с Польшей в межвоенный период. Тем не менее, историки ни одной из этих стран, в сущности, не делают этого. Я считаю, что ни польские, ни израильские, ни немецкие историки не сдали экзамена по этому периоду, по крайней мере пока еще они его не сдали.

В моей книге «Земли, затопленные кровью» Польша описана как третий проект общественной модернизации, наряду с гитлеровской Германией и сталинской Россией. Вся кровавая история Центральной Европы — это история двух великих модернизационных проектов. Между ними есть и третий, более скромный, но очевидный — Вторая Речь Посполитая.

— В отличие от соседей, у нас не было ни пятилеток, ни гитлеровских автострад. И не было, к счастью, гигантского тоталитарного государства. У нас был Центральный промышленный округ, который, однако, представлял собой инвестицию гораздо меньшего масштаба, чем германские или советские проекты. Бедность была всеобщей, а средние доходы в

1939 г. едва сравнялись с доходами 1914 года. О какой модернизации можно здесь говорить?

— Существовал шестилетний план, который начался в 1936 г. и давал скорее положительные результаты. Отрицательной стороной польского планирования была этническая окраска модернизации. Взять хотя бы Волынь — благодаря инвестициям и колонизации она должна была стать более польской с этнической точки зрения. На самом деле, мало что было в этом направлении сделано, но планы такие существовали. Что же касается последней части вопроса относительно модернизации, то, вообще говоря, вы правы. Долг историков — воссоздать образ польской государственности, который не может сводиться только к теме ее уничтожения в 1939 году.

В западной историографии польскую государственность часто вообще не замечают. В книгах о Катастрофе только с нашествием немцев вдруг заходит речь о поляках и польских евреях. До этого момента о Польше не говорится почти ничего!

По моему мнению, проект польской государственности 1926–1935 гг., то есть от майского переворота до смерти Юзефа Пилсудского, можно рассматривать как попытку лавирования государственной власти между экстремистскими тенденциями при поддержке части интеллигенции. Понимание польской государственности необычайно важно для того, чтобы уяснить, в чем была суть конфронтации этих двух более важных проектов, германского и советского.

— Итак, мы имеем дело с модернизационным проектом, опирающимся на интеллигенцию, а не на нацию, как в Германии, либо класс, как в Советском Союзе.

— Как вам хорошо известно, существовало два варианта этого проекта. В основе варианта Романа Дмовского лежало стремление вырастить из польского крестьянина сознательного поляка, по лекалу национал-демократии при помощи интеллигенции. Второй вариант Юзефа Пилсудского имел целью скорее повышение роли интеллигентского слоя, нежели рост национального самосознания деревни. Частично он появился от беспомощности перед современной действительностью. В этой ментальности была ностальгия по давней Речи Посполитой, придавалось большое значение понятию чести, подчеркивалась необходимости формирования элиты, лояльной государству, лояльной прошлому и, тем самым, будущему страны. Был в этом элемент фантастики, но так уж обстоит дело со всеми идеологиями. Эта

осознанно непоследовательная концепция модернизации Польши была неудачной.

К концу двадцатилетия популярнее стала точка зрения Дмовского, но в течение большей части этого периода преобладала концепция Пилсудского. И то и другое, вместе взятое, явно отличается от представлений Гитлера и Сталина, которые, как я считаю, нельзя уяснить себе без учета Польши, так как ее соседи очень уж часто размышляли о польском государстве и рассуждали о нем.

— Эти польские проекты модернизации были менее тоталитарными по сравнению с германским и советским? Более либеральными?

— Я предпочитаю не употреблять слов «тоталитаризм» или «тоталитарный», так как они предполагают, что советский и нацистский проекты — это два примера, произрастающие из одной и той же тенденции. Я не так уж в этом убежден, а в сущности не верю в это. Но я согласен с тем, что польский проект был значительно менее амбициозным, чем советский или нацистский.

Всем трем этим государствам: СССР, Германии, Второй Речи Посполитой — необходимо было решить основную проблему политической экономии: что делать в ситуации постоянной вероятности голода, дороговизны продуктов питания и отсталости экономики на востоке, ориентированной на деревню. Советское решение — это коллективизация, то есть огосударствление крестьянства. Коллективизация — это ядро коммунизма.

Гитлер, в свою очередь, говорил: там, где есть коллективизация, мы должны строить германскую империю. Польская точка зрения где-то посередине. Польша намеревалась забрать некоторую часть земли с наиболее успешным хозяйством и отдать ее крестьянам, что не удалось осуществить. И именно в этом состоял крах данного государства, а по существу, демократии во всей Восточной Европе в 20-е годы.

— Но ведь сельскохозяйственная реформа проводилась, пусть медленно и ограниченно. К 1939 г. была разделена пятая часть помещичьих владений. Вы полагаете, что Вторая Речь Посполитая рухнула, потому что не провела сельскохозяйственную реформу?

— В этом суть дела! Государство не могло заинтересовать крестьян, не проведя реформы, вот и они не интересовались государством.

— *Польских крестьян не интересовало государство?*

— По большей части, нет. После Первой Мировой войны всем стало ясно, что современная действительность требует от государства быть государством и для крестьян тоже. То есть нужно убедить крестьян, что, дав что-либо государству — например отождествившись с нацией, став лояльными национальному государству, — они что-то получают за это. А единственным значительным жестом, способным их убедить, была сельскохозяйственная реформа, то есть раздел помещичьих имений и передача этой земли крестьянам.

Обретение национального самосознания на самом элементарном уровне сводилось к такому предложению — земля в обмен на лояльность государству.

Эта реформа не удалась в основном по политическим, а частично по этническим причинам, так как на креслах государство не хотело отдавать землю лицам непольского происхождения [на восточных территориях реформа не касалась имений свыше 180 гектаров, как это было в центральной и западной Польше]. Без сельскохозяйственной реформы не было шансов на то, чтобы большинство в обществе серьезно относилось к государству. Оно и не относилось. После великого кризиса у Второй Речи Посполитой уже не было шансов провести сельскохозяйственную реформу. Усилилась политическая оппозиция, получив поддержку значительной части верхов, к тому же Пилсудский рассматривал шляхту кресов как фундамент нации. И, конечно, возникло большое искушение национализмом, но этот национализм был бесплоден: польские националисты сплошь и рядом твердили, что крестьянство — это сердце нации, но не были способны ничего для него сделать. Такова была картина не только в Польше, но и в Румынии и в других местах.

— *Вы хотите сказать, что Вторая Речь Посполитая упустила свой шанс задолго до войны?*

— Ну, не совсем так. Возможно, при несколько ином положении в Европе у Второй Речи Посполитой был бы шанс. Конечно, шансов создать государство, которое было бы в состоянии вести войну против Германии, не было. Нужно сознавать, что планка была установлена очень высоко: межвоенная Польша не достигла успеха в основном из-за

геополитического положения, хотя я не вполне уверен, что и при иных обстоятельствах это государство удалось бы реформировать. Польша была в исключительно трудной ситуации, и у нее было ужасно мало времени. В этом смысле межвоенная Польша чем-то напоминает Австро-Венгрию. Считается, что даже если бы не разразилась Первая Мировая война, империи Габсбургов всё равно не удалось бы сохраниться. Я полагаю, что, если бы Первая Мировая война не случилась, то совсем не исключено, что австро-венгерская монархия начала бы движение к федерации и не распалась бы полностью.

Не исключаю я и того, что, если бы не началась Вторая Мировая война, Польша могла бы эволюционировать в правильном направлении. Однако в существовавших на то время условиях она определенно не выдержала испытания.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Всякие извержения и взрывы сопровождают не только историю, но и современность. В последнее время в прессе и других СМИ ведется дискуссия на тему якобы обнаруженных в остатках разбившегося в Смоленске «Туполева» следов взрывчатых веществ, в особенности тротила и нитроглицерина, что для многих становится доказательством того, что 10 апреля 2010 г. президент Польши пал жертвой теракта, а с ним и еще 95 сопровождавших его лиц. Об абсурдности этих обвинений высказался недавно профессор Збигнев Бжезинский, политолог и практик политической жизни, в частности советник по национальной безопасности президента США Картера. Однако не исключено, что этот пресловутый взрыв мы в Польше будем мусолить до тех пор, пока кто-нибудь не докажет, что это в нашей истории момент столь же важный, как Большой взрыв в истории Вселенной.

Совершенно другой взрыв произошел несколько лет назад, когда Ян Томаш Гросс опубликовал исторический репортаж «Соседи», касающийся участия поляков в уничтожении евреев в Едвабном в начале нацистской оккупации. Обнародование этого эпизода оказалось для многих шокирующим и болезненным: поляки, едва ли не по определению, могут быть только жертвами преступления, но отнюдь не исполнителями. Сегодня, как кажется, знание об этом постыдном событии сумело укорениться в польском сознании. А насколько сильно — об этом мы узнаём, наблюдая за реакцией на фильм Владислава Пасиковского «Последствие», в значительной мере основанный на тех событиях. Так что имеет смысл отметить некоторые из голосов, комментирующих этот фильм.

В статье (или рецензии) «Заговор молчания» Барбара Холлендер на страницах «Жечпосполитой» (2012, №262) прежде всего стремится доказать, что фильм Пасиковского отнюдь не нов для польского кинематографа, который уже много лет, как пишет рецензент, имеет дело с этой «трудной темой»:

«Неправда, что кинематографисты избегали этой темы. В Польше было создано несколько значительных документальных фильмов, базирующихся на том же замысле,

что и «Последствие». В «Чужом VI» Бориса Лянкоша (...) молодой еврей попадает в деревню, где погибли его предки. Во впечатляющей документальной ленте Павла Лозинского 1992 г. «Место рождения» писатель и эссеист, еврей Генрик Гринберг возвращается в родные края, в деревню Радошина. Он ходит из дома в дом, говорит с людьми, раскрывает страшную военную драму своей семьи. (...) Гринберг находит останки отца, зарытые в поле, опирается головой о придорожный плетень. Беззвучно плачет. Деревня смотрит на это в тишине. Пасиковский в «Последствии» обращается к этому фильму, даже приводит некоторые сцены».

Всё это правда, но не до конца искренняя. Ибо есть принципиальная разница между документальным и художественным кино, состоящая прежде всего в том, что документальный фильм добирается до немногих, а хорошую художественную ленту смотрят массы. Точно так же правда и то, что преступление в Едвабном было задокументировано за много лет до публикации книги Гросса, но именно ее появление на рынке привело к тому, что об этом деле стали говорить публично. Представляется, что так будет и с последним фильмом Пасиковского, режиссера, несомненно пользующегося привлекательным и вместе с тем новаторским языком, доказательством чему был успех его «Псов». Но именно этот язык дает основание рецензенту «Жечпосполитой» посетовать:

«Действие «Последствия» разворачивается быстро, актеры создают прекрасные образы, операторская работа Павла Эдельмана, как всегда, производит впечатление. Откуда тогда ощущение неудовлетворенности? Может быть, из-за того, что режиссер наряжает трагедию в костюм жанрового кино. Соединяет триллер с чем-то в стиле польского деревенского вестерна. И всё неожиданно становится топорным. Выводы шиты белыми нитками, некоторые символы кажутся слишком нарочитыми. Словно бы режиссер не верил в разум зрителей».

Конечно же, как всем известно, зритель у нас исключительно рафинированный, улавливающий все оттенки и нюансы, и ему не нужны «слишком нарочитые символы», что получило массовое доказательство во время не столь уж давних споров о кресте, поставленном перед президентским дворцом в Варшаве после смоленской катастрофы. Барбаре Холлендер удалась вещь весьма трудная, но свидетельствующая исключительно о журналистских способностях, — написать положительную отрицательную рецензию.

Взвешенное и разумное интервью о фильме, озаглавленное «Грязная память», опубликовала «Политика» (2012, №45). В завершающей части психолог Олаф Жилич, участвовавший в дискуссии после одного из показов, отвечая на вопрос Йоанны Цесли, сказал:

«После просмотра осталось несколько сот человек, преимущественно молодых, и мы просидели до полуночи. Фильм должен был быть для них важным, несколько человек во время показа были глубоко взволнованы, хотя были и такие, кто смеялся, ибо усмотрел в фильме забавные моменты. Поначалу я не мог понять, но потом осознал, что это молодое поколение — совершенно другие люди, чем мы, рожденные в 60-е или даже 70-е годы. Возможно, они менее эмоционально вовлечены в историю Польши. Ездят по всему миру, видят, сколь он разнообразен, у них есть дистанция. Они не признают табу, им всё интересно, у них больше позитивной уверенности в себе, они хотят разговаривать. Это пробуждает надежду».

Всё же стоит добавить довольно существенное замечание. Люди, родившиеся уже в 80-е и даже в 90-е годы, не только никак не вовлечены в историю Польши и мира, но даже — стараниями нашей образовательной системы — лишены знания этой истории. Для них фильм Пасиковского — это повествование не только хорошо построенное, но также, именно за счет «нарочитых символов» и «шитых белыми нитками выводов», каким-то образом понятное, — без этого вышел бы разговор о грязной памяти на языке, понятном только прадедам, или просто невнятица. Пасиковский — режиссер, который не только знает, что хочет сказать, но и знает, к кому обращается. Отсюда проблемы восприятия у тех зрителей, что привыкли к более тонким аллюзиям и скрытым напоминаниям, по-своему табуирующим действительность.

Эта проблема обозначается в первых же словах рецензии «Гросс попадает под крыши» Аниты Пётровской на страницах «Тыгодника повсехного» (2012, №46).

«Нелегко дискутировать с фильмом, который, безусловно, должен был появиться. Еще труднее критиковать первую, столь наглядную попытку обратиться к проклятой проблеме «польских соседей» на почве популярного кино».

Затем подчеркнута роль фильма:

«Пасиковский вносит под крыши мультиплексов всё, что в узких «образованческих» кругах было уже давно переработано (...). Он делает что-то невероятное: снимает триллер, от

которого кровь стынет в жилах, из жизни современной польской деревни. Он не пытается переубедить убежденных. Он, словно контрабандист, проникает со своим фильмом туда, где до сих пор никого еще не было. (...) Пасиковский брутализирует современную действительность, чтобы показать: новые поколения обречены платить за неискупленную вину. После кровавого урожая более чем полувековой давности всё еще надо собирать оставшиеся на стерне колоски. Создатель «Кролля» не боится буквальности: заросшие хлебами мацевы в конце увидят дневной свет, а вместе с ними — горы откопанных костей и черепов. (...) Фильм Пасиковского вызовет раздражение не только тех, кто с упорством маньяка охраняет миф польской невинности, но и тех, кому он будет мешать в их девственной вере в имманентный польский антисемитизм. (...) Найдется, однако, большая группа зрителей, которые именно благодаря этим рассчитанным на эффект приемам получают возможность столкнуться с неосознанной травмой — не только прошлым Едвабного, Вонсоча или Радзивиллова, но и с историей собственных городов и поселков, у которых отобрана прошлая идентичность. С чем-то, чему их не научили школьные уроки истории. (...) Это также фильм о том, что правда вовсе не так легко нас освобождает. Что сделать с этой правдой, как вести себя с нею? Вот каков самый трудный вопрос, обращенный к зрителям фильма Пасиковского».

Этот вопрос можно повернуть дополнительно: сможем ли мы, переживая подобные проблемы, лучше понять тех, кто должен с этим жить как исполнитель преступлений, жертвами которых, в свою очередь, были мы сами? Сила этого фильма состоит именно в том, что он дает шанс вырвать расчеты с прошлым из сугубо эмоциональных истолкований.

Прекрасный контекст для такого прочтения картины Пасиковского составляет интервью под заголовком «Последний такой наивный», которое дал «Большому формату» («Дужи формат»), приложению к «Газете выборчей» (2012, №43), исполнитель одной из главных ролей Мацей Штур. Актер обращает внимание на то, каковы особенности речи в Польше, если говорят о польско-еврейских отношениях:

««Еврей» — когда звучит это слово, надо быть внимательным; в Польше оно несет такой эмоциональный груз, груз столкновений, опасностей, что даже люди, которых можно бы считать юдофилами, услышав это слово, настораживаются. (...) Слишком уж много плохого случилось в Польше. Даже в моей среде, где, например, очень многие сказали: «Я гей», — мало

кто говорит: «Я еврей». Или их действительно очень мало осталось, или всё еще страшно сказать, что ты еврей. С одной стороны, никто не признаётся, с другой — все под подозрением. Не у одного костела можно купить брошюру «Узнай еврея», где и Ежи Штур был распознан как Ёсек Фейнгольд — к радости моей семьи».

Здесь журналист (Доната Субботко) вставляет «для страховки» вопрос: «Австрийского происхождения?» На что актер, не теряя иронии, отвечает:

«Из Нижней Австрии. Но об этом не написали. Меня еще не расшифровали, но я понимаю, что раз отец был Йошкой, то я должен быть Мошкой Фейнгольдом, ибо другого выхода нет. (...) Я готов, уже заказал растворитель, чтобы смывать звезду Давида с дверей».

Вроде смешно, однако же и страшно: ведь давно известно, что в Польше ты еврей не по происхождению, а когда тебя таковым назвали, но это понимает скорее интеллигенция, а не масса. Штур обращает внимание на этот аспект обыденного сознания:

«Найдутся такие, кто скажет, что евреев в Едвабном убил немцы (...). Еще труднее говорить с тем, кто заявляет, что знает историю, но знает ее иначе, чем мы. Он-то знает, читал документы такого-то профессора из Института национальной памяти. И это немцы сделали. Никто вообще-то никаких евреев в глаза не видел, но все уверены, что они нами правят, нами манипулируют, на нас богатеют. (...) Если нам плохо, то можно на остановке нарисовать звезду Давида на виселице, и тогда мы будем что-то значить. Но несмотря ни на что я считаю, что мир боится нашего антисемитизма сверх меры: в самом деле, эти звезды можно и тут и там увидеть, но сколько тех, кто их рисует?»

И вот еще важное признание, уже непосредственно связанное с фильмом:

«Я не знаю, как бы я себя повел, если бы в 1941-м жил в Едвабном и началось это смертоубийство. Зная результаты психологических экспериментов Филиппа Зимбардо или Стэнли Милгрэма, думаю, есть большая вероятность, что я оказался бы в группе палачей. Разумным людям трудно думать о себе простенько: я хороший, вот будет пожар, я брошусь спасать. Я этого не знаю. Если полыхнет, может оказаться, что не брошусь. Надо ставить перед собой вопросы, но не обязательно на них отвечать. Возможно, сами вопросы — это шанс для человечества. История может манипулировать

людьми, поставить в такую ситуацию, которая выведет из них наружу всё самое худшее. Мы не хотим этим фильмом сказать, что поляки плохие, мы хотим сказать: так закрутила история, что из поляков повылезло страшное зло — из определенных поляков в определенных обстоятельствах».

Когда я читал это интервью, то часто возвращался к его первой фразе: «Был бы согласен заплатить, чтобы в этом сыграть». Мне кажется, в этом фильме именно эта роль была для Мацея Штура столь же важной, как для Кристины Янды роль Агнешки в «Человеке из мрамора» Анджея Вайды. Янда столкнулась с тем, что было более или менее осознанной проблемой значительной части ее поколения, но что, возможно, тогда не могло быть названо прямо: она в этой роли пыталась понять, как получилось, что так много людей оказалось вовлечено в коммунизм, хотя их определенно нельзя считать сторонниками этой идеологии. Похоже и со Штуром в «Последствии». Обе эти роли не связаны с утонченной рефлексией выдающихся мыслителей, которые тонко анализируют механизмы действия системы, в которой оказались другие. Здесь скорее попытка понять человека, отданного на растерзание стихии бесчеловечной истории, или, как это обозначил в одном из эссе Ежи Стемповский (к этому определению, в свою очередь, часто обращался Густав Герлинг-Грудзинский), «истории, сорвавшейся с цепи», перед которой каждый из нас в конечном счете остается в одиночестве, вынужденный принимать собственные, не всегда продиктованные благими намерениями решения. И, возможно, лучше всего такой способ создания роли описывает Штур следующими словами:

«Критерий хорошей актерской игры — это не уровень подготовки, не количество труда, который вложен в роль. Важно то, что в данную минуту актер из себя извлекает, вложит ли он в роль чуточку человека. Потому что как подготовиться к сцене, когда неожиданно из глубокого рва под струями дождя я вытаскиваю человеческий череп?»

А всё же: только ли об актерской игре здесь речь?

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

Сегодня, думая о «Колоколе» Герцена, почти не веришь, что от той эпохи нас отделяет только 50 лет. И не потому, чтобы устарел сам Герцен. Герцен — классик мировой литературы, он никогда не устареет, как не стареют Монтень, Паскаль, Поль-Луи Курье^[1], Вольтер, Гейне. И не потому, что мы якобы ушли от тех времен так далеко вперед. По сей день письма из Италии и Франции, «с того берега», — это самый верный, художественно уловленный и пережитый диагноз, поставленный культурным слоям Европы, по сей день эти сочинения Герцена комментируют нам лучше чего угодно другого то, что происходит в европейских душах исторических слоев. И не потому, что такими далекими представляются нам те времена, что сегодняшняя Россия на ту уже непохожа. Растягивается ширь времени, ибо каждый его год записывался кровью лучших. Не пятьдесят лет отделяют нас от тех времен, но целое наслоение поколений, которые одно за другим посылали своих лучших детей на борьбу, смерть и гибель.

Юбилей «Колокола» — это воспоминания о замученных и отважных. Они проходят друг за другом. Старый Бакунин, пламенный дух, который повсюду сеял бурю, разжигал искры, по сей день пылающие во всех уголках востока и запада Европы, а себе собирал только нищету, гонения, злословие и ненависть самых близких. Нечаев, скорее кровавое привидение, нежели человек, упырь, возвращенный в могиле народных страданий. Апостолы, пророки кружка Чайковского, эти весенние, чистые, с верой в неиспользованные силы народа, в мир труда и свободы, уже готовый под поволокой изживших себя, охваченных равнодушием культурных слоев. Это святое воинство, которое десятки лет погибало своей смертью, сознательно принимаемой гибелью, творя зародыш той новой жизни, что сейчас пробудилась в русских массах. Первые фигуры героев-рабочих: Петра Алексеева, который в 1876 г. по-над головами судей заключал от имени народа союз с российской молодежью, протягивал свою твердую мозолистую руку к этим мученическим, героическим, святым теням. И кто ж их сосчитает? Мужчины, женщины, по-орлиному, нечеловечески прекрасные: Александр Михайлов, сердце и ум не знающего сомнений титана, сестры Любатович, Бардина, Лизогуб, мерзнувший в жалкой одежде богач, который не смеет истратить ни гроша из своего имущества, потому что оно

принадлежит делу свободы, Ипполит Мышкин, сын солдата и крестьянки, великий оратор, который речи свои, способные толпы возбудить и толпам пути указать, произносил в залах суда, казематах каторжной церковки. Кто их сосчитает? Кто сосчитает их всех, тех, что с такой радостью, любовью, счастьем шли на погибель, чтобы из себя и всей своей жизни создать то, что сегодня только дозревает: свободную мысль в сердце народа. Ни мыслью, ни чувством не обнять того огромного содержания, всего, что отделает нас сегодня от «Колокола».

И вот что еще скажем. Герцен других знал поляков. В 1863 г. он сумел заметить пока еще легкую черту, которая, кажется, отделяла дело той польской шляхты, поражавшей весь мир своим героизмом, ошеломлявшей его щедростью в самопожертвовании, и дело современного человечества. Взгляд Герцена был пронизательным взглядом художника: после разговора с Гиллером^[2] он обратился к Бакунину, сказав о Потебне и других русских землевольцах, спешивших занять место в рядах польских повстанцев, что, похоже, путь у них не один и тот же. Да, путь был не один и тот же. Генерал Мерославский даже считал уместным и возможным говорить о возбуждении крестьянских движения в России как о простой стратегической диверсии: «Пуускай эти дикари перережут друг друга». Потебня, землевольцы шли погибать за польского крестьянина и польского рабочего, эту кровь украла польская дипломатическая шляхта, так же как украла и растратила кровь тех героев-ремесленников, из которых в значительной степени состояли кадры повстанцев. Но ведь было достигнуто объединение. Соединился тонкий ручеек крови, пролитый цветом русской интеллигенции, с великой кровавой рекой страданий польского народа. И сегодня путь уже один и тот же здесь и там — Дмовским и Пуришкевичам на общий позор, русскому народу через труды в неизбежное солнечное будущее вместе с той новой Польшей, которой не знал Герцен, но которую он, может быть, один среди публицистов всего мира сумел бы приветствовать, так же как он один поставил памятник польским эмигрантам после 1831 года, этим героическим, орлиным, преданным собственными вождями воинствам, шедшим через пораженную, полную восхищения Европу, которая еще помнила бога войны и его походы, но задрожала и почувствовала, что рядом с ней проходит неведомое величие, — при виде этого шествия бродяг и нищих, несущих в сердце своем будущее страны.

Они прошли. Пропали в кровавой мгле, сумятице и хаосе — мученическое видение. Они не были первопроходцами новых миров. Это были Гекторы, которым лучше было бы пасть у стен

горящей Трои. Они не понимали будущего, не понимали жизни, себя приносили в жертву неведомой судьбе. Неведомой судьбой были для этих святых шляхтичей новое человечество, человек Нового времени, будущее мира. Из сочинений Герцена на нас глядят эти фигуры. Чары слов великого русского писателя, который писал огнем, слезами, издевкой, смехом, мечтой, мыслью, ясновидением исстрадавшейся души, оживляют их. Стоит перед нами Мицкевич, не способный понять, что бог прошлого умер, с молниями, рожденными человеческим сердцем, идущий туда, где должен быть, и раздавить его стремящийся, чтобы тот ответил громом. Святой старец Ворцель, польский Мадзини, но без доставшегося Мадзини счастья погибнуть у себя на родине, душой и совестью которой он был, пусть как изгнанник лишь и скрывающийся государственный преступник. Когда Ворцель умирал, его спрашивал Мадзини, человек, который сам себя сжег на алтаре идеи: нет ли кого-нибудь, к кому он хотел бы обратиться личным воспоминанием, попрощаться в эту последнюю минуту. Ворцель был поляком и был социалистом — и умирал в одиночестве, которое даже у твердого монаха итальянского Rissorgimento выжало слезы.

Герцен и его воспоминания — это как бы летопись, начертанная шекспировским пером, и живут в ней, говорят, страдают те, о ком молчит искусство: герои, мученики, святые новейшей истории. Хотите увидеть короля Лира революции — читайте, как умирает старец, товарищ Бабёфа и Ромма, в день, когда началась февральская революция [1848]. Он садится на постели, запавшими, гаснущими глазами вглядывается в окна, за которыми слышит выстрелы. Народ тянется к власти и молниям — снова ли будет обмануто святое дитя, есть ли кто-то, чтобы дать ему римскую добродетель и закалку друга Гракха? Смерть кладет свою железную руку: «Не увидишь, старче!» А в дверях притаился священник, тайно приведенный сыном. Как у тебя ворует смерть твою родной сын, так обворован будет героический народ. А Париж после июньских дней! Кто сумеет передать то, что есть в словах Герцена, когда он пишет об этом истреблении народа? Он слышит гробовую тишину, среди которой раздаются только залпы расстреливающих, топот коней, растаптывающих трупы. Что-то великое умирает! Бронзовая, суровая правда рождается на протяжении этого молчания, но ее Герцен уже не ощутил. Он написал некролог культурным слоям Европы, и этот некролог остается в истории, как книги Тацита. У самого Герцена тогда умирала надежда, поэтому его разочарование не от рассудка, его боль — это личная боль, историческое сомнение сжимает его собственное человеческое сердце в ледяных скобах. В этом

сила Герцена. Он как человек сливался с событиями, как личность переживал их ужасающий груз, на его собственную голову рушились балки. Сам он слышал треск падающих колонн. Ни под чьим пером не вырастают так и не приобретают размаха эти фигуры разочарованных 1848 года. Пьер Леру проходит перед нами, как какой-то безумный пророк, вещающий человечеству, что солнце уже погасло. Разрастаются эти фигуры, хоть Герцен — не пишет панегириков. Наоборот, ирония у него неустанная, он глядит на тех, кого нежно любит, свободным взором человека, не выносящего авторитетов. Он пишет о святых с шуткой на устах, и благодаря тому, что он окружает их атмосферой своего юмора, они встают перед нами на удивление человеческими. Герцен как будто насмехается над ними, издевается — тем самым он учит нас заглянуть им в глубину сердец, а когда мы уже освоились с ними, когда между нами исчезает расстояние, мы непосредственно воспринимаем всю бесценность таких близких нам в этот момент чувств, и снисходительная улыбка сползает с лица, сердце проникается чувством неотъемлемого величия человека, непостижимых богатств, таящихся в его груди. Восприятие жизни как жизни, человека как человека — знаменательная черта писательской физиономии Герцена. Он не конструирует свои фигуры, не идеализирует их. В момент самой яркой полемической борьбы враг не перестает быть для него душой сложной, запутанной, настоящей. Он умеет одновременно воспринять трагедию Оуэна и трагедию Александра II. Для него человек никогда не исчезает за абстрактным принципом, никогда не перестает быть живой борющейся душой в руках мрачного рока. В восприятии жизни Герцен был трагиком, у него был инстинкт драматической правды, и поэтому всякое дело становилось для него конкретным, брызжущим жизнью. Его сочувствие разливалось по всей поверхности его интересов. Сопоставляя его с Борном^[3] или Лассалем, эту черту видишь крайне четко. Герцен не аранжирует ни своих врагов, ни своих союзников, он воспринимает драму тех и других и через всех ищет правду. Поэтому такой страшной была его полемика. Его презрение никогда не было холодным, рассудочным — это был непосредственный крик сердца, увиденная мерзость. Герцен полемизировал, как Шекспир, когда создавал Калибана, Ричарда III, Полония, Яго или Шейлока. Николай I, Катков, целая галерея российских сановников остались в сочинениях Герцена, как политические противники Данте в «Божественной комедии». Александра II он преследовал, как Эринния, как дух отца Гамлета, и, весьма вероятно, император не раз чувствовал, что этот публицист заглянул ему на самое дно шаткой, слабой, не доверяющей ни себе и никому души. Одна из тайн влияния Герцена и «Колокола» состояла в том,

что он говорил, обращаясь не к партии, а к людям и владел столькими языками, столькими струнами, сколько их у жизни.

Повторяю: как публициста — не знаю, с кем его сравнить. Поль-Луи Курье в сравнении с ним был искусственным. У Маркса в жилах у людей течет не кровь, а огонь и бронза рассудочной истории. У Герцена не было абстрактной теории, не было решения, к которому должна устремиться эпоха. Он смотрел, видел, искал, плакал, страдал вместе со всеми фигурами исторической драмы. Никто никогда не ощущал, что Герцен смотрит на него холодным взором ботаника или энтомолога. В каждом слове чувствовалось горячее искреннее ощущение: мы и вы, помимо всех разделений, с одной и той же боремся силой, тот же самый над нами рок. Редки такие таланты, ибо редко соединяется живое волнение о социально-политических вопросах с высокоразвитой, индивидуальной жизнью. Политика чаще всего идет об руку с пренебрежением к человеческому развитию в себе. Герцен принадлежал к тем гармоничным, поразительно прекрасным натурам, которые возникали в первой половине XIX века в России — трудно поверить, однако это правда — на фоне дворянско-крепостного строя и абсолютного самодержавия. Самовластие, не знавшая уступок николаевская система делала невозможной какую бы то ни было общественную деятельность по личной инициативе. Пробужденная мысль чувствовала и хорошо знала, что не выйдет за рамки очерченного вокруг нее безжалостного круга. Ей приходилось оставаться самой с собою, только самой собою заниматься. Мысль, не связанная ни с какой практической деятельностью, еще не сломленная неудачами, впереди видящая лишь грозный рок и борьбу, становится бескорыстной и неустрашимой. Она не связана ни с какой догмой, ни с какой целью. Она ищет.

Ищет истину и ничего более. Немецкая философия Гегеля, политические события во Франции — всё это неустанно обсуждалось в кругах русской интеллигенции этой эпохи. Здесь, может быть, особенно глубоко и сознательно переживались культурные бои и труды. Не было такого ничтожного профессора философии в Германии, чьи труды не изучались бы здесь с энтузиазмом. Разум здесь воспитывал сам себя, чтобы быть зрелым, когда наступит возможность действия. Эти молодые головы окружал ореол кристального, воистину платоновского бескорыстия познающей мысли. Ничего, ничего — кроме истины. Не существовало никаких иных соображений, интересов, а за рамками пространства, в котором жила мысль, темнели грозные бастионы русского предназначения, воздвигались виселицы декабристов, тени Рылеева, Бестужева,

Пестеля, Муравьева-Апостола проплывали перед глазами юных Гамлетов и брали с них клятвы.

Сумеешь ли, не задрожешь ли в страшный час? — пытается мученический взор. Разуму следует быть не только истиной познания, но и личной силой.

И кто они? Горстка юнцов, окруженных ужасающим произволом. Повлияют ли они? Могут ли они повлиять на эти судьбы, такие суровые, страшные, как снежная, ледниковая степь Сибири? Они одни, только друг с другом в тени липовых рощ московских парков. Здесь они еще вместе, подстерегаемые гибелью. Как же они, должно быть, друг друга любили, как же, должно быть, внимательно прислушивались к тому, что творится в их сердцах. Друг должен быть помощью другу, опекуном, провидением, исцелением. Любовь и дружба учат психологии. Здесь, в этих разговорах, родилась несравненная душеведческая интуиция Тургенева. Здесь родилось ясновидение через сочувствие, гнев или какое-то сильное волнение, ясновидение, составляющее одну из черт таланта Герцена. За рамками этого мира юношества — загадки и образцы для нетерпеливого ума, жаждущего поступков сердца, те, кого уже обожгли молнии и вихри судьбы. Есть Орлов-декабрист, есть Чаадаев, который николаевской России, этой восточной пирамиде произвола, крови и угнетения бросил в лицо предсказание, что она исчезнет, как другой сон человечества, потянув за собой на дно забвения весь народ. Есть за этими рамками молодая литература, учащая чувствовать и видеть.

Пушкин с умом гибким, полным опасной решимости, как клинок кинжала.

Грибоедов, ракета смеха и издевательства.

Лермонтов — раздумье и сила, ищущая поступков.

Гоголь — наивное сердце, которое желало только чувствовать, пока не поняло наконец, что бьется в груди какого то чудовищного, измученного пытками, полузвериного туловища и теперь дрожит и кровоточит, чувствуя, что эта звериная, искалеченная действительность требует от него освобождения. И жалеет себя, и смеется над собой, над тем, что оно пробудилось здесь и по-человечески бьется, что из озверелой нищеты, которая сама себя всё ниже сталкивает на дно, о мысли молит и мысли боится. Смех! Размышлял ли кто-нибудь об этом странном могуществе? Вот Аристофан убивает смехом софистов-демагогов. Во имя чего? Во имя сурового,

аристократического, дорического идеала? То, что содрогается, почти умирает в спазматическом восторге наглого веселья аристофановского театра, — это нечто иное. Чувственная, жаждущая потребления, развлечений, беззаботности и забвения, душа толпы хохочет тут, в этом смехе. Он свалил софистов и Креона, но вместе ними и аристократические идеалы поэта. Он сам стоит в ужасе перед демонами, которых разбудил. Гоголь боролся смехом, сначала подталкиваемый инстинктом, позже во имя византийско-аристократического идеала. Сам император оказал покровительство «Ревизору», думая, что он над своей Россией смеяться изволит. А она уже смеялась сама над собой, над императором, над поэтом, когда он пытался сдерживать этот смех, пробудилась в этом смехе и познала себя. Эта литература учила видеть действительность, заставляла раскрыть глаза и уши: в душу врывается стон мучимых крестьян, насилуемых девушек, парней, отдаваемых на тридцатипятилетнюю армейскую службу, вид спин, исхлестанных бичами. И мысль поняла, что над ней уже поднимается жаждущий крови ястреб самодержавия, что окружает ее море крови и слёз. Закалялись души. Огарев и Герцен на Воробьевых Горах принесли клятву пойти путем декабристов. Пламенная душа Белинского кипела бунтом.

Белинский — это, со многих точек зрения, антитеза Герцена. Каждая его статья написана будто в каком-то предсмертном восторге души, которая еще раз хочет вырваться из себя самой, облечь мир словом. Здесь не место говорить о Белинском, с такими людьми не обойдешься несколькими строчками. Я не знаю никого, разве что Фихте, кого мог бы сопоставить с этим незабвенным, самым дорогим учителем моих младых лет. Пройти мимо этой фигуры, оказавшись поблизости, я не мог. Кто единожды вслушался в этот голос, пылающий жаром гнева, энтузиазма, ненависти и боли, тот не забудет его никогда. Белинский принудил Россию пережить Гоголя, понять его. Еще Николай I не успел опомниться от удовольствия, что в его стране есть поэты, умеющие в таком веселом свете показать верноподданническое быдло, а возле смеха уже звучал другой голос, страстный, дерзкий, неустрашимый. Белинский был воинствующей душой этой молодой, на николаевской каторге рожденной России. А во что она верила? В силу самовластия человека, разум, мысль, инициативу и волю. Но чья это должна была быть воля и чей разум? Только этой молодой горстки? Неустрашимый Белинский принимал последствия. Мысль должна воспитывать сама себя. Но рождалось, возникало прямо рядом другое течение. Кто дрожит перед произволом, кто утратил самостоятельность? Весь народ? Нет. Народ еще не жил. Это только интеллигенция, слои, живущие за счет чужого

труда. Что же такое народ сам в себе? Мысль, срывающая поволоку бюрократического строя, находила крестьянскую общину, подчиненную суровой власти земли, закону труда, владеющую землей совместно. Не начало ли это новой жизни?

Герцен, уезжая из России, унес с собой за границу неясную, дорогую, как надежда, картину готового мира труда, лишь прикрытого гнилой поволокой паразитических слоев. Это было скорее чувство, чем мысль, скорее вера, чем научные убеждения. Да и не была политическая экономия сильной стороной Герцена. Его социалистические взгляды создались под влиянием сенсимонизма, к тому же поверхностного. Социализм был для него осуществлением свободы и справедливости; в анализе действительных, создаваемых трудом основ бытия человека в природе он не шел слишком далеко. Труд, по его позднейшему определению, — невеселая необходимость. Социализм был для Герцена идеалом, который отвечал требованиям его совести, а не принудительной организацией человечества перед лицом природы.

Важно также понять, какого рода экономические понятия были распространены в атмосфере, окружавшей молодость Герцена, так как затем они оказали принципиальное влияние на формирование его окончательного мировоззрения. Туган-Барановский очень верно характеризует экономические мнения русской интеллигенции времен Александра I как своего рода дворянско-крепостническую романтику, пользующуюся довольно суровой критикой даже западноевропейских отношений с целью идеализации российского патриархально-крепостного строя. Российские фабрики, где работали крепостные крестьяне, были, по мнению этих экономистов-самоучек, не промышленными предприятиями, а воспитательными учреждениями, прививающими мораль. Человек, так мало интересовавшийся политической экономией, как Пушкин, упоминает, однако, с глубоким возмущением о нищете английского фабричного пролетариата и с большой трезвостью оценивает нищету трудящихся Западной Европы. Полуофициальные журналы печатали отрывки из сочинений Сисмонди. Экономист Шторх, учитель Николая I, умел весьма удачно бросать мысли о противоречиях капиталистического промышленного строя. Одним словом, элементы даже резкой критики капитализма были рассеяны во всех сферах русского общества, не исключая правящей верхушки. Министр Николая I Канкрин был большим недругом фабрик, по крайней мере в теории. Русская общественность питала иллюзии, что ее не касаются противоречия гнилого Запада, что она может их избежать либо уже раз навсегда от

них застрахована. Надо не забывать, что сам Николай побывал в Нью-Ланарке у Оуэна и что не только наши последователи Товянского или Гёне-Вронский, но и Огюст Конт обращался к нему с весьма серьезными указаниями, как тому исполнить свою миссию создателя устойчивого порядка в Европе. Мы все сверхкритичны, прямо не можем поверить в искренность так давно отзвучавших заблуждений.

Итак, в целом мы можем сказать, что взгляды, господствовавшие в культурных слоях, по преимуществу дворянских, было в России следующими. В Европе капиталистический строй породил нищету и эгоизм. Россия может еще избежать этих бедствий. В ее лоне — основы иного строя. Каковы же эти основы? Для Николая I, Булгарина, Греча, правых славянофилов типа Шевырева и Погодина и — поразительное дело — для самого Гоголя этим идеальным строем был существующий. Единственным недостатком были некоторые, не согласующиеся с целым черты, заимствованные с Запада. Таким образом, речь шла только о том, чтобы избавиться от этих недостатков и создать, а скорее воссоздать древнерусскую нравственность, опирающуюся на доверие к власти и традициям. Даже Погодин на Западе говорил о нищете масс почти как социалист.

Прямой противоположностью этой позиции были взгляды Чаадаева: у России нет никакого будущего, так как она не способна жить культурой Запада. Крайние «западники» вроде Белинского утверждали, что эта культура уже действует в России, что и тут уже родилась критическая мысль. В те времена еще верили, что мысль в состоянии создавать экономические отношения. С минуты на минуту ожидали торжества справедливости в Европе. Для людей, занимавших такую позицию, изучение действительных экономических отношений отступало на второй план. Главным было понять и познать истину. Белинский оценивал данный исторический строй с точки зрения того, в какой мере он способствует рождению мысли и инициативы. Поэтому он был абсолютным противником идеализации чего бы то ни было из русского прошлого и настоящего. Русский народ был для него не лучше и не хуже других, только более несчастным и темным. Он не признавал возможным соглашения не только с правыми, но и с левыми славянофилами. Такие люди среди славянофилов, как Константин Аксаков, Петр и Иван Киреевские, были типичными романтиками, утопистами. Они верили, что в России люди обладают нравственными свойствами, более способствующими строю, основанному на совместной собственности, чем тому способствует западная психология.

Отсутствие инициативы они воспринимали как отсутствие эгоизма, русскую общину — как школу братства. Отменить крепостное право, власть бюрократии — и русский народ сразу окажется на вершине, к которой Запад еще только стремится.

Герцен занимал среднюю между этими позицию, он верил в мысль, но верил также, что, быть может, существуют какие-то свойства в народе, способствующие проведению этой мысли в жизнь. Радикальнее славянофилов с социальной точки зрения, он сохранил их убеждение о принципиальном согласии между чаяниями народа и результатами культурной мысли. В те времена, кстати, на народ повсюду взирали как на какую-то всемогущую, но легковерную и поэтому обманутую стихию. Герцен и его друзья смотрели на народ через призму идеализирующего чувства вины перед ним. Они же выросли за счет этого крестьянского труда. Это может объясняться большая трезвость Белинского: он был интеллигентом-пролетарием, а не дворянином. Наконец, на экономические взгляды Герцена оказал определенное влияние барон Гакстгаузен со своей книгой^[4]. Этот прусско-немецкий феодал, ультраконсерватор побывал тогда в России и своими взглядами привел в восхищение Николая I. Его книга была напечатана на деньги русского правительства. Приведу здесь несколько отрывков из нее, которые цитирую по Туган-Барановскому («Русская фабрика в прошлом и настоящем», с.290–293):

«Во всех западноевропейских странах глашатаи социальной революции ополчились против богатства и собственности: уничтожение права наследства и равномерное распределение земли — вот лозунг этих революционеров. В России такая революция невозможна, так как утопия западноевропейских революционеров получила в этой стране свое полное осуществление».

«Это мнение, — говорит Туган-Барановский — рисует нам всего Гакстгаузена. Западноевропейский консерватор нашел в России панацею против всех социальных бедствий, грозящим Западной Европе. Крепостническая Россия Николая I оказалась воплощением мечтаний французских революционеров. И что за чудо! Воплощение это не только не грозит гибелью порядку собственности, монархическим принципам, но, наоборот, является их самой мощной и надежной защитой. Страной самой сильной власти и самого образцового порядка».

Такого рода идеализация не убеждала Герцена. Он знал, что николаевская Россия не похожа на социальное эльдорадо, однако у него родилось убеждение, что в этой России может

существовать нечто драгоценное, скованное существующим строем. Что ей будет не трудней, а может быть, легче воплотить в жизнь социалистический идеал. Ему могли запомниться такие, например, слова Гакстгаузена:

«Промыслы в России, — писал этот немецкий идеалист, — по большей части принимают общинный характер; жители одной общины делаются, например, сапожниками, другой — кузнецами, третьей — кожевниками и т.д. В этом есть большие преимущества. Так как русские живут большими семьями, то естественно возникает семейное разделение труда, столь необходимое для промышленности. Члены общины постоянно помогают друг другу капиталом и трудом, сообща покупают нужные материалы и сообща же продают изготовленные изделия. Общины ремесленников посылают свои товары в город и на рынок и повсюду имеют свои собственные лавки. Они не образуют замкнутых цехов, как немецкие ремесленники, но остаются совершенно свободными в пределах своей общины. В таких общинах не существует никакого цехового или иного принуждения. Это — свободные промышленные ассоциации, напоминающие об ассоциациях сенсимонистов. Такая промышленная организация доставляет этим общинам большие выгоды».

«Нечего и говорить, — пишет Туган-Барановский, — что Гакстгаузен в данном случае (...) сделал грубую фактическую ошибку: наши кустари в николаевскую эпоху, как и теперь, не составляли никаких ассоциаций и работали совершенно независимо друг от друга».

Однако эти взгляды закрепились у Герцена и остались как уверенность в некоторой родственности между социалистическими идеалами и текущей жизнью русского народа. В те времена социальное сознание еще определялось внутренней логикой, а не анализом внешних, действительных фактов. Речь шла о том, что показать народу как образец, а не о том, к чему он — живя так, как живет, — обязан прийти. Поэтому общину не рассматривали как экономический факт, не изучали, в какой степени она, оставленная в реальном мире, способна развиться в строй равенства и свободы. Достаточно было некоторой родственности, уловленной мышлением. Народ мыслит так, как должен, его действительная жизнь — орган его познания. Желая самостоятельности народа, надо изучать, каким образом она может возникнуть не из наших мыслей, а из его жизни. Однако для русских идеалистов община была прежде всего лишь их личной мечтой.

После нескольких лет ссылки Герцен с молодой женой и молодой душой, полной таких мечтаний, которые были прекрасны, а значит, имели право и обязаны были сбыться, уезжал за границу. На основе его сочинений периода, предшествовавшего отъезду, на основе его позднейших воспоминаний мы можем выработать представление о его состоянии ума и характере в то время. С философской точки зрения, он уже вышел из рамок гегелевского мировоззрения. Хотя, когда желаешь добросовестно отнестись к Гегелю, трудно сказать, где собственно кончается его мысль.

В целом это представляется следующим образом. Мир абсолютно разумен. Разум — его суть, а значит, в конце концов должен победить. Герцен уже в то время считал человеческую мысль единственным местопребыванием разума. Таким образом, речь идет только о том, сумеет ли это естественное, реально-историческое человечество овладеть миром и само собой. Герцен, наделенный художественной восприимчивостью, ощущал всяческие противоречия, коренящиеся в жизни, поэтому победа казалась ему только возможной, но не обязательной. Человек может, если сумеет, овладеть миром. Что это, однако, значило для Герцена — овладеть миром? Это значило сделать мир согласующимся с идеалами, выработанными мыслью. И тут внезапно старый Гегель обретал перевес. Разум — должен быть только вашим разумом? А откуда вы знаете, что вы разумны? На что опирается ваша уверенность, что вы имеете право существовать? На ощущении собственной внутренней красоты? И главы о прекрасной душе, нравственном убеждении, добродетели и ходе событий из «Феноменологии» возникали как грозное *memento*. Не так легко преодолеть Гегеля — старого сфинкса надо перед тем понять. Во всяком случае важно уже и то, что Герцен вел гегелевскую мысль в направлении собственной человеческой самостоятельности. В то же самое время польские философы стремились извлечь из гегелевской Идеи провидения и католического личного Бога, который оставался их должником за участие польских войск в битве под Веной. Сам Герцен ощущал в себе эту внутреннюю неготовность. Сильное чувство внутренней истины, ответственности перед самим собой и теперь уже выступало в минуты горького сомнения. Молодость смягчала диссонансы, и некоторый тон гейневской, вечно детской, мальчишеской иронии, снисходительности к себе самому, восторгов, жаждущих забвения, простирался по поверхности всей психики. Но уже рождались жесткие времена. Ты хотел пройти становление собственными силами — вот уже у твоих дверей стоит судьба.

Пребывание за границей началось для Герцена с тяжких испытаний. В их огне он выгорел, закалился, став тем, чем мы его видим в его позднейших, зрелых сочинениях.

Наступил 1848 год — принципиальная и трагическая черта, подведенная в истории европейской мысли. Год, который доказал, что сама по себе мысль — ничто, и который приговорил быть пустыми и смешными всех, кто, идя старым путем щебета об идеале, старался заглушить железный ход событий и тяжелые шаги нового, нарастающего могущества жизни, которая сама собой управляет, ибо создает собственный фундамент. Откуда вытекает могущество мысли? На что она может опираться? Ее сила — только та сила, которой располагают те, кто мыслит. Изучите вопрос, что такое эти мыслящие, и вы поймете, чем может быть история ближайших лет, какие иллюзии она обязательно принесет идеалистам. Гегель сформулировал эту истину лаконично: истина самостоятельного сознания — это служебное сознание, истина мысли — это потребности и способности тех человеческих типов, над которыми она возвышается. Человек не создает жизнь, проводя свою мысль, но, мысля, осознаёт условия своего существования. Надо изучать, какие формы жизни лежат на линии развития тех человеческих типов, которые сегодня существуют, изучать, какой путь ведет от сегодняшней жизни к типу самосущего человека, — вот этот новый метод, которому научил нас 1848 год. Но Герцен и его ровесники не были готовы к этому разочарованию, и особенно Герцен. Ему на протяжении многих лет Европа являлась как святой край, где властвуют разум и свобода. Разум и свобода — то есть нескованные условия существования для людей, которые достигли этих понятий. Кем были эти люди?

Оторванные от экономической жизни литераторы, правоведы, мыслители, ученые — одним словом, целая толпа т.н. интеллигенции, то есть людей, которые, живя на основе материальной культуры, производимой современным производством, и не принимая в этом производстве прямого участия, считают свою подвешенную в воздухе жизнь нормой существования. Они живут на почве чужого труда, как в зачарованном замке фей, и считают свои мысли и чувства образцом и нормой человеческой мысли в целом. За скобками этой мысли, таким образом, остается всё, что и составляет суть потребностей, мысли, жизни трудящихся. Человек в своем мышлении никогда не выходит за рамки себя самого, никогда не познаёт ничего, что лежит вне его; а то, что он считает истиной, — это только сумма понятий и правил, в которых он излагает свой опыт и переживания. Значит, истиной может

быть только мысль того типа человека, который самодостаточен. Только ясное сознание, необходимое трудящимся, чтобы они могли на данном уровне развития техники руководить своим трудом и создавать потомство, — единственное, полное и логическое определение истины. Тот, кто ищет за словом «истина» что-то другое, бредит, то есть находится в состоянии ума, которое немалыми усилиями создают новейшие, пренебрегающие Марксом философы.

В 1848 г. эта истина была абсолютна, доступна бескорыстным, чистым душам, однако эти души совершенно не ведали, что такое труд и каким образом люди зарабатывают средства существования. Они, естественно, знали, что для этого нужны рабочие и что рабочим причитается справедливость. «Как удивительно мало требует народ, — писал Прудон с иронией после февральской революции, — он хочет только работы!» В этом был весь секрет. Пока сами рабочие не располагают ясным сознанием, как сохранить всё современное производство без руководства извне, пока они мыслят в общих категориях справедливости, а не в ясных и строгих требованиях организации производства, определенных самими рабочими, до тех пор из-за спины апостолов равенства и братства всегда в решающий момент вынырнут те, кто хотя бы на почве собственной прибыли умеет эту работу организовать. Так случилось в 1848-1849 гг. Тогдашние люди, за исключением одной гениальной и одной умной головы: Маркса и Энгельса, — не поняли всего размаха совершившихся фактов. Самые глупые и поверхностные среди радикалов не поняли вообще ничего. Они считали, что произошли некоторые ошибки, заблуждения, предательства, недоразумения, что следует и дальше декламировать о равенстве и братстве и жить в мире современной экономической культуры с той самой долей понимания ее, какой обладает американский дикарь насчет физиологии растений и животных, среди которых живет. Так думали разнообразные вожди чистого республиканства. Сегодня из европейских политических партий на этом допотопном уровне остаются только польские прогрессисты. Другие, кто ставил перед собой задачи смешанного рода, до известной степени объединяющие интересы всех классов, например обретение политической независимости, могли обходиться без того, чтобы окончательно осознать значение великого переворота. Для Мадзини, например, 1848 год только подтвердил деморализацию и упадок Франции — Италии же, которая обладает своей национальной миссией, предстоит совсем другой путь, застрахованный от подобных катастроф. Теорией национальной миссии сегодня пользуются, пожалуй, только в Польше. Поскольку, однако, эта специфически

польская идея служила везде и повсюду, то сегодня у нас она, как мы обнаруживаем, изодрана в клочья — ну, и нет никакого Мадзини, чтобы ее гласить. Герцен был слишком умен, его мозг был слишком отшлифован в диалектических турнирах, чтобы остановиться на половинчатом решении.

Европа пала. Все классы отреклись от справедливости, мысли и разума. Буржуазия предала рабочих, приготовила дорогу реакции. Разочарованные рабочие приняли реакцию как месть за измену буржуазии. Так рассуждаешь, когда подставляешь свои впечатления на место анализа фактов. В 1848 г. так еще мог рассуждать такой разумный человек, как Герцен, сегодня что-нибудь подобное может скомпоновать только г-н Новина^[5]. По сути дела 1848 год, момент падения идей, не опирающихся на труд, но желающих править трудом, был моментом рождения нового, окончательного сознания, вырастающего из самого труда, т.е. из единственной формы независимого существования, доступного человеческой целесообразности. Эта мысль по сей день не разъяснила всех своих оснований. В великих течениях и истории мысли второй половины XIX столетия мы наблюдаем только *disiecta membra*.

— Человек отнюдь не воплощение чистой идеи, но частица природы, — говорят натуралисты, дарвинисты, эволюционисты, стремящиеся вывести судьбы человека из законов биологии.

— Да, — отвечают ортодоксальные марксисты, — человек не независим от природы, но он зависит от нее не прямо, он создает основы своего существования с помощью труда, работает с помощью инструментов, которыми располагает. Эти инструменты влияют на формы организации труда, эти формы создают правовую, государственную и т.п. организацию. Изучайте формы организации, и вы поймете, чем должен быть человек, какой будет его ближайшая жизнь. Человек и здесь, можно сказать, частично растворен в природе, частично — в технике. Человеческое сознание — и дело этих могучих сил, и зритель, глядящий на их существование.

Это не окончательная точка зрения. Она подлежит критике со всех сторон. Что это значит: сознание зависит от организации труда? Это несомненно так, но сама эта зависимость требует дальнейших определений. Мы умеем мыслить в категориях исторического материализма, за исключением вопроса о классовом сознании пролетариата.

«Существующие экономические условия, капиталистический строй изглаживают всяческие или по крайней мере почти все

психические черты, которые в классе трудящихся не связаны с нынешним устройством труда. Эти черты опускаются на уровень индивидуальных свойств, уступая нынешнему лоску пролетарской бездомности, неудовлетворенности, превращают пролетария всего лишь в индивидуум, способный занимать место в организме крупного производства — ну и голосовать за социал-демократического депутата». Так рассуждает г н Зомбарт^[6], и ладно, это его дело, но так же слишком часто рассуждают социалисты, а это уже доказательство, что «парламентарный кретинизм» (*ipsissima verba Marxi*) успел нивелировать социалистическую интеллигенцию.

К счастью, кроме таких наблюдателей, как Зомбарт, еще существуют экономисты типа Поля Рузье, Блонделя, Эудженио Риньяно, Вильфредо Парето^[7], которых я называю почти наугад, так как политической экономией специально не занимаюсь. К счастью и помимо социал-демократических литераторов, помимо Жана Жореса, популярность которого (*utinam falsus vates sin*) когда-нибудь еще дорого обойдется французскому пролетариату, существуют еще и такие социалистические литераторы, как Фернан Пеллутье^[8] (человек, имя которого, ныне неизвестное, возможно, когда-нибудь затмит славу Лассалья), Леоне^[9], мой глубоко почитаемый учитель Жорж Сорель, ну и немало анархистов, делом которых было создание значительной части профессиональных организаций во Франции. Так вот, на основе их изучения психологии пролетариата, их исследований, которые привели такого яркого антисоциалиста, как Вильфредо Парето, к тому, что он провозгласил французские — притом самые воинствующие — профсоюзы сегодняшней элитой человечества (Парето — селекционист), дело представляется несколько по-иному.

Пролетариат тогда только будет держать победу в своих руках, когда сам в себе выработает техническое, правовое, нравственное и т.п. сознание, позволяющее ему взять руководство сегодняшним аппаратом производства. Это надлежащая цель. Политическая организация пролетариата — это только внешняя оболочка, за которой он в своих собственных профессиональных организациях выковывает свою психологию, строго приспособленную к специальным требованиям труда, требованиям, о которых профессиональные невежды-парламентаристы имеют понятие ниже минимального. Если бы знание социализма опиралось не на гипноз, созданный немецкой социал-демократией, а на всесторонний анализ всех пролетарских организаций, прежде же всего прямо классических

французских отношений, то мы обратили бы внимание на то, как возникает этот самый прекрасный, самый глубокий феномен человеческой истории — создание психологии сознательного рабочего, сознательно и целенаправленно воспитывающего самого себя и свой класс для самостоятельного управления жизнью. Только здесь — тот пресловутый скачок, сливающий в одно свободу с необходимостью. Здесь осуществляется извечная мечта человека о свободе воли. Вопрос свободы воли, главный вопрос философии, решается сегодня не на профессорских кафедрах, но в рабочих профсоюзах. В мире происходят вещи, которые философам и не снились. Не снилось почти ничего из всего этого и Герцену, но несмотря на это он, со многих точек зрения, на голову перерос людей, которые сегодня почитаются вершинами философской мысли. Нынешняя философия, вероятно, уже скоро не найдет себе места даже в библиографических примечаниях. Тогда, может быть, окажется, что даже самоучка Прудон более достоин занимать место рядом с Аристотелем, Платоном, Кантом, Гегелем, Марксом, Лабриолой^[10], чем *illustrissimi* Вундты, Корнелиусы, Освальды Кюльпе^[11] и К°. Тогда в истории философии найдется место для Герцена рядом с трагической фигурой Ницше, и еще неизвестно, какая из этих фигур окажется выше другой.

Написаны целые трактаты о символическом значении Дон Кихота и Гамлета. В этих двух гигантских фигурах перед нами пример того, как возникают воистину символические произведения искусства. В этих фигурах два великих мудреца показали нам само явление типа человека Нового времени, жаждущего прожить свою жизнь сознательно, требующего согласия между жизнью, действительностью — и своими убеждениями. Жизнь человека должна быть делом человека, обусловленным, сотворенным его собственной мыслью. Гамлет и Дон Кихот — символы, потому что мы по сей день ломаем голову над теми же вопросами, потому что сознание мыслящего человека по сей день не стало владыкой реальной жизни. Все фигуры и формы современной мысли, все выдающиеся индивидуальности — опыты решения этой проблемы: сделать свою жизнь, всё свое отношение к миру своим собственным делом. Мы уже видели, что только сегодня в современном рабочем движении, в его самых зрелых формах прорастает тип человека, способный решить этот вопрос, ключевой вопрос человеческого бытия. Если бы мы, вместо того чтобы повторять шаблонные классификации и стертые, изношенные лозунги, представляющие собой то, что можно бы назвать терминологией бездумья, и неограниченно господствующие в изучении литературы, искусства,

человеческой мысли, — если бы мы вместо этого воспринимали духовную жизнь человека как усилие понять не что-то вечное, что-то вне его, но себя самого, свое собственное реальное, брэнное содержание, мы бесконечно углубили бы наши понятия о литературе и философии, и они явились бы нам в совершенно другой форме.

Человек мыслит жизнью. Культура ставит каждого из нас в безмерно сложные материальные условия, и эти условия прокладывают эмоционально-мыслительные тропинки внутри нас. Надо понять всю страшную серьезность того факта, что каждый из нас живет на фоне крайне усложненного труда других, на фоне механизма жизни человеческих масс, как первобытный человек жил на фоне какой-то девственной пущи, что мы по сей день живем и мыслим на основе непостижимого мира человеческой культуры, — чтобы узреть совершенно новый метод изучения человеческой умственной жизни. Понять и классифицировать формы реальных отношений, в которых может сегодня находиться человеческий индивидуум перед лицом окружающего его общества, — вот единственный метод, позволяющий понять философию, литературу, искусство и т.п. Этот метод можно применять только на почве понимания основополагающего вопроса человечества, т.е. на почве сознания труда. На почве любого другого мировоззрения психология, история литературы и т.д. и т.п. будут вынуждены считать самодостаточными и независимыми типы, вырастающие на почве чужого труда.

Среди многих форм восприятия и понимания позиции мыслящего индивидуума в мире, над которым он не может захватить господство, потому что не может даже охватить основы этого господства, среди многих форм мысли, долженствующих дать современному человеку иллюзию независимости, художественный стоицизм Герцена — одна из самых последовательных, прозрачных и благородных. Прежде чем мы поймем суть этой позиции, мы должны еще выяснить ее личные истоки.

Герцен принадлежал к тем мыслителям, мировоззрение которых выросло на фоне тяжелого личного несчастья. Даже общее разочарование не приобрело бы таких ясных, окончательных и решительных форм, если бы в то же самое время Герцен не пережил одного из тех поражений, которые навсегда остаются как испытание самостоятельной силы человека. Самая гармоническая социальная жизнь ничего не переменит в том факте, что в некоторые моменты каждый

будет вынужден опираться на себя самого — так, как если бы был первым и последним человеком перед лицом Неведомого. Общество дает нам только то содержание, на которое мы можем опереться в такую минуту. В момент огненного испытания этим содержанием было для Герцена ощущение, что вера во всеобщее значение разума, вера прекрасная, — это иллюзия. Перед лицом судьбы он оказался уже человеком с разрушенной верой в общность человечества. Он уже не был уверен, что всеобщее счастье вырастет из его убеждений. Эти убеждения были только его убеждениями. В момент несчастья ему пришлось опираться на нечто, более летучее, чем дым, — на мысли, которые в его собственных глазах потеряли власть над миром.

Гегель в «Феноменологии» различает мир солнечных законов и мир мрачных подземных богов. Первый — это мир культуры, созданной человеческим обществом, второй — тот, где человек остается один перед лицом мрачных сил смерти — и любви, можем мы добавить от себя. Это одно из тех философских различий, в которых мужественная глубина гегелевского ума сумела уловить окончательное, непреходящее определение. В мире солнца, в мире человеческой культуры возрастает и живет человеческая мысль — как на надежной почве. В какой-то момент перед ней открывается другой мир, куда нужно сойти, бросив всё, так, как сходит, по греческим мифам, Персефона в страну смерти, где вершатся дела подземные, которым предстоит повлиять на судьбы будущего. И так оно и есть. Человек — такой, каким его сделала общественная культура, — встречается лицом к лицу с миром, рождающим жизнь сил в себе и вне себя, а с другой стороны, от того, что такое человек как сила жизни, порода, зависит будущее этого солнечного мира. Мрачное лицо жизни явилось Герцену сразу в двух видах. Смерть и любовь произнесли свое слово почти одновременно. Жена его, с которой он сросся всеми воспоминаниями тех времен, когда рождалась утраченная вера, рассталась с ним, полюбив Гервега, потом вернулась, разочарованная, со смертью, уже таившейся в груди. Герцен терял ее дважды. Так от него отпал последний узел, связывавший внутреннее убеждение с чем-то, живущим вне его. Убеждение стало теперь сном, упорно продолжающимся в пустоте. Никто не изменит того факта, что каждый из нас неустанно переживает, что видит, как плывут волны жизни, впитываясь во что-то неведомое. Время крадет нас у нас же самих — на что опереться перед его лицом? Гейне, человек, в котором раздвоение нашего времени проступает совершенно очевидно, у которого мальчишеская незрелость переходит, наоборот, в старческое смирение, верно говорит об этом: убеждения, мысли — всё это

игрушки и побрякушки, в которых напрасно ищет спасения, извиваясь от боли, надетый на иголку человек-насекомое. Герцен был глубже и сильнее Гейне. Одно не зависит от времени мира, ни от чего вне меня: мой образ, который есть во мне самом для меня. Жить я должен так, как будто я вечен, непреходящ. В любую минуту я обязан сказать себе: да, это я. Чувствую и мыслю, как повелевает истина, не имеющая значения вне меня. Таким вышел Герцен из-под удара, который нанес ему рок. Главы «Былого и дум», говорящие о смерти сына и жены, обладают трагической красотой какой-нибудь греческой скульптуры. А вся его книга, рассказ Герцена самому себе, кем был он и его личная истина, станет когда-нибудь по своей художественности рядом с «Wahrheit und Dichtung» Гёте, по содержанию же произведение Герцена нам бесконечно ближе и дороже. Тот, кто его не знает, затрудняет себе понимание характерных черт современного европейского человека. Лучше понимаешь Ренана, Ибсена, Ницше, Бодлера после того, как прочитаешь эти записки, гнев и возмущение которых схватывали на горячем возникновение сегодняшнего расщепленного европейского сознания.

Мировоззрение Герцена в то время можно изложить кратким афоризмом: человечество выработало мысль и не способно провести ее в жизнь. Мы уже узнали, каковы посылки этого мировоззрения. Эмигрантская ностальгия и отчаяние вывели теперь наружу старые мечтания о социалистической миссии русского народа, о русской общине. Крестьянская община в глазах Герцена выросла тогда в какое-то звездное чудо, единственное светлое пятно на фоне всеобщей ночи. Это самый слабый пункт деятельности Герцена, единственный, на который обратил внимание Маркс, произнося свое суждение о «татарско-казацком беллетристе». Чем была, а точнее — что такое она, община? Происхождения она, почти несомненно, фискально-государственного, создана была по большей части для того, чтобы гарантировать податную способность сельского населения. Характерно, что в то время как славянофилы упрекали Петра Великого и его наследников в разрушении основ народной жизни в России, по более точным исследованиям получается, что как раз Петр Великий и его наследники силой вводили общинное устройство в северных и южных губерниях. Однако вне зависимости от этого общинное устройство в северо-восточной части России сумело сильно повлиять на психику крестьянства, не позволяя развиваться той яркой привязанности к частной собственности, какая в большой степени характерна для крестьянской психологии на Западе. Такая психология русского крестьянства может оказать и уже оказала сильное влияние на ход классовой борьбы, которую

ведет фабричный пролетариат. На этом, мне кажется, почти исключительно основано социалистическое значение русской общины. Ее судьба и будущее полностью зависят от тех перемен и разделений, какие будут происходить в общем культурном устройстве России. Было бы любопытно остановиться на этом вопросе, но это уже целиком вышло бы за рамки настоящей работы.

Идея-фикс общины никогда не развилась в мысли Герцена в систему экономических понятий, она навсегда осталась личным исповеданием веры. Достаточно сравнить взгляды Герцена и Чернышевского на этот вопрос, чтобы убедиться, насколько правильно вышеприведенное определение. Герцен на русской общине основывал уверенность в том, что русский народ возродит падшее человечество. Чернышевский, сильно идеализируя общину, видел в ней не больше чем возможность того, что некоторые стороны социального прогресса, принесенные с Запада, смогут опереться на черты, созданные в психологии русского народа общинным владением земель. В прошлом году г-н Гурецкий в статейке о Герцене приписывал его взглядам влияние на характер социального развития России. У нас в Польше социальное развитие по сей день зависит от книг, но и так неплохо было бы нам знать, что вопрос общинного владения землей, которое Герцен принимал как пункт романтической веры, был затем анализирован Чернышевским, Михайловским, Успенским, Златовратским — почти всеми русскими экономистами, — что он был предметом яростного спора между двумя течениями русской социалистической мысли и опорой различных историко-экономических конструкций гг. В.В. и Николая — она^[12], что поворотной точкой дискуссии стал, в частности, выход «Критических заметок» Петра Струве, что, наконец, обо всем этом многое можно почерпнуть из «Очерков по истории русской культуры» Милюкова, где рассказ о дискуссии занимает двадцать страниц книги, стоящей всего рубль. Хорошо было бы, если бы польские прогрессисты, чувствующие призвание вливать свет в темные мозги марксистов, решились на некоторые материальные и умственные затраты. До тех пор, пока это не произойдет, я буду и в дальнейшем при любой возможности оглашать краткие указания нашим будущим менторам.

Довольно поверхностны и суждения о влиянии «Колокола». Влияние это было несомненным, однако носило характер скорее фактический, нежели идейно-воспитательный. Возможность такого влияния объясняют особой психологией правительства и общества после Крымской войны и смерти

Николая I. Правительство и общество одновременно почувствовали, что Россия, этот грозный истукан Николая, существует как такая мощь исключительно в воображении — их собственном и соседей. Все, от императора до самого мелкого интеллигента, ощущали необходимость перемен.

А среди всех этих перемен на первый план выдвигался крестьянский вопрос. Однако, затронув этот вопрос, правительство ставило себя в особые условия. Правительство могло признать себя представителем крестьянства — в таком случае следовало исполнить его желания, дать не только «волю», но и землю. Однако сделать это можно было, только имея ясный и далеко идущий план воистину гениальной политики. Надо было порвать не только с собственными традициями, но и с западноевропейскими образцами, нужно было также перед лицом безынициативности опереться на радикальную интеллигенцию. Среди нее были люди, способные исполнить крупную государственную роль: Серно-Соловьевич, если б его не сослали в Сибирь, а назначили министром, Милюкин^[13] и множество дельных специалистов. Это был целый готовый штаб, но, разумеется, наивно предполагать, что российское правительство было бы способно принять этот план. Возникла политика компромисса. Выбирая этот путь, правительство уже не получало поддержки ни от народа, ни от радикальной интеллигенции. Не получало оно и поддержки дворянства, которое соглашалось на реформу только под давлением. Это была трагическая игра в жмурки, в которой разыгрывалась судьба темного и немого народа. У народа этого был тогда представитель, который говорил мужественным голосом силы и ясной мысли — почти один-единственный. Николай Чернышевский, имя которого рабочий класс должен вписать среди имен своих величайших героев, защищал потерянные позиции, зная, что сам себе готовит гибель, что, когда наступит момент общего ошеломления, никто его не осмелится защищать. Было нечто великое в России тех времен — был этот человек. Рядом с ним и той трагической силой, которая требует пера Плутарха, «Колокол» Герцена кажется скорее эффектным, нежели существенным. Все чувствовали свою слабость, все чувствовали, что надо что-то сделать, голос общественного мнения был не в состоянии понять, откуда берется его сила, а сила была в том, что на мгновение правительство зависло над бездной. Дворянский берег уже не давал опоры, крестьянский — ужасал, и постепенно выстроили мост из компромисса. Дворянство прошло по нему, спасая всё, кроме чести — на которую и не претендовало, — и правительство снова почувствовало себя сильным. Общественность обнаружила, что держит в руках деревянный

меч, «Колокол» еще звонил в набат, но чары лопнули. Чернышевский с обритой головой каторжника мог говорить в Сибири, что судьба его и судьба народа свершилась. «Колокол» — это воистину романтическая зарница, нечто неопределенное, как серебряная петербургская ночь, прекрасное, благородное и без будущего. Сегодня «Колокол» — больше произведение искусства, чем страница истории политической мысли.

Он жив, ибо живо всё, что написал Герцен, он жив как документ, которым Россия замыкала романтический период истории своей интеллигенции. С тех пор то, что живо в этой интеллигенции, выступает как авангард и инструмент мысли класса трудящихся. Герцена и его «Колокол» можно поставить рядом с декабристами. Чернышевский же — это первая сознательная фигура трудящейся России, борющейся за свое будущее. Оба они отдавали себе отчет в том, какая пропасть их разделяет. Чернышевский принадлежал к тем, кто сам приписывал начало своей сознательной жизни урокам 1848 года. Герцен сохранил от великой катастрофы способность волноваться из-за того, что в 1848 г. навсегда погибло, для него же осталось единственным содержанием. 1848 год повторился в России: русский народ потерпел поражение, прежде чем вышел на сцену. Прежде чем начал бороться, он уже был предан. Герцен остался один со своей гордой грезой художника, и таким он останется в истории.

Тому, кто упрекнет меня в том, что я приуменьшаю роль «Колокола», что его ведь читал сам император, побаивались министры, приведу вступление из замечательных «Писем без адреса», явно обращенных к императору Александру II. В этом своем политическом завещании Чернышевский пишет:

«Милостивый государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас и не от вас должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хоть и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы этот судья мог произносить с сознанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни. К сожалению, этого нет. Вас он знает по имени, но,

будучи совершенно чужд вашего круга понятий и вашей обстановки, решительно не знает ни ваших мыслей, ни причин, руководящих вашими действиями; а нас он не знает даже и по имени».

Вот как определено правильное отношение. А в ходе переговоров между бюрократией и помещиками Чернышевский писал, что дело поставлено так, что лучше бы уж не было никакого освобождения. И такой умеренный человек, как Иван Аксаков, жаловался: свершается великое дело, а нужно себя уговаривать, что это так, что действительно что-то делается. Русская интеллигенция действительно себя уговаривала, что она двигает дело вперед, правительство, пока у него не было твердой почвы под ногами, само верило, что поддается либералам. Либералы тратили невероятно много энергии на то, чтобы убедить радикалов, т.е. ясно мыслящих людей, что своими крайностями те всё портят. Когда Чернышевский и Добролюбов — в тот момент, когда мнение интеллигенции еще могло иметь вес, — указывали, что сила лежит в ясности и решительности, а не в иллюзиях, когда они насмехались над наивностью русского либерализма, Герцен в статье, которую Чернышевский справедливо никогда не забыл, «Very dangerous», упрекал Добролюбова в том, что тот поддерживает реакцию. Иллюзии прошли. Радикалов правительство сослало в Сибирь, посадило в тюрьмы, либералы один за другим отходили от Герцена, его петербургский представитель Кавелин совершенно с ним разошелся, Тургенев в III отделении оправдывался, что не порвал отношений со старым другом. Либеральная общественность поняла, что собственно не столько творит великие дела, сколько скорее открывает территорию для биржевых спекуляций, которые как раз в то время начали расцветать в России. Катков торжествовал. Либеральные редакторы, такие как М.Стасюлевич, отказывались печатать рукописи Чернышевского под какими бы то ни было псевдонимами. Среди этих рукописей было стихотворение «Гимн Деве Неба». В нем Чернышевский писал о древнегреческом городе Акраганте, взятом в осаду врагами и близком к капитуляции. Старец Эмпедокл во вдохновенной речи передает народу повеление Артемиды дать оружие девушкам: «И к победе в бой за мною / Вы пойдете, весь народ».^[14] Поколения русской революции пусть ответят, не был ли автор в лучшем смысле слова поэтом-провидцем.

Герцен не нуждается в чужих лаврах. Он принадлежал прошлому. В годину перелома он был как бы памятником русскому идеализму, во имя той традиции, на могиле которой

он стоял, требовавшим, чтобы сдержали клятву, чтобы осуществили мечтания.

Да, было время, когда Катков, Герцен, Бакунин жили в одном и том же мире. Русская либеральная интеллигенция продолжала мечтать с Герценом, но дела ее вел Катков. И в один прекрасный день Катков остался один. Герцен слишком велик, чтобы нуждаться в ином памятнике, кроме истины. А русский либерализм слишком ничтожен, чтобы его история хоть в чем-либо могла быть сплетена с этим великим именем. Поэтому я думаю, что будущее согласится со мной: больше своей собственной деятельности — был сам Герцен. Он завоевал своей стране право возвести статую в храме человечества рядом с Мишле, Виктором Гюго, Мадзини, Гарибальди, Мицкевичем, Лелевелем, Фихте.

1907, из книги «Голоса в ночи»

1. Поль-Луи Курье де Мэр (1772-1825), некогда знаменитый французский полемист. — Здесь и далее (кроме примечаний переводчика) прим. ред. сочинений Бжозовского.
2. Агатон Гиллер (1831-1887) — польский журналист и борец за независимость. В 1862 побывал в редакции «Колокола».
3. Карл Людвиг Борн (1786-1837) — немецкий политический журналист и писатель.
4. Барон Август Гакстгаузен, политэконом, был приглашен Николаем I, чтобы провести исследования земельной собственности в Российской Империи. Результатом стал двухтомный труд «The Russian Empire, its People, Institutions and Resources», вышедший в Лондоне в 1856. [Лондонское издание — два тома из трехтомника. Первое полное издание: Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands. Bd.1-3. Hannover — Berlin, 1847-1852. Почти одновременно все три тома вышли по-французски. По-русски был издан только 1-й том: Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1869. — Пер.]
5. здесь редакция сочинений Бжозовского не дает никакого примечания. Нам тоже не удалось найти, кто такой «г н Новина». — Пер.
6. Вернер Зомбарт (1863-1941) — немецкий социолог и экономист.
7. Поль де Рузье (1857-1931) — автор, в частности,

четырехтомного труда «Les Grandes industries modernes» (1925-1927); Морис Блондель (1861-1949) — французский философ, представитель католического модернизма; Эудженио Риньяно (1870-1930) — итальянский философ, представитель итальянского витализма; Вильфредо Парето (1848-1923) — итальянский экономист и социолог, с 1893 профессор политэкономии Лозаннского университета, создатель т.н. лозаннской школы в политэкономии.

8. Фернан-Леонс Эмиль Пеллутье (1867-1901) — создатель французского анархосиндикализма.
9. Энрико Леоне (1875-1940) — итальянский синдикалист.
10. Антонио Лабриола (1843-1904) — итальянский философ, теоретик марксизма, деятель рабочего движения. — *Пер.*
11. Вильгельм Максимилиан Вундт (1832-1920) — немецкий психолог, один из создателей экспериментальной психологии; Ганс Корнелиус (1863-1947) — немецкий философ, стремившийся соединить позитивизм с кантианством; Освальд Кюльпе (1862-1915) — немецкий психолог, ученик Вундта.
12. В.В. — по всей вероятности, В.П.Воронцов (1847-1918), экономист и теоретик либерального народничества. Николай-он — псевдоним экономиста-народника Н.Ф.Даниельсона (1844-1918). — *Пер.*
13. Вероятно, опечатка и имеется в виду Н.А.Милютин (1818-1872), главный разработчик крестьянской реформы. — *Пер.*
14. У Бжозовского взят в кавычки текст, как следовало предполагать, Чернышевского, однако кроме имен Эмпедокла, Артемиды и общего контура событий реальному тексту «Гимна Деве Неба» не соответствующий. Мы позволили себе прибегнуть к пересказу и одной подходящей цитате в конце. — *Пер.*

ЕСЛИ БЫ НЕ ТОВАРИЩ ЛАРИОНОВ...

...генеральный конструктор советского компьютера ЭВМ серии «Ряд», кто знает, может быть, именно в Польской Народной Республике началась бы компьютерная революция, давшая миру первые ПК

Когда в 1971 г. на Познанской ярмарке Яцек Карпинский продемонстрировал свой компьютер, среди польских информатиков прошел слух, что К 202 — это муляж. Компьютер величиной с небольшой чемодан работал безотказно и не требовал охлаждения. Его конкурент, «Одра», был размером со шкаф и «думал» в несколько раз медленнее.

К-202 был предвестником недалекого будущего, в котором легкие аппараты массовой продукции придут на смену архаичным гигантам.

Газета «Трибуна люду» писала: «Польская модель ничем не уступает самым современным американским, английским и французским устройствам». Но эйфория продлилась только до 29 марта 1973 года. В тот день Яцек Карпинский был уволен с работы, а его проект К-202 закрыт.

Гениальный ребенок необыкновенных родителей

Родители Яцека познакомились в Татрах. И он, и она уже вписали свои имена в историю борьбы за независимость Польши, оба были награждены орденом *Virtuti Militari*. Она была связисткой у Юзефа Пилсудского, он служил в авиации. После войны 1920 года они идут учиться, Ванда — в медицинский, Адам — в технический институт. Оба обожают альпинизм.

Яцек родился в апреле 1927 г. в туринской больнице, в Турине Адам и Ванда проходили стажировку: она — в институте рентгенологии, он — на заводе «Фиат».

Вернувшись в Польшу, Адам проектировал спортивные самолеты и планеры. И покорял горы — Татры, Альпы, Анды.

Лето 1934 года. Семилетний Яцек копается в двигателе машины отца. Сосед кричит: «Господин инженер! Ваш сын ломает машину!» — Он ее чинит, — отвечает тот. Он сам попросил сына прочистить карбюратор, и Яцек отлично справляется —

разбирает, чистит, продувает и снова собирает. У него необычайные способности и феноменальная память.

19 июля 1939 г. отца накрыла лавина во время первого польского похода в Гималаи, которым он руководил. (Семнадцать лет спустя в Татрах погиб младший брат Яцека Марек). Меньше чем через два месяца начинается война. Мать отправляет сына связным в противовоздушную оборону.

Потом, вместо того чтобы пойти в хороший лицей, Яцек идет в садоводческое училище, но и учится дома самостоятельно. Во время оккупации приятель втягивает его в харценскую подпольную организацию «Серые шеренги». С 1941 . Яцек, прибавив себе лет, начал участвовать в операциях «малого саботажа»: срывал немецкие флаги, бил витрины в немецких магазинах. Через какое-то время он перешел в Штурмовые группы и принял участие в боевых операциях. Дружил с Кшиштофом Камилем Бачинским, оба состояли во взводе «Алек» батальона «Зоська».

Перед каждой операцией мать обнимала сына со словами: «Только вернись!».

В первую ночь восстания пуля ранила Яцека в спину, прошла между отростками позвоночника и повредила корешки спинномозгового нерва. Мальчик был парализован, но врачам удалось вывезти его из Варшавы в Прушков, где находились мама и брат. Ванда выходила сына, а затем уехала с мальчиками в Краков, а оттуда в Закопане.

У Яцека всё еще парализована рука, он ходит на костылях. Но уже летом 1945-го они с братом и другом идут в горы. Разбивают палатки на озере Чарный Став. В один из дней на Лилиовом перевале Яцек выбрасывает один костыль; второй он выбросит через год на Орлиной грани — самом опасном маршруте польских Татр.

С поврежденной рукой, частично парализованной ногой и пулей в тазобедренном суставе Яцек три раза покорил Мних, вершину в две тысячи с лишним метров.

Семья переехала из Закопане в Радомск. Яцек сдал экзамены на аттестат зрелости, за год прошел двухлетнюю программу лицея и закончил его на одни пятерки. Затем поступил в институт в Лодзи, а диплом защитил уже в Варшаве.

Реакционный инженер

В 1951 году инженер Яцек Карпинский получал направление в лабораторию Польского радио. На второй же день его работы заведующая отделом кадров раскричалась: — Что здесь делает этот диверсант! Враг народа к нам закрался, а ну вон отсюда!

Через две недели он получил новое направление — на варшавский Радиозавод имени Каспшака. И снова та же история. Его выгоняли еще несколько раз — от батальонного «Зоськи» реакцией разило на километр. И ему еще повезло: большинство его друзей по АК отправилось в застенки госбезопасности, а он в ГБ должен был отмечаться всего лишь раз в месяц. Когда в 1953 г. умер Сталин, а спустя три года и Берут, Карпинского наконец перестали преследовать. Он получил место в Институте основных проблем техники Польской Академии наук.

Другу Карпинского из Института метеорологии и водного хозяйства, который занимался составлением долгосрочных прогнозов, нужны были приборы для анализа крупных баз данных и вычисления интегралов Фурье. Карпинский создал устройство размером два на полтора метра, работавшее на 650 лампах. Оно анализировало данные и показывало результаты на экране. Сегодня этот «шкаф» назвали бы специализированным процессором.

Через два года появился АКАТ — прибор для анализа дифференциальных уравнений.

В 1960 г. Яцек Карпинский выиграл конкурс ЮНЕСКО для молодых кибернетиков. В награду победитель получил два года учебы в университетах по выбору. Он поехал в Гарвард и в Массачусетский технологический институт. В Америке его пригласили на работу IBM и Калифорнийский университет в Беркли, в Сан-Франциско даже предложили основать свой институт. Одним из первых выходцев из Восточной Европы Карпинский получил доступ к лабораториям НАСА.

Но инженер считал, что раз уж он пережил оккупацию, то и совдепии его не одолеть. И что он должен работать в Польше. В конце концов, русские когда-нибудь уберутся.

Кроме того, Яцек не хотел оставлять мать одну (она — профессор-медик). Когда в 1981 г. студенты спросили его, почему он не остался на Западе, он ответил: — Что тут объяснять? В молодости я воевал за Польшу, а дальнейшая жизнь — продолжение этой борьбы, только в науке и промышленности.

Второй на свете персептрон

Из Америки Карпинский вернулся переменившимся, ему казалось, что невозможного нет. На дворе 1962 год. В Лаборатории искусственного интеллекта Института автоматике ПАН инженер проектирует персептрон. Это устройство, оборудованное камерой и системой анализа изображения, способно распознавать окружающее и «учиться». Персептрон принес Карпинскому известность. Это второй прибор такого рода, нечто подобное сконструировано в Стэнфорде, но американская модель работает по другому принципу: Карпинский построил свое детище на основе нейронной сети, состоящей из двух тысяч транзисторов.

Успех пришелся не по душе коллегам-академикам. Инженеру не выделили денег на продолжение исследований, и он перешел в Варшавский университет, в Институт экспериментальной физики.

Его начальнику, профессору Ежи Пневскому, нужен был сканер для анализа фотографий столкновения частиц, но никто не мог его сконструировать. Сканер Карпинского был готов в три недели. Теперь необходима машина для подсчета полученных результатов.

Год 1965-й. Карпинскому дали две комнатки в подвале, шесть вакансий для сотрудников и деньги на материалы. В результате работы появился компьютер KAR-65, работающий со скоростью 100 тыс. операций в секунду.

«Одры», которые в это время производились на вроцлавском электрозаводе «Эльвро», были в несколько раз медленней и в тридцать с лишним раз дороже.

Профессор Пневский получал анонимные письма, якобы инженер — аферист, и если профессор не уволит его, то за дело возьмется прокурор. После каждого такого письма Пневский спускался в подвал и спрашивал: — Яцек, вы же построите эту машину, правда?

KAR-65 прослужил 20 лет.

Идея миникомпьютера

В институте у Карпинского родился замысел миникомпьютера — будущего K-202. Речь идет о цифровой системе, состоящей из произвольного количества модулей: внешних и внутренних модулей памяти, центральных устройств (процессоров), устройств входа и выхода. Благодаря специальному решению

эти модули можно соединять между собой в системы разного размера. Сейчас это кажется очевидным, но сорок с лишним лет назад это была революция. В 1969 г. высшее достижение польской техники — это «Одра»: каждый компьютер занимает целую комнату и переваривает данные целыми днями.

К сожалению, Пневский не мог финансировать К-202. Тогда Карпинский представил свой проект армии. Он вызвал интерес, но чтобы начать производство, нужно провести экспертизу. Члены комиссии, созванной Объединением промышленной автоматизации и измерительной аппаратуры «Мега», постановили, что проект не может быть осуществлен. Почему? Потому что такой технологии нет и быть не может. Если бы она существовала, то американцы уже наверняка бы ее использовали.

Карпинский едет в Великобританию, где читает несколько десятков докладов о К-202. Фирма «Data-Loop» предложила ему запуск продукции, но инженер хотел делать свой компьютер в Польше.

Ему помог его друг, журналист Стефан Братковский, благодаря которому Карпинского принял министр науки Ян Качмарек. Качмарек дал согласие на производство — но не деньги. Братковский предложил выход: деньги, продажи и маркетинг — английские, конструкция и производство — в Польше.

Карпинский стал начальником отдела математических машин на заводе «Эра» в Варшаве. Здесь у него есть несколько сот квадратных метров и полтора десятка помощников, со временем под его началом окажется коллектив из 50 человек. Для начала нужно построить прототип.

8 мегабайт 40 лет назад

Выдающиеся инженеры и студенты работают по 12-15 часов в сутки. Даже на каникулы ездят вместе — в Закопане. Карпинский взбудоражил их воображение, они поверили, что делают дело мирового масштаба.

Карпинский постоянно летал в Англию, привозя оттуда в чемодане элементы для конструкции прототипа: инструменты, измерительные приборы, шурупы, клепки и олово для монтажа электроники — в Польше дефицит всего.

Через год прототип К-202 готов. Он работает со скоростью миллиона операций в секунду — быстрее, чем персональные компьютеры, которые появятся через десять лет. К К-202

можно подключить камеру, принтер, телетайп, радар. Он может служить для офисных работ и инженерных вычислений.

Тогдашние компьютеры имели 64 килобайта оперативной памяти, К-202 — 8 мегабайт!

Яцек Карпинский изобрел постраничную адресацию, позволяющую неограниченно увеличивать объем памяти. Что с того, что сегодня система постраничной адресации используется в 90% устройств на свете, если Карпинский не запатентовал своего изобретения.

В 1971 г. компьютер К-202 демонстрировался на Познанской ярмарке. Рядом с «Одрами». Эдвард Герек и премьер Петр Ярошевич посетили стенд Карпинского, разговаривали с ним минут пятнадцать. — Ну что? Наладите производство? — «Наладим, — говорит Карпинский. — А поможете?» — Поможем, — отвечает первый секретарь, вынужденный стерпеть остроту известного своей бойкостью на язык конструктора.

К-202 становится известным, а Карпинский получает несколько сотен заказов и зеленый свет на промышленное производство. Он продвигается по службе и становится начальником завода экспериментальных миникомпьютеров (ЗЭМ) при Институте вычислительных устройств.

Приезд товарища Ларионова

Тем временем из Советского Союза приехал генеральный конструктор компьютера ЕС ЭВМ «Ряд» (Единая система электронных вычислительных машин) — товарищ Николай Ларионов. На самом деле Ларионов отвечал за производство «Ряда», который в большой степени был копией компьютера IBM.

— Это невозможно, — говорит Ларионов. — У нас такая машина занимает целую стену.

Русский расспрашивал: устойчив ли компьютер к тряске, как у него с вентиляцией? Поляк отвечал, что на нем можно хоть дрова колоть, а потом взял стакан воды и вылил на него. К-202 продолжал работать.

В 1973 г. от завода миникомпьютеров не осталось и следа. После выпуска тридцати экземпляров К-202 директор пытался отстранить инженера от производства и предложил ему «пинок вверх» — повышение до должности главного конструктора ЗЭМ. Когда Карпинский отказался, его уволили.

Новый финансовый директор устроил инженеру обыск, затем охрана вывела его из цеха, куда ему не суждено было вернуться. На конвейере стояло 200 компьютеров, все они уничтожены. Во время обыска в квартире Карпинского изъята документация К 202, а цензура ввела запрет на упоминание о его конструкторе.

Те компьютеры, которые успели собрать, поехали в Англию (15 штук), остальные были установлены в МВД, МИДе, на Металлургическом комбинате им. Ленина в Кракове, а также в Варшавском университете и Гданьском политехническом институте. Один экземпляр попал в ЦЕРН, Европейскую организацию по ядерным исследованиям, а еще один — в управление военно-морского флота, где создавался прототип безэкипажного судна. Корабль, управляемый К 202, способен выплыть в залив, выпустить торпеду и вернуться в порт.

На физическом факультете Варшавского университета К-202 работал вплоть до середины 80 х. Во время военного положения на нем хранился зашифрованным архив «Солидарности».

Практически все польские компьютеры работают на операционной системе CROOK, разработанной гданьскими информатиками, которые сотрудничали с Карпинским и его коллективом.

После К-202 в Польше уже не появилось ни одной гениальной конструкции в сфере электроники. Никто не слушал Карпинского, который повторял: «Надо спешить, в течение десяти лет произойдет революция». В 80-х годах мир завоевывают микрокомпьютеры.

Но ответственность за остановку производства К-202 лежит не только на завистниках. В 1970 г. Кремль решил, что на всем пространстве Варшавского договора будет один компьютер — ЭВМ «Ряд». Никого не волновало, что этот проект основан на уже устаревшем IBM-360. Москва решала, что каждой из стран Варшавского договора производить. Польше выпала разновидность под названием «Ряд-30» (ЕС-1030).

Диверсант пасет свиней

Безработного Карпинского вызвал Тадеуш Вжащик, министр машинной промышленности. Он уверял, что ему очень жаль, что так вышло, и предложил работу в контейнеризации. Карпинский ответил, что не разбирается в этом. — Ну, так разберетесь. Вопрос упаковки очень важен для Польши. А вы ведь патриот. — «Хорошо, господин министр. На самом деле,

это интересное предложение. Я смогу использовать К-202». — Забудьте о компьютерах. — «Тогда забудьте обо мне».

В наказание партия разрешила ему только читать лекции в Институте строительной промышленности, выезд за рубеж тоже запрещен, хотя в США его ждут на работу. Коллега, директор по информатике МВД, сказал, что видел его дело с пометкой «Паспорт не выдавать. Экономический диверсант и саботажник».

В 1978 г. Карпинский арендовал на Мазурах старое хозяйство. Разводил свиней, держал корову и 50 кур. Раз в неделю ездил на лекции в Варшаву, потому что не хотел лишиться последнего постоянного источника доходов. В 1980 г. к нему приехала «Польская кинохроника». Журналистка спросила: — Почему вы занимаетесь свиньями? — «Потому что предпочитаю иметь дело с настоящими свиньями,» — отрезал Карпинский. Когда камера объезжает хозяйство, слышен голос диктора: «Воистину Польша — невероятно богатая страна, если может себе позволить так разбрасываться талантами и техническими знаниями. Только здесь выдающие конструкторы электроники могут заниматься разведением кур и свиней».

В 1981 г. в объединении «Мега» объявили конкурс на место директора. Кто-то предложил Карпинского, и за него проголосовало 90% сотрудников предприятия, на котором работает 2000 человек. Но министерство промышленности не дало согласия.

Строптивый инженер — помеха. В газетах появляются отзывы соседей, якобы этот странный человек крадет по деревне кур и яйца.

Карпинский сдался, когда карнавал «Солидарности» оборвался военным положением. Он уехал в Швейцарию и работал на Стефана Кудельского, знаменитого конструктора и электроника, создателя магнитофона «Награ», однако через два года ушел от него. Вместе со швейцарским математиком он основал фирму, чтобы проектировать робота, управляемого голосом. Скоро нашлись инвесторы, но партнеры не смогли договориться между собой, и в конце концов фирма развалилась.

Инженер создает еще одно устройство — Пен-ридер, сканер для построчного считывания текста.

В бизнесе гениальность не работает

В 1990 г. Карпинский вернулся в Польшу и стал советником министра финансов по делам информатики. Сотрудничал с Бальцеровичем и Олеховским. Устав от политики, решил начать производство Пен-ридера в Польше.

Для пуска производства требуется 800 тыс. долларов. Инженер нашел банк и взял кредит под залог дома в варшавском Анине, оцененного в 350 тыс. долларов. Деньги должны прийти тремя партиями. За первую партию Карпинский покупает машины и компоненты, но вторая уже не приходит. Оказывается, дом был залогом только первой части кредита. Чтобы получить следующую, нужно предоставить еще один залог. Никто его об этом не предупредил.

Дом был продан с молотка за гроши. Чтобы выбраться из этой ситуации, инженер проектирует миниатюрный фискальный кассовый аппарат и снова берет в долг. Но кто-то обокрал его предприятие. В бизнесе Карпинский не гениален, но он не сдался и продолжал создавать новые устройства, которые должны помочь ему подняться.

Новый хозяин дома в Анине, где по решению суда Карпинский всё еще имел право жить, срубил любимые деревья инженера. Потом экскаватор повредил крышу. Когда она рухнула, семидесятилетний конструктор укрывался под зонтом, а компьютер накрывал пленкой. Наконец, экскаватор оборвал провода, а бульдозер снес стены. Карпинский потерял свою библиотеку, аппаратуру и памятные вещи.

Однушка в спальном районе

Инженер уехал на полгода в Швейцарию, где конструировал сканер для считывания написанных от руки бухгалтерских книг. По возвращении он снял однокомнатную квартиру в спальном районе Вроцлава, где провел последние годы жизни. С каждым днем ему становилось всё сложнее передвигаться. Чтобы было легче пересаживаться на инвалидную коляску, он подкладывал под ножки кровати тротуарные плитки. До конца жизни банк забирал у него четверть пенсии на покрытие кредита. Чтобы заработать 800 злотых на реабилитационное лечение, без которого он перестал бы двигаться, Карпинский делал сайты. — Примитивная работа, но кое-какой доход приносит, — говорит он в документальном фильме «Загадки минувших лет».

За два года до смерти инженер вернулся к работе над искусственным интеллектом. Он хотел создать устройство, способное распознавать и оцифровывать человеческую речь. По

его подсчетам, ему требовалось на это четыре года. Его не волновало, что над решением этой проблемы бьются огромные научные коллективы во всем мире.

— У больших коллективов есть преимущество — это деньги на исследования, но есть и недостаток: слишком много споров, — объяснял Карпинский журналистам, приходившим к нему в его однушку. — Это примерно как с демократией: большинство людей на свете глупо. Поэтому кто принимает решения? Дураки. Я близок к разгадке.

Карпинский не успел. Он умер 21 февраля 2010 г. во вроцлавской больнице. Задача, над которой он работал, так и остается неразрешенной.

При подготовке статьи использованы материалы: Adrian Markowski. Martwię się, gdy mogę coś zmienić // CRN. 2008; Andrzej Żwaniecki. Zwarcie w układach // Przegląd techniczny. 1981; Wojciech Szczepański. Targowica techniki // Kontrasty. 1981.

В ПЕТЕРБУРГЕ ПРЕДСТАВИЛИ «ДОЛИНУ ИССЫ»

25 мая в Петербурге, в Музее Анны Ахматовой, был представлен роман Чеслава Милоша «Долина Иссы». Первый русский перевод главного прозаического произведения поэта выпустило Издательство Ивана Лимбаха, публикующее малоизвестные в России тексты выдающихся европейских писателей. В частности, издательство охотно печатает польских авторов. При поддержке польского Института книги вышли в свет эссе Збигнева Херберта, дневники Витольда Гомбровича, а недавно была напечатана уже третья книга Мариуша Вилька.

В вечере приняли участие директор Польского института в Петербурге Цезарий Карпинский, секретарь Милоша, исследователь его творчества Агнешка Косинская и переводчик, член редакции «Новой Польши» Никита Кузнецов. Все ждали Томаса Венцлову (он написал послесловие к роману), но визовые проблемы помешали ему приехать. Вела вечер главный редактор Издательства Ивана Лимбаха Ирина Кравцова.

Цезарий Карпинский напомнил, что прошлый год, когда отмечалось столетие со дня рождения поэта, был объявлен в Польше и Литве Годом Милоша. В Петербурге с юбилеем было связано немало событий, от вручения премии «Балтийская звезда» до издания новых переводов стихов и эссе. «Мы очень рады, что именно в России был такой отклик!» — подчеркнул Карпинский.

Об истории создания «Долины Иссы» рассказала Агнешка Косинская. Хотя Милош считал эмиграцию крайним шагом, в 1951 г. он всё же принял решение остаться в Париже. При поддержке редактора «Культуры» Ежи Гедройца он написал книгу «Порабощенный разум» (по-русски — в пер. Владимир Британишского), в которой проанализировал механизмы воздействия коммунизма на интеллигенцию, однако продолжал оставаться в угнетенном состоянии духа и, главное, не мог писать стихов. Летом 1953 г. Милош задумал «Долину Иссы». Работа над романом стала своего рода «автотерапией» — помогла автору забыть о судьбе изгнанника и найти свое

место в новой реальности. Именно эта книга стала переломной в его творчестве.

Почти у всех персонажей книги есть реальные прототипы, заметил переводчик Никита Кузнецов. В романе очень много автобиографических деталей — например, в нем в точности описано родовое поместье Милоша в селении Шетейне (лит. Шетеняй) в самом сердце Литвы, в долине реки Невяжи (Невежис). В детстве Чеслав часто убегал в сады и поля, знал латинские названия всех водившихся там птиц. Первозданность тех дней автор воссоздает в книге — она «просто насыщена этим счастьем», заметила Агнешка Косинская.

По словам Никиты Кузнецова, он начал переводить роман для себя — и «переводил книгу гораздо дольше, чем Милош ее писал». При переводе ему пришлось решать довольно сложные задачи. К примеру, действие романа происходит в многокультурной среде, где бок о бок живут литовцы, поляки, евреи. Многоязычие, конечно, отразилось в тексте книги: встречаются литовские слова и реалии, звучат народные песни на местном польском диалекте... К тому же главный герой Томаш Дильбин, как и Милош, принадлежит к литовской шляхте, которая давным-давно полонизировалась.

По словам переводчика, «Долина Иссы» написана поэтической прозой, и он стремился передать внутренний ритм, дыхание текста. Никита Кузнецов даже поехал в Шетеняй и встретился со старожилами, которые помогли ему прояснить смысл некоторых слов и выражений.

В романе автор погружается во время, как в воду, всё глубже, возвращается к началу жизни. Как и всякий биографический роман — это биография души, припоминаемая благодаря памяти о внешних деталях. Милош тщательно выписывает внешнюю канву впечатлений, помогающих понять, как именно человек становится тем, что он есть. И — что он есть?

Мир детства сам по себе мистичен. Каждая вещь и деталь еще не стоит в ряду других похожих вещей и деталей, но чудится единственно существующей, вне рядов и сравнений. Необычность и крупность каждого впечатления подчеркивает и совершенно ясный, точный язык, не заформатывающий, не сливающий все впечатления в один поток, а, наоборот, выхватывающий каждую деталь, придающий всему достоинство мифа.

Мир «Долины Иссы» часто кажется дремучим и туманным. Черти, призраки, покойники, приходящие к живым во сне и наяву. Присутствие таинственных сил как бы само собой разумеется в этом мире. Казалось бы, это традиционная часть описания мальчишеского мира, как в «Томе Сойере», где страшные истории, которыми делятся герои, вызывают лишь улыбку. Но у Милоша эта тема связана с рассуждением о жизни и смерти, с религиозными переживаниями: «Как это возможно, что, обладая телом, теплом, ладонью, пальцами, я должен умереть и перестать быть собой?»

Одна из важнейших для автора тем — принадлежность героя к нескольким языкам и культурам. Польша и Литва — не две среды, а две части сердца и самоощущения героя. Это не разорванность — скорее дар. Возможность почувствовать себя обладателем вдвое большего богатства, чем обычно выпадает человеку. Поэтому автору так важно запечатлеть момент, заронивший в сердце героя «...будущее недоверие, когда в его присутствии слишком много рассуждали о гербах и знаменах».

В послесловии Томас Венцлова замечает: «“Долина Иссы” (...) продолжает опыт польской региональной прозы. В чем-то она перекликается с книгами «усадебного реализма», такими как романы Юзефа Вейссенгофа и Марии Родзевичувны, хотя значительно превосходит их по качеству». Прочитав французский перевод книги, Альбер Камю сравнил ее с романом Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность». На самом деле у «Долины Иссы» мало общего с трилогией русского классика. В отличие от монологического повествования Толстого, эта проза полифоничностью и какой-то отстраненностью характера героя напоминает скорее «Взгляни на дом свой, ангел» Томаса Вулфа.

После того как роман был представлен, гости ответили на вопросы публики. На вопрос, как Чеслав Милош относился к русской литературе, Косинская ответила: он преподавал славянскую литературу в Калифорнийском университете в Беркли. Рассказывал студентам о текстах Достоевского, об идеях русских религиозных мыслителей... Его занятия были настолько популярны, что Милошу предложили прочесть курс публичных лекций о Достоевском.

«Милош был увлечен русской литературой, но считал, что ямб — большая опасность при переводе с польского на русский. Он слишком силен!» — заметила Агнешка Косинская. Ведь, в отличие от русской силлабо-тоники, польское стихосложение основано на совершенно иных принципах. Писатель стремился контролировать переводы своих текстов: переводил стихи на

английский, проверял переводы на русский... Милош не хотел, чтобы его стихи звучали слишком приглаженно, «музыкально».

В заключение Агнешка Косинская сказала, что составляет хронику жизни и творчества Чеслава Милоша. В книгу войдет множество фотографий и неизданных рукописей писателя. В свою очередь Никита Кузнецов сообщил, что работает над переводом еще одной книги Милоша — «Азбуки», в которой собраны эссе о людях, местах, книгах и идеях, сыгравших в жизни поэта особенно важную роль. Книга эта, как и «Долина Иссы», выйдет по-русски впервые.

«ЦЕРЕМОНИАЛ»

В Центре культуры «Красное знамя» на Петроградской стороне в Петербурге состоялась выставка молодых польских художников «Церемониал». Выставка визуализировала осмысление традиционно приписываемого полякам культа смерти.

Выставку «Церемониал» привезли в Петербург из Варшавы в конце сентября. С 27 сентября по 12 октября 2012 г. она демонстрировалась в центре культуры «Красное знамя» на Петроградской стороне (Разночинная ул., 24). До этого выставка ни разу нигде не экспонировалась.

Этот смелый проект современных польских художников нашел поддержку польского Фонда современного искусства «In Situ» и был осуществлен на средства польского министерства культуры и национального наследия. Частично он также финансировался из городского бюджета Варшавы. В Петербурге выставку помог организовать Польский институт.

Выставка объединила в основном работы молодых польских художников, 28–32 лет: графику, инсталляции, много видеоэтюдов, целые документальные фильмы, макеты, фотографии, живопись...

Многие работы нарушают общепринятые табу, поднимают темы, недопустимые для открытой публичной дискуссии в католической Польше, например тему эвтаназии, визуализируют страхи и стереотипы, казусы и вычурность, разнообразие и курьезность эстетики, сопровождающей смерть. Например, весьма нелепые сооружения на кладбищах в Мексике, украшенные керамической плиткой для ванной комнаты, или забальзамированный труп В.И.Ульянова (Ленина), до сих пор выставленный в мавзолее на Красной площади в Москве.

В «Истории сексуальности» Фуко писал, что смерть перестала быть церемониалом и стала очень интимным моментом. Так ли это в современной Польше? Само название выставки и многие работы молодых художников утверждают обратное.

Об идее и смысле выставки подробно рассказали в статье «Спокойствие духа» ее кураторы Мартин Красный и Катя

Шадковская:

«Трудно не заметить, что по крайней мере уже с XIX века польское национальное самосознание строится в буквальном смысле на трупах. Труп становится определяющей мерой жизни, труп используется как аргумент в спорах об истории и т.д.

Начиная с драмы Адама Мицкевича «Дзяды», мощнейшего произведения польского романтизма, польскую культуру стали периодически захлестывать волны культов, связанных с народными восстаниями, с пожертвовавшими своей жизнью партизанами, с трупами, похоронами и кровью. Сегодня эти культы возродились в двойном объеме: эффектные похороны, коллективные богослужения, ритуализированные прощания с общественными деятелями, как, например, с Папой-поляком или с президентом и частью политической элитой страны. Каждый мог принять участие в этих действиях через средства массовой информации, социальные сети и просто на улицах. Аллея Иоанна Павла II в Варшаве утопала в свечах, их символами — [*] — были полны комментарии на Фейсбуке, а к президентскому дворцу и по сей день приходят скорбящие...».

Символ [*] был избран знаком экспозиции, он изображен на обложке каталога. Характерно, что в России этот символ не употребляется, до выставки он не был известен.

15 работ представлены в каталоге, кратко изложена концепция каждого художника.

Хуберт Черепок представил своего рода видеоэтнод «Повторение памяти» (2011), восстанавливающий события июня 1941 г., когда нацисты организовали первый этап заключенных в Освенцим. Небольшой фильм изображением и звуком воссоздает атмосферу дороги в лагерь смерти.

Цикл Полы Двурник «Мухи» (2008) — карандашные рисунки мертвых животных, людей и вымышленных персонажей, напоминающий каталог образцов биологической лаборатории. «“Мухи”, существа, которых убивают ежедневно из-за их неприятных привычек, здесь расположены ровными рядами, под стеклом, как экзотические бабочки», — объясняется в каталоге. «Такая упорядоченная форма помогла мне контролировать хаос, распад, характерные для насильственной, брутальной смерти (...) подчеркнуть разнообразие и сходство всех этих убиенных существ», — говорит художница.

Михал Фрыдрих представил проект фантастического памятника «Сон Варшавы» (2012) для площади Пилсудского в польской столице. В нем художник предложил соединить в одном гигантском монументальном шаре все столичные памятники, посвященные мученической смерти поляков. Если бы такой монстр появился в польской столице, то можно было бы «почувствовать, что умершие в Варшаве наконец-то уступили место живым, что по сути и было главным смыслом всех жертв, чьи памятники образуют гигантскую Сферу», — приводит каталог мнение Фрыдриха.

График Мариуш Таркавян представил большой цикл рисунков «Ceremonials» (2012), сделанный специально для выставки. Это собрание иллюстрирует ритуалы погребения в разных культурах и цивилизациях — от реконструкции похорон времен неолита через современные похороны в Ливии, США, России и до воображаемых похорон будущего. «Синтетический штрих художника позволяет провести сравнительный анализ всех церемоний и найти эстетическое сходство между этими, казалось бы, столь различными обрядами», — сообщает каталог выставки.

Кроме того графикой Мариуша Таркавяна в едином стиле оформлен и каталог выставки. Сам художник, приехавший в Петербург вместе с куратором выставки Мартином Красным, считает выставку интересной, но сложной. «Каждая выставка на такую универсальную тему, как смерть, рождение, любовь, — это всегда очень интересно. На моих картинах много разных смертей, смерть во многих странах — в Германии, Ирландии, Польше, России. Не всегда смерть грустна, иногда она очень гротескна. Я старался показать совсем разные церемониалы похорон: от самых трагических после террористических атак, например в Беслане, до порою гротесковых. Но это всегда очень трогательные человеческие истории. У нас в Польше есть культ смерти. Романтизм — это сплошная смерть, смерть, смерть... Но мы можем показать, что не все молодые люди, молодые художники любят этот культ смерти. Есть много критики вокруг него, многие польские политики это критикуют, у нас есть протесты против этого. И эта выставка во многом предлагает культ пересмотреть, ставит вопросы о роли смерти в нашем будущем, об эвтаназии например. Работа Михала Фрыдриха из Варшавы мне кажется очень интересной. Она как бы спрашивает: действительно ли нам нужны все эти памятники, посвященные смерти? Может быть, с этим покончить, может быть, начать строить будущее, а не только постоянно реконструировать прошлое? Мы не забываем о

прошлом, потому что оно важно, но думаем мы — о будущем» — сказал Мариуш Таркавян для «Новой Польши».

Видеоинсталляция Зузанны Янин «Церемония и развлечения» (2003–2004) считается одним из наиболее провокационных проектов. Янин реализовала несбыточную мечту многих: посмотреть на собственные похороны. Состоялась мистификация, которая была снята на видео. Было объявлено о похоронах художницы, размещен некролог, состоялось отпевание в церкви. Во всем этом Янин участвовала в гриме пожилой женщины. В каталоге указано, что в самой Польше проект Янин вызвал много споров и возмущенных откликов. Художница говорит, что проект был инициирован пережитым опытом смерти ее родных и близких, а так же необходимостью критики стереотипов: «Смерть всегда занимала в нашем сознании место, связанное с военно-церковной историей нашей страны, но не с личным опытом».

Александра Полисевич, автор видеоинсталляций «Надгробный портрет JP2» (2005) и «Посмертный портрет Отца» (2012), смонтированных из информационных лент, бегущих внизу экрана в телевизионных новостях, считает, что смерть осталась именно церемониалом, предельно формализованным и механическим. Первое видео затрагивает тему болезни и смерти Папы Римского Иоанна Павла II. Второе составлено из информации о катастрофе польского президентского самолета под Смоленском в апреле 2010 го. Полисевич «деконструирует невыносимо навязчивую активность СМИ в связи со смертью Папы, их действия, до такой степени механические, что в результате информация о состоянии здоровья Иоанна Павла II перестала походить на сообщения о судьбе человека, они превратились в механические формулы», — сообщает каталог.

Были представлены в «Красном знамени» и произведения признанных мэтров. Например, мало известный документальный фильм Кшиштофа Кесьлёвского «Припев» (1972). Одна из первых работ знаменитого мастера рассказывает о том, как функционировало в ПНР в начале 1970 х похоронное бюро. У «бюрократии социалистического государства (...) нет места для сочувствия и сожаления о гибели близких. Вместо этого существуют неумолимые, жесткие процедуры, которые должны пройти даже мертвые», — сказано в аннотации фильма. В Петербурге его увидели впервые.

Нашлось на выставке место и для документации известной в Польше акции Гжегожа Ковальского в варшавской галерее «Repassage» (1977) — «Компиляция. Действо на базе «Урока анатомии» Рембрандта и отрывков из «Дневника» Витольда

Гомбровича». Ковальский в своем перформансе обращается к знаменитой картине Рембрандта, изображающей вскрытие трупа, и опирается на высказывания автора «Фердидурки» об изначальной неподлинности человека, личность которого «формируется постоянно, при любом случайном контакте с другим человеком», и «этот процесс не заканчивается смертью». «Не мы решаем, кто мы в действительности», — считал Гомбрович. В перформансе Ковальского взрослый мужчина при молчаливом согласии остальных участников церемонии расписывал тело неподвижно лежащего молодого человека, бесконечно меняя макияж и форму. Эта акция стала «метафорой формирования индивидуальности через других: родственников, друзей, зрителей и т.д.».

Почему выставку, собранную впервые и ни разу нигде не экспонировавшуюся в Польше, привезли прямо в Петербург, в каталоге не объяснялось. На открытии кураторы сослались на случайность: просто Мартин Красный — из Варшавы, а второй куратор, Катя Шадковская, — из Петербурга. Только поэтому — нет других ни секретов, ни идей. Символика и мифология смерти, связанные с Петербургом: смертоносные наводнения, «город на болоте», нежилое, «гиблое место», «проклятое место», «построенный на костях», в советские годы переживший самые масштабные репрессии, бессудные казни заложников, знаменитый «кировский поток», этнические депортации коренного населения — ингерманландских финнов, а также массово селившихся здесь со времен Петра I немецких колонистов, самые многочисленные чистки в период Большого террора (в Ленинграде за 15 месяцев 1937–1938 гг. были расстреляны более 40 тысяч человек), наконец, 900 дневная блокада с миллионом жертв — всё это никак не включено в концепцию показа «Церемониала» прежде всего на невских берегах. Возможно, пока юная петербурженка Катя Шадковская, впитавшая мифы родного города, просто еще не успела вербализовать их личное осмысление.

Владелец центра культуры «Красное знамя» Игорь Бурдинский сказал, что у выставки правильная тематика: «Это то, что всегда ходит рядом с нами, и относиться к этому нужно правильно, философски и в каком-то смысле даже с юмором». Произведения польского искусства впервые выставлялись в этом помещении бывшей трикотажной фабрики — памятнике конструктивизма, выкупленной в 2006 г. под современный лофт-проект и до сих пор еще не освоенный новыми владельцами. В их планах — создать на этом пространстве культурный центр с международным статусом, своеобразный

европейский квартал. Польский «Церемониал» в «Красном знамени» сменила немецкая выставка «Политика и мода».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

По случаю национального праздника — Дня Независимости президент Бронислав Коморовский 11 ноября вручил государственные награды, в том числе известным деятелям культуры. Орденом Белого Орла был отмечен профессор Норман Дэвис, британский историк, который много лет пишет исключительно о непростой истории Польши. Командорский крест со звездой ордена Возрождения Польши получили актер Ян Кобушевский, композитор Эдвард Паллаш, писатель Веслав Мысливский, а также Януш Одровонж-Пенёнжек, многолетний директор варшавского Музея литературы. Командорский крест получили писательницы Ванда Хотомская и Иоанна Кульм, а также композитор Зигмунт Конечный. Офицерский крест — музейный деятель Агнешка Моравинская, а офицерский крест ордена «За заслуги» — Энн Эпплбаум-Сикорская (жена министра иностранных дел Радослава Сикорского, автор книги «ГУЛАГ») «за выдающиеся заслуги в журналистской работе и публицистике и за распространение знаний о Центральной и Восточной Европе». Кавалерским крестом награжден Ежи Ильг, главный редактор издательства «Знак».

Традиционно 11 ноября в Варшаве вручается литературная премия им. Юзефа Мацкевича. В этом году премия присуждена посмертно историку политической мысли, заместителю министра культуры и национального наследия в 2005–2010 гг. Томашу Мерте, погибшему в смоленской катастрофе. Премией отмечен том его избранных произведений «Необходимость консерватизма». Еще одно отличие присуждено ex aequo Ренате Лис, автору книги «Рука Флобера», и Тадеушу Плужанскому за книгу «Бестии», в которой описаны судебные процессы жертв сталинского террора в Польше в 40-е и 50-е годы.

Ранее, 20 октября, во Вроцлаве состоялось торжество, посвященное вручению литературной премии Центральной Европы «Ангелус». Ее получил писатель-босняк Миленко Ергович за роман «Срда поет в сумерках на Пятидесятницу». Премия за перевод романа с хорватского получила Магдалена Петрынская. За премию в финале соперничали семь книг — помимо победившей, в «семерку» вошли «Истории важные и неважные» Анджея Бондара, «Сатурн» Яцека Денеля, «Война и война» Ласло Краснахоркаи, «Итальянские шпильки»

Магдалены Тулли, «Дровосек» Михала Витковского, «Любовное письмо клинописью» Томаша Змешкала. Член жюри «Ангелуса» профессор Анджей Завада, подчеркнув, что выбор в нынешнем году был особенно трудным, сказал:

— Нас особенно привлекла книга, опубликованная издательством «Чарне», — повесть о таинственной смерти Срды Капуровой, девочки, которая нищенствовала на улицах Загреба. О том, что случилось, рассказывают пять человек, очень разных, в том числе следователь, ночной сторож морга, прохожий. И тем самым они рассказывают о Загребе, о его жителях, о приезжих, о беженцах с охваченных войной Балкан. Смерть Срды обнажает правду о жителях Загреба, Хорватии, бывшей Югославии.

Премию вручила автору председатель жюри Наталья Горбаневская.

Литературная премия Центральной Европы присуждается в седьмой раз. Это отличие для писателей из 21 страны, которые в своей прозе обращаются к наиболее существенным для современности темам, побуждают к размышлению, показывают богатство различных культур.

Исключительное мероприятие с участием президентской четы имело место 29 октября в столичном Дворце Республики на пл. Красинских. Оно состоялось в 88 ю годовщину со дня рождения Збигнева Херберта, скончавшегося в Варшаве 14 лет назад, — одного из крупнейших польских авторов XX века, поэта, эссеиста и драматурга, связанного в 1980 е с антикоммунистической оппозицией. Стихи Херберта и свои произведения, отсылающие к фигуре поэта, читали Юлия Гартвиг, Ярослав Миколаевский, Рышард Крыницкий, Томаш Ружицкий, Войцех Бонович, Кшиштоф Карасек, Мажанна Богумила Келяр и Анна Пивковская. Были показаны также архивные фотографии Херберта.

На этом же поэтическом вечере состоялась инаугурация Фонда им. Збигнева Херберта, основанного в 2010 г. Катажиной Херберт, вдовой поэта. Миссия Фонда — популяризация и охрана в Польше и за рубежом поэтического наследия автора «Господина Когито». Фонд учредил также Международную литературную премию имени Збигнева Херберта. Премия будет присуждаться за выдающиеся художественные и интеллектуальные достижения, а также за «связь с миром ценностей, которыми проникнуто творчество Херберта». Торжественное вручение первой премии состоится 3 июня 2013 г. в Польском театре в Варшаве.

Свое тридцатилетие отмечает редактируемый Барбарой Торунчик ежеквартальный журнал «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»), основанный в 1982 г. и выходящий в Париже, а с 1990 г. выходящий в Варшаве.

По случаю юбилея «Зешиты литерацке» присудили свои премии. Специальную премию получил Станислав Баранчак. Премией им. Иосифа Бродского в области поэзии посмертно отмечен Мацей Немец. Премии редактора получили Мария Оферская и Павел Кондзеля. Лауреатами премии им. Юзефа Чапского за эссеистику стали Петр Мицнер и Януш Майхерек. Переводческую премию имени Павла Герца получила Иоанна Угневская, а премию друзей им. Кшиштофа Юнга — Мария и Богдан Пачовские и Войцех Орнат.

В варшавском Музее литературы им. Адама Мицкевича, в залах бывшей Книжной лавки литераторов, открыта выставка по случаю тридцатилетнего юбилея «Зешитов литерацких». Сотрудниками журнала были, в частности, Чеслав Милош, Юзеф Чапский, Константы А. Еленский. В редколлегии состояли Иосиф Бродский, Томас Венцлова, а также Эва Беньковская, Эва Курылюк, Станислав Баранчак, Войцех Карпинский и Адам Загаевский — блестящее созвездие! Крупнейшие писатели своего поколения. Дизайн обложки разработал знаменитый художник Ян Лебенштейн. На выставке можно увидеть подвешенные на веревочках номера журнала, а в витринах — рукописи, письма, архивные снимки авторов и редакторов — 30 лет истории заслуженного издания.

Свою ежегодную премию — «Золотой скипетр» — присудил Фонд польской культуры. Ее получил 12 ноября в Станиславовском театре в Лазенках выдающийся краковский актер и режиссер Ежи Штур. «Золотой скипетр» присужден ему за «педагогическую деятельность, прекрасные произведения театра и кино, волнующие и захватывающие актерские работы, а также за вдумчивую и оригинальную мемуристику».

Премия Фонда польской культуры — это статуэтка «Золотой скипетр», 110 тыс. злотых и возможность избрать лауреата «Малого скипетра» и награды в 11 тыс. злотых.

По решению Ежи Штура «Малый скипетр» получил 37 летний режиссер Марек Легкий, автор фильмов «Мой город» (2002) и «Эрратум» (2010). Молодой режиссер — продолжатель стиля Кшиштофа Кеслёвского в польском кинематографе.

Премия присуждается с 1999 года. Среди ее лауреатов — Тадеуш Ружевиц, Войцех Киляр, Славомир Мрожек, Януш Гайос,

Кшиштоф Пендерецкий. Спонсор премии — банк «Миллениум».

В 40-летие своего сценического дебюта Ежи Штур решил закончить актерскую карьеру. Он прощается с театральными подмостками спектаклем «32 обморока» в постановке Анджея Домалика, состоящим из трех театральных шуток Чехова — «Медведь», «Предложение» и «Драма за кулисами». Зрителям варшавского театра «Полония» знаменитый актер напоминает свои выдающиеся образы, создает блистательное трио с Кристиной Яндой и Игнацием Гоголевским. Публика ежеминутно взрывается громким смехом и, пожалуй, не вполне верит в окончательное прощание Стура с театром...

В Лодзи на XVII Форуме европейского кино «Синергия» вручены кинопремии имени Анджея Мунка. Эта награда присуждается Лодзинской киношколой с 1965 г. за смелость, поиск новых средств кинематографической выразительности, за обращение к сложным, часто болезненным темам. В конкурсе нынешнего года приняло участие 11 дебютных польских фильмов. Картины оценивало жюри под председательством Петра Шулькина. Премию за лучшую режиссуру получили Магдалена Губала и Шимон Уляш (фильм «Обрезки»). Награда за лучшую операторскую работу досталась Якубу Киёвскому (фильм «Секрет» режиссера Пшемислава Войцешка).

На польские экраны вышел — и вызвал бурю — фильм «Последствие» в режиссуре Владислава Пасиковского. Картина — совместное производство четырех стран: Польши, Голландии, России и Словакии. В первый раз она была показана в мае на фестивале в Гдыне, где получила премию журналистов.

Фильм Пасиковского касается трудной темы еврейский погромов во время Второй Мировой войны, рассказывает о жителях польской деревни, которые много лет назад организовали еврейский погром. Таким образом, фильм отсылает к истории Едвабного, где жители в июле 1941 года, как установил Институт национальной памяти, убили не меньше 350 своих соседей-евреев, из которых около трехсот сожгли заживо. «Последствие» напоминает об этом преступлении, но рассказывает о нынешних временах, об отношении молодого поколения к вине отцов. «Фильм обращается к коллективному подсознательному, становится своего рода экзорцизмом», — написал на страницах «Газеты выборчей» Тадеуш Соболевский.

После торжественной премьеры Анджей Вайда сказал, что он очень взволнован «Последствием» и рад, что в Польше

появился такой фильм. Министр культуры Богдан Здроевский отметил «удивительную смелость в обращении к трудной теме. В кинематографической форме осуществлен анализ трагического эпизода нашей истории». Роман Полянский, которому «Последствие» показали в Париже, сказал продюсеру, что ждал такого фильма и что нужна немалая отвага, чтобы такой фильм сделать.

О том, что Пасиковский затронул болезненную точку польского сознания, свидетельствует бурная реакция правых публицистов и споры в Интернете. На голову Мацея Штура, исполнителя одной из главных ролей, низвергаются громы и молнии. Пишут, что он сыграл в фильме, шельмующем польский народ, а в некоторых кругах его перестали считать поляком. Актер стойко перенес нападки:

— Я рад, что этот фильм создан. Надеюсь, что он останется на годы, в отличие от скоротечного кровопускания в интернете.

По решению Сената Польши ноябрь стал Месяцем Бруно Шульца. 19 ноября исполнилось 70 лет со дня гибели одного из самых интересных писателей XX века, живописца и рисовальщика, и на нынешний же год приходится 120-летие автора «Коричных лавок» и «Санатория под клепсидрой». Памяти Шульца посвящается целый цикл мероприятий, крупных и камерных.

С 14 по 18 ноября во Вроцлаве проходил Международный фестиваль Бруно Шульца. В частности, о трудном искусстве передачи онирической прозы автора «Коричных лавок» дискутировали переводчики с Украины, Тайваня, из Германии, США и Израиля.

Краковский Национальный музей подготовил выставки «“Идолопоклонническая икс книга” Бруно Шульца (1892–1942)» (с 8 ноября по 9 января 2013 года), а Центр еврейской культуры организовал встречу с Кшиштофом Миклашевским, автором книги «Затерянные в Шульце».

В Варшавском музее литературы им. Адама Мицкевича 20 сентября открылась выставка «Бруно Шульц. Подвинутая реальность», представляющая творчество художника из Дрогобыча на фоне межвоенной Польши. Выставка продлится до 31 декабря.

А столичная галерея «Кордегарда» представила подготовленную Еврейским историческим институтом выставку «Дрогобыч художников». На ней показано шесть

рисунков Шульца. Им сопутствуют картины маслом двух братьев Готтлеб — «Голова старика» Мауриция Готтлеба и «Портрет доктора Бера Купчика» Леопольда Готтлеба. Представлены также прекрасные довоенные открытки с видами Дрогобыча, родного города художников, и фильм об ученике Шульца, музыканте Альфреде Шреере. На вернисаже было зачитано письмо присутствующим от президента Бронислава Коморовского, где, в частности, говорится:

«Экспозиция собрала произведения выдающихся художников, которых объединил один город, город необычный, магический, город, в котором жили рядом друг с другом поляки, евреи и украинцы. Выставка — это прежде всего повествование о еврейском Дрогобыче, о традициях, обычаях, показанных не прямо, а с помощью ассоциаций, символов. После того как разразилась Вторая Мировая война, мир евреев Дрогобыча исчезал постепенно — при казнях, во время депортаций в лагеря уничтожения или 19 ноября 1942 г., когда здесь, на пересечении улиц Мицкевича и Чацкого, был убит Бруно Шульц. И хотя тот Дрогобыч перестал существовать в историческом смысле, но он все же сохраняется в памяти и произведениях искусства, ибо художественное творчество сумело уберечь ту действительность от забвения». Над выставкой «Дрогобыч художников» принял почетное покровительство маршал Сената Богдан Борусевич.

9 ноября на фасаде дома №5 по Новомейской улице варшавского Старого Города торжественно открыта мемориальная доска, посвященная Казимежу Брандысу и его жене Марии. Они жили здесь в 1955–1982 годах. Казимеж Брандыс, выдающийся прозаик и эссеист, был автором многочисленных литературных произведений, таких, например, как «Письма к госпоже З.», «Романтичность», «Способ бытия», «Джокер», «Как быть любимой», «Месяцы». Мария Зенович-Брандыс — историк искусства и переводчик французской литературы, переводила, в частности, произведения Альбера Камю. С 1982 г. Брандысы жили за границей. Казимеж Брандыс умер в 2000 г., его жена в 2007 м. Они нашли упокоение на парижском кладбище Пер-Лашез.

Прощания

18 октября в возрасте 89 лет умер Ежи Литвинюк — польский переводчик и поэт. Он переводил со многих языков. Был знатоком литератур прибалтийских стран, автором первого перевода «Калевалы», финского национального эпоса, непосредственно с языка оригинала. Был также прекрасным переводчиком русской литературы. Среди переведенных им

авторов — Василий Аксенов, Владимир Войнович, Лев Гумилев, Владимир Маяковский, братья Стругацкие, Илья Эренбург. Переводил также с белорусского и украинского.

20 октября в Варшаве умер Пшемислав Гинтровский, певец, музыкант и композитор. Он был одним из авторов «Стен», неформального гимна «Солидарности», со знаменитыми словами: «Рви из стен решетки, брат, / Сбрось кандалы, прочь рабства ад! / Пусть стены тюрем рухнут, рухнут, / Старый погребут уклад» (пер. Ирины Поляковой), ныне ставшего гимном протеста в России и Белоруссии. Гинтровский писал музыку для кино, например для «Человека из железа» Анджея Вайды, «Матери Крулей» Януша Заорского, комедийного сериала Станислава Бореи «Напарники». Прекрасно исполнял поэзию, пел песни на тексты Яцека Качмарского, Тадеуша Новака, а больше всего — Збигнева Херберта. Ему был 61 год.

23 октября в Варшаве в возрасте 88 лет умерла Александра Олендзкая-Фрыбес — эссеистка, переводчица, поэтесса. Она была автором многих эссе о европейской культуре, выдающимся переводчиком французской поэзии. Публиковалась, в частности, в «Вензи», «Тыгоднике повшехном», «В дродзе» («В пути»). Была также редактором журнала «Литература на свете» («Литература в мире»). В 1992 г. получила премию Фонда имени Костельских. Издала несколько сборников стихов, а также сборники эссе, например «Из Парижа в прошлое. Путешествие по Европе», «Путями средневековой Европы», «Глядя на иконы». Эти тексты посвящены преимущественно средневековому искусству.

24 октября в Варшаве умер Влодзимеж («Вово») Белецкий, один из создателей кабаре «Бим-бом», сценограф, актер и режиссер. Ему было 80 лет.

13 ноября в Варшаве в возрасте 75 лет умер Эразм Цёлек, фотограф «Солидарности». Он часто был единственным фоторепортером, присутствовавшим на тайных встречах оппозиции. На знаменитых черно-белых фотографиях увековечил энтузиазм первых забастовок на Гданьской верфи, создание «Солидарности», выработку требований к властям.

МЫ, ПОЛЯКИ, У ВСЕХ ЧТО-ТО БРАЛИ. А ТЕПЕРЬ ПОРА ОТДАВАТЬ

— Зачем мне вообще с вами разговаривать?

— Потому что в мире нет другого человека, который открыл форму.

— А что вас сформировало?

— Я родился в деревне Залесье, где жило сто человек. В начальную школу ходил в Домбе-на-Нере, там было около полутора тысяч жителей. Художественный лицей закончил в Познани — 400 тысяч. Архитектуре и истории философии учился в Варшаве — полтора миллиона. Обосновался в Нью-Йорке — 8 миллионов. Или 17, если считать с пригородами. Каждый раз скачок.

Я покидал место, где был уже умелым, самостоятельным человеком, и переселялся в мир, где оказывалось, что мне еще нужно много работать над собой. Поэтому я был очень неуверен в себе. А знаете, что самое странное в моей деревне? Называется Залесье, а стоит перед лесом.

— А семья?

— Мама была портнихой. А у отца были золотые руки. Он очень тяжело работал. Мясником, пекарем, пахарем, откатчиком. Мы жили с родителями мамы. Дед был железнодорожником, а бабушка шила и руководила чем-то вроде дома культуры. К ней все приходили, а она их кормила, давала книжки. Земли было немного, но была корова и свиньи. И эта деревня во мне сидит. Я ощущаю себя крестьянином. Если не вспахал и не засеял, то не жду урожая.

— Братья, сестры?

— Две сестры. Одна младше, другая еще младше. На 17 лет. Брат тоже был. Его убили. В 1983-м. Косил от армии, наконец его взяли, а тут ввели военное положение. Он уже отслужил, вышел в запас, ехал домой. Его выбросили из поезда. Ему было 25 лет. Я жил тогда в Нью-Йорке, позвонила моя подружка,

рассказала, и я остался с этим наедине. И тут начал писать. Для себя. О том, что есть добро и что есть зло.

— *И что?*

— Мой отец родился в Белоруссии — теперь это Белоруссия, — а как началась война, выехал в Германию. На работы. Познакомился с женщиной, и от этого брака получился я. Когда бы не было Гитлера, этого зла, меня бы тоже не было.

В Домбе я был деревенским. Друзья и подружки над этим посмеивались. Говорили: «Капуста из деревни».

— *Жили бедно?*

— Жили — определенно — очень религиозно. Однажды я насмешил Занусси — мы встретились в Чикаго на конференции по вопросам искусства и Бога, — рассказав, что в том местечке получал пятерки за то, что Бог есть, и пятерки за то, что Бога нет.

— *Как это?*

— В церкви я был первым министрантом и получал пятерки по Закону Божию. А в школе нам говорили, что человек произошел от обезьяны и что религия — опиум для народа. У нас был прогрессивный учитель, который нам втолковывал, что мы авангард и должны с этой глупостью, то есть верой, покончить. Я и у него получал пятерки.

— *У моего брата был друг, министрант, который рекламировал это дело так: если будешь министрантом, тебе всегда будет где сесть во время мессы.*

— А я был министрантом, потому что мне казалось, что если Бог есть, а в этом я не сомневался, то нужно ему служить. Бабка была просто такой деревенской святой. Я тоже хотел быть святым. Теперь думаю, что тогда я им был и если состоится что-то вроде Страшного суда, то эта моя часть причалит на небесах.

— *Вы приехали в Познань и...*

— ...и узнал, что на свете есть Битлы. Я любил Михотека, Фогга, а тут Битлы.

— *Стыд?*

— Невежество. Я всему должен был учиться. В том числе тому, что когдаходишь в кафе, не нужно стучать. Ребята были более продвинутые в рисунке. Потому что раньше тренировались, у них были уроки, а я рисовал сам по себе.

В художественном лицее в Познани я боролся. Отпуская нас на каникулы, учителя говорили: «Художник должен постоянно рисовать, делать эскизы». За день до возвращения каждый рисовал, чтобы получить зачет, а я, когда приезжал на каникулы, садился на велосипед и все три месяца разъезжал по окрестностям и рисовал. Поэтому у меня было больше рисунков, чем у всех одноклассников, вместе взятых.

За два года я их догнал и тогда сделался полноправным, уважаемым членом коллектива. У меня были длинные волосы, зеленые брюки, и когда я приезжал в Домбе, то все знали, что я художник. У моего дяди, церковного старосты, была Библия XIX века. Я одолжил ее у него, и с этой огромной книгой, в этих брюках, с этими волосами ходил по городку. А люди говорили маме: «Пани Капуста, он себе ухо оторвет, но деньги будут только после смерти».

— *А потом вы отправились в Варшаву изучать архитектуру.*

— Прежде всего я хотел в Варшаву. Повлияло и то, что у меня была подружка в Познани и мы как раз расстались. Архитектуру я выбрал потому, что в лицее у меня были живопись, рисунок, скульптура, проектирование, и я подумал: добавлю себе что-то еще. Кроме того, архитектура — это что-то практическое, то есть в этом сказалось мое происхождение. Мне пришлось нагонять предметы, о существовании которых я даже не знал. Но к выпуску я был одним из лучших.

— *А скачок из Познани в Варшаву?*

— Я подружился с Михалом Лоренцем, этим знаменитым сегодня сочинителем музыки к кинофильмам, и однажды его мама мне сказала: «Янушек приехал, увидел трамваи, и в голове у него всё смешалось». Она была права, потому что мир, который мне открылся, казался неадекватным тому миру, который я носил в себе. В Варшаве разрушилось мое представление о Боге. У меня был некий образ, наивный, детский, а тут оказалось, что он не имеет смысла. Потому что мир гораздо сложнее и его уже нельзя объяснить таким Богом. Я пережил что-то вроде депрессии или смущения миром. И это было началом моего развития.

— *А раньше?*

— Я знал, что есть Бог, что нужно ему молиться, Он свое видит и свое знает. Что может человек? Об этом нельзя думать, нельзя говорить, потому что это грех. А если его нет? — такого вопроса я раньше себе не задавал.

В конце концов я надумал, что если Бог есть, то нужно ему служить, а если его нет, то нужно быть творцом самому. Я решил тренировать воображение. Потому что благодаря ему появляется то, чего раньше не было.

— *Но как тренировать воображение?*

— Я был очень увлечен Арнольдом Шварценеггером. Подростком его третируют ровесники, поэтому он решил, что будет тренироваться, и уже вскоре был признан обладателем лучшего в мире телосложения: Мистером Вселенная. Я хотел стать Шварценеггером воображения. А какая может быть тут «качалка»? Книжки об этом я не нашел, поэтому придумал собственные методы. Один из них я даже как-то раз публично продемонстрировал. Я был тогда художественным директором в «Стодоле», у нас была галерея, я измерил ее окружность и поделил на 40 сантиметровые квадраты. Потому что если из человека сложить куб, он получится 40 на 40 на 40. Примерно. Приняв такую человеческую единицу меры, я разметил галерею внутри квадрат за квадратом. Получилось 281.

На каждом квадрате в середине была точка. А внизу надпись моего авторства: что эта точка означает. Типа: точка заканчивает предложение. Повышает ноту. Это Земля, видимая с определенного расстояния. Согласно Евклиду, через такую точку можно провести единственный перпендикуляр к данной прямой. И так далее. 281 текст в таком роде.

К первым ста точкам придумывалось легко, но потом становилось всё труднее. Полгода это у меня заняло. А потом тренировался дальше. Ну и впоследствии открыл новую форму.

— *Но прежде чем это случилось...*

— Тренировал воображение. То есть рисовал.

Я сделал больше всего рисунков для «Нью Йорк таймс» не потому, что меня там кто-то сильно любил, и не потому, что я такой замечательный, а потому, что я был самым быстрым.

Впрочем, про то, как я начал серьезно с ними сотрудничать, — это отдельная история. Вот в Палестине или где-то там еще схватили, повесили или как-то иначе убили американского офицера. Ситуация была динамичная, драматичная, все время

менялась, каждый час приходил новый, актуальный текст. Я сделал уже три рисунка, а тут — бац! — приходит четвертый текст. И тогда их художественный директор так разнервничался, что его начало трясти.

«Чего так трясешься?» — спросил я его.

«Боюсь, что мы не справимся».

«Но ведь рисуешь не ты, а я».

А со мной так: чем меньше у меня времени, тем меньше я волнуюсь, потому что мне так приходит больше и больше идей, придумываю и придумываю, так вот — раз, раз и все. Для «Нью-Йорк таймс» нормально, что если раз в месяц твой рисунок возьмут, то это считай выделился, потому что конкуренция огромная. А у меня было по рисунку в неделю. А иногда и по два, если кто-то что-то заporол или вдруг возникла срочная необходимость. Около пяти лет так продолжалось. А потом я открыл новую форму...

— *Но пока что вы переехали из Варшавы в Нью-Йорк.*

— В Варшаве я уже занял свое место. Я жил на Яздове, в одном из финских домиков, занимался сценографией. Работал также с Войтеком Манном в телевизионном «Журнале пана Манна». Дружил с Анджеем Пастушеком, писателем. Он мной заинтересовался, сказал, что каждый писатель должен иметь своего художника: «Ты будешь моим». В общем, нес всякую ерунду, но это он пригласил меня в Америку. На три месяца. Чтобы я иллюстрировал его книгу.

Мне не хотели давать визу, потому что «ведь у вас нет ничего, вам не к чему возвращаться».

«У меня есть любимая и велосипед». Дали.

Только выехал, а тут военное положение. Задерживали самолеты, нельзя было позвонить; я очень боялся за свою любимую.

Когда человек не видит, он переживает сильнее. Потому что если известно, что вот стоит тут этот танк, в нем сидит тот да этот, уже не так боишься. А в моей голове танки были повсюду, и в них сидели те, кто хотел стрелять.

— *Высылали посылки?*

— Конечно.

— *Ходили по магазинам и выбирали, что положить в посылку?*

— Были специализированные конторы, выбиралось содержимое, оплачивалось и шло в Швейцарию. В Польшу я решился приехать, только когда получил американское гражданство. А это было сразу после «круглого стола». Вообще было как-то так, что вы уже танцы свободы танцевали, а я всё еще высылал посылки и тянул свои кандалы. Потому что не верил, что так возможно, такая перемена в столь короткий срок.

— *Вы не хотели бы вернуться навсегда?*

— Мне нравится так, враскоряку. Я даже говорю, что как тут замучаюсь, от здешней глупости, то лечу в Америку. А как от тамошней — то в Польшу.

— *А что вас здесь мучает?*

— Однажды на приеме я встретил Анджея Бликле и он спросил: «Как дела?» Ну я и говорю, что возвращаюсь в лучшую Польшу.

— «Как это — в лучшую Польшу, вы же летите в Нью-Йорк».

Вот именно, говорю, потому что там Польша — это я и моя жена. И как Польша напьется, то на следующий день и протрезвеет, на третий придумает какую-нибудь новую картинку, на четвертый — создаст новую форму. Она мне подчиняется. Я ей доверяю. Та Польша — честная, работающая, творческая. А как приезжаю сюда, и Польша расписана на 38 млн. ролей, это в ней теряется. Когда я смотрю на Польшу в американской перспективе, то у меня впечатление, что две действующие здесь команды, из ПиС и ГП, друг друга подталкивают вверх. А когда я здесь, это впечатление пропадает.

Впрочем, у меня есть еще одна, немного безумная, мысль. Вот когда я изучал историю философии, то узнал о Юзефе Марии Хёне-Вронском. Ему было откровение 15 августа 1803 г. в Лилле, и он додумался до того, что позднее Чешковский и Товянский превратили в мессианство. А именно: до того, что поляки — избранный народ. Ну и с одной стороны: о Боже, о чём мы говорим, а с другой — черт побери, как мне это понравилось. Потому что это совпало с моей молодостью, энергией, желанием быть важным. Хёне-Вронский говорил, что развитие мира началось на Дальнем Востоке, потом был Ближний Восток, Греция, Рим, Франция, Германия. Если соединить все эти точки, получится спираль, на которой следующим очагом должна быть Польша. Мы у всех взяли, а что теперь? Ничего не

дашь, поляк? Отблагодари! Я рассматриваю Польшу как необходимость чем-то обогатить тех, от кого мы столько взяли.

— *Ну и как мы их обогащаем?*

— Я открыл фигуру, которой еще не было на свете. Я открыл также принципы золотого сечения.

— *А что такого глупого в Америке?*

— Меня нервируют войны, в которые она втянулась. Те причины, а точнее — их отсутствие, по которым она их развязала. Ну просто не нашлось, хотя искали. Ударим, а там и найдутся. Не нашлось, холера! Человек рассудительный начинает бояться. Америка проводит такую потрясающую политику, что весь мир начинает ее ненавидеть. А еще недавно это была прекрасная, свободная страна.

— *Свобода кончилась?*

— Ну да. И настало несчастье.

— *А как вы приехали в Америку?*

— В первый день по приезде проснулся рано, а был еще немного такой несвежий, потому что привез водки, кто-то пришел, мы посидели. Но всё же встал, и Пастушек провел меня по Бродвею. Мы поднимались на какие-то высоченные здания, он показывал мне, где шлюхи стоят, а под конец устроились мы в университете. Уселись, красивое октябрьское освещение, молодые люди играли, танцевали, пели. Только кто-то на мгновение прерывался, другой тут же начинал. Еще красивее. Я тогда сказал: «Так хорошо будет на небе. Только там можно будет договориться о встрече и с Пикассо, и с Леонардо, и с Аристотелем».

— *До вас тогда уже дошло, что вы останетесь?*

— Я снова должен был нагонять. Учиться не только английскому, но и честности. Ответственности. Вежливости. Потому что американцы такие. То есть были такими, сейчас это уже так не выделяется. Йонаш Кофта, с которым я дружил, дал мне рекомендательное письмо к Анджею Дудзинскому. Я принес ему свои рисунки, а он направил меня в «Нью-Йорк таймс», и хотя я не говорил по-английски, но через две недели по приезде были опубликованы два моих рисунка.

— *Платили хорошо?*

— 250 долларов за рисунок. А на жилье уходила сотня. Билет на метро — 99 центов. Галлон вина — 4 доллара. Галлон!

Кроме того, я все время что-то рисовал, проектировал, выставлялся, что-то продавал. Получил также стипендию Форда.

Ну и постоянно ощущал, что развиваюсь. Как обосновался в Нью-Йорке, было ощущение как будто лестницы, по которой буду подниматься. И я знал, что этих уровней будет ровно восемь. Так я себе вообразил.

Первый я увидел сразу. Назвал его «сохраниться». В смысле: не имеет значения, что буду делать, главное — остаться в Америке.

— *Второй?*

— «Дать знать». Что я существую. Что думаю. Что остроумный. Через три года после моего приезда в Нью-Йорк вышла книга с моими рисунками. Называлась «Almost Everybody» («Почти все») и была серией портретов людей разных профессий: политика, философа, проститутки, писателя... Рецензии. Французы переиздали. Финны купили права...

— *Третий шаг?*

— «Удивить». Был как-то на ужине у одного импортера, поляка. Пили, так как он импортировал и водку, и вдруг он говорит: «Америка — прекрасная страна для людей, которые думают». Ну и что тут теперь делать, чтобы показать уровень мышления, который был бы выше обычного? Ходил, думал, делал, вот и случился мне K-Dron^[1]. Тут я и подумал: вот оно.

— *А как он случился?*

— Когда я изучал историю философии, то задумывался, как нарисовать бесконечность. Знал, что это невозможно, но что было бы, если бы с этим сравниться. Нарисовал, значит, горизонт и линии, которые сходятся, но были не слишком заметны, и я нарисовал как бы коридор, входящий в лист. «А теперь, если это плюс-бесконечность, то где минус?» Ведь мы же говорим «плюс и минус-бесконечность». Ну и к воронке, которая в центр листа входит, я дорисовал воронку, которая из него выходит. Эти рисунки были мне настолько интересны, что, уезжая в Нью-Йорк, взял их с собой.

В 1984 г. знакомый художник, подружка которого работала у мэра Нью-Йорка, сказал нам — я тогда жил в одном доме с

Анджеем Чечотом, — что есть деньги на этническую выставку или что-то в этом духе. Он это устроил, он в этом участвует и хотел бы с нами. Чечот не хотел, но я его убедил, сказав, что при случае напечатаем каталог для нашей фирмы. Мы ведь открыли фирму. Ой, такую, что занимается всем. От логотипов до этикеток и рисунков.

Чечот решил показать рисунки, которые он сделал для «Нью-Йорк таймс», а я — те, о бесконечности. Проблема была в том, что выставку нужно было устроить до конца года, а была уже вторая половина декабря, никто не брался быстро напечатать нам этот каталог. Наконец я уговорил одного печатника, мы собрались к нему, и когда шли, то у Пятой авеню где-то свернули, и тут Чечот мне: «Смотри, печать».

«Как войдем — говорю, — то не успеем уже к тому, с которым договорились». А логично предположить, что если бы Господь хотел нам что-то сказать, то скорее сделал бы это устами другого человека, потому что если бы Он начал швырять молнии, то я не знаю: радоваться или бояться.

— *Вы всё о Боге.*

— Потому что это единственный вопрос, о котором я действительно говорю, думаю. Всё время собираю информацию и пробую понять.

— *Но в знамения вы верите.*

— У меня происходило много такого, что я колебался: что-то есть, но я этого не знаю и не хочу вербализировать. Потому что тот, кто знает, то уж знает, а я открыт. Есть виртуальная память и то, что записывается на жесткий диск. Та, вторая, — это то, что мы уже не можем потерять. Я всё время стараюсь работать на несохраненном замысле.

— *А те знаки?*

— Я изучал историю философии в варшавской Академии католического богословия и знаю много способов контакта Бога с человеком.

— *Ну и...*

— Возьмем число 11. К-Dron имеет 11 граней. Вообще число 11 стало для меня важным. Начало меня сопровождать.

— *Как это?*

— Просто вдруг чувствую, что должен обернуться — а там 11. Или кратное: 22, 33, 44... Возвращался как-то с конференции в обществе одного типа, вроде из Техаса, и женщины. Он подвозил нас в аэропорт, и эта дама страшно беспокоилась, что мы не успеем.

«Спокойно, успеем», — говорит техасец.

«А почему ты так уверен?» — спрашивает она.

«Потому что когда мы выезжали, было 11.11».

Ну когда один человек так делает, то это выглядит безумным, но как появляется еще второй, дело выглядит уже немного иначе.

— *Выходит, вы не сумасшедший?*

— Мне пофиг, потому что если я из-за этого делаю открытия, то дай Бог, чтобы все так рехнулось. Ведь что такое сумасшествие? Описание чего-то, чего не было. Ну и каждый художник должен быть безумцем, потому что должен сотворить мир, которого нет. Не воспроизвести, не подделать, только обезуметь и сотворить что-то, чего не было. «Varius» — значит «иной». «Wariat» [польск. «сумасшедший»] — тот, кто высказывает что-то, чего не было. Каждый первооткрыватель — такой сумасшедший. В любом случае после встречи с тем техасцем до меня дошло, что 11 — это не только мой вывих. Впрочем, судите сами...

Год назад в Польше я объявил конкурс, который состоял в том, чтобы что-то сделать на основе K-Dron'a. Первое место заняла девушка, которая отрезала одну из его граней — ту, ромбовидную, — остальные соединила, и у нее вышла красивая сумка. Вручение наград было в 11, а через час у меня была встреча со студентом, который специально приехал из Гданьска, чтобы показать мне стул, который сделал на основе K-Dron'a. А сделал он его таким образом, что отсек все грани, кроме ромбовидной. Та ее отсекла, а этот только ее сохранил! Если в тот самый день я встречался и с ним, и с ней, а 11 — это один и один... Вы смеетесь?

— *Да, по-доброму.*

— Хорошо, нет проблем, но у меня это все задокументировано. Мало того! Я читал когда-то «Дневник» Андрея Тарковского. И вот доходит до момента, как Бергман пригласил его в Швецию. Тарковский садится в машину, едет в аэропорт и очень нервничает, потому что нигде не видит числа 13.

Для меня — 11, для него — 13.

Выходит из машины, идет к самолету, поднимается по трапу и оглядывается кругом, ужасаясь, потому что боится летать, и вдруг — уф-ф! — проезжает машина с 13-ю на номере. То есть можно лететь.

Захотелось посмотреть какой-нибудь его фильм. Пошел в прокат, просмотрел, и он закончился в час одиннадцать. А поскольку для меня одиннадцать так важно, то я подумал: стоило смотреть.

И не делайте такое озабоченное лицо, потому что я всё это говорю не вполне серьезно. Я только хочу сказать, что если бы космос хотел с нами связаться, то как бы это могло произойти? Он что-то говорит, а я не понимаю. Ну так я предлагаю ему некий код: покажи одиннадцать.

Возвращаясь к Тарковскому. Фильм закончился ровно в час одиннадцать, но потом были еще титры, музыка, и вся запись закончилась в час тринадцать. То есть мои одиннадцать и его тринадцать соединились.

— То есть Бог — или что-то в этом роде — указал вам зайти в тот случайный салон печати. Вы вошли, и что?

— Секретарша спрашивает, что нам нужно. Говорим: каталог. «Слишком мало времени». А затем сразу: «Откуда у вас такой красивый акцент?» — Из Польши. — «Отец хозяина из Польши».

Она позвонила, он пришел и так обрадовался, что мало того, что заказ принял, но еще и пригласил нас на вечер в Рождественский сочельник, который устраивал для своих рабочих. Мы страшно напились, а через два дня приезжаем забрать заказ, но ничего не готово.

Приезжаем еще через два, всё уже напечатано, но очень плохо обрезано, особенно моя часть. Сказал всё исправить, они это сделали, но отдали нам и то, что запороли.

Я принес домой, поставил на стол, подумал: «Что это за провокация космоса, чтобы получить тысячу штук ни за что?» И так в это всматривался, как вдруг... сейчас, сейчас, а как бы так обрезать этот рисунок, немного сверху, немного снизу... Начал вырезать, подрезать, и вдруг стали получаться прекрасные компоновки.

Звонит друг и говорит, что есть конкурс на плитки: «Может, сделаешь со мной?» Оказалось, что им нужна трехмерная плитка. Ну так из этого можно сделать прекрасные трехмерные фигуры!

У меня дома была математическая книжка, и я в ней прочитал, что есть только три правильных сетки, которые можно растянуть в бесконечность: равносторонний треугольник, квадрат и шестиугольник. Я посмотрел на свои вырезки и заметил, что в основе они имеют квадрат, а если повернуть его стороны, разумеется, под определенным углом, то получится шестиугольник. Черт! У меня есть фигура, которая позволяет получить две из трех сеток. Я сделал с десятков моделей, и они не только все эти компоновки повторяли, но при свете так изменялись, что это был полный улет. Я развлекался с ними дальше, и вдруг, это было около пяти утра, один из них вошел в другой. Это была эврика.

— *Как это — вошел в другой?*

— Составил параллелепипед. Необыкновенно! Не только дает столько возможностей компоновки, сколько не позволяет ни одна другая фигура, но еще и удобно в транспортировке. Это нужно запатентовать!

Я единственный человек на свете, получивший патент на новую фигуру. Два года этим занимался.

— *То есть эту фигуру уже никто не может...*

— Любой может, но никто кроме меня уже не может получать с этого прибыль. То есть может, если договорится со мной.

Я открыл K-Dron в январе 1985 г. и таким образом закончил этап под названием «удивить». Следующий я назвал «осуществиться». В 1999 г. показал большую выставку о K-Dron'е в Лодзи и Катовицах. Также написал и поставил пьесу о K-Dron'е. Мне немного помогал Лех Маевский и Михал Лоренц, который написал музыку. Пьеса была для детей и называлась «Планета K-Dron, или Тайна прерванного путешествия». Я указал место в космосе, где находится K-Dron в естественном виде, это заняло у меня восемь лет. Нашел также ученого математика — 14 лет поисков, — который открыл, что поверхность K-Dron'а — это пространственно-временная модель уравнения дрожащей струны...

— *Ну-ка, ну-ка, где можно найти K-Dron в естественном виде?*

— Если возьмешь куб и разделишь его плоскостями через все оси симметрии. Сперва пополам в одну сторону, потом пополам в другую. По диагонали и с каждой грани. И получишь 48 фрагментов. Или 24 пары пирамид, которые сходятся в центре.

Ну и вот как возьмешь четыре куба, разделенных таким образом, два вверху, два внизу, то между ними будет новая сетка, в которой виден К Dron.

— *Но где же это есть в космосе?*

— Точно так же можно спросить: где находится куб? Нигде. Однако он есть. В платоновском смысле.

— *А эта пространственно-временная модель уравнения дрожащей струны?*

— Если взяться за струну от гитары или фортепьяно и потянуть вверх, то она по отношению к основе образует треугольник. А как только ее отпустишь, она начинает вибрировать. И тогда, если отобразить колебания на оси времени, получится график, который будет напоминать поверхность К-Dron'а.

Другой профессор, который первым в Америке написал о К-Dron'е, считает, что это неизвестная связь между физикой и пространственной геометрией. А это, в свою очередь, привело к тому, что я успокоился.

— *Как это?*

— Слушай, в искусстве ни для кого не проблема, что есть К Dron, потому что в искусстве речь идет о том, чтобы показать то, чего нет, и при этом вызвать интерес. Но я к тому же подтолкнул процесс изучения, осмысления и использования. То есть что мы с этого имеем? Я придумал 168 способов использовать К-Dron: мебель, игрушки, игры, часы, бутылки, укладка паркета...

Но первым был пустотелый кирпич. Чечот, остряк, называл его «капустотелый».

— *Вы хотели бы быть богатым?*

— У нас, поляков, прекрасная школа плакатистов: Старовойский, Млодоженец, Томашевский, Свежий, Росоха, Чернявский. Если бы у меня были деньги, я бы открыл галерею, в которой у каждого была бы постоянная экспозиция.

— *А для себя?*

— У меня всё есть.

— *Самолет? Кино?*

— У меня есть друзья-миллионеры, и у них ни на что нет времени — так следят за деньгами. И не верят людям.

— *А я думаю, что вы всё же хотели бы иметь много денег, и всё для себя.*

— Ну ладно, только я говорю сразу, что не имею. Хотя потенциально могу иметь. Однажды большая американская фабрика стеклоблоков заинтересовалась К-Dron'ом. Год проверяли, предложили контракт. Я уже хотел его подписать, но Лех Маевский, это он занимался коммерцией, схватил меня за руку и говорит: «Не дергайся». А потом за это взялись юристы, тем временем Саддам Хусейн напал на Кувейт, и фабрика отказалась. И я потерял контракт, о котором Ежи Косинский говорил, что мы чего-то такого ждем и когда это подпишем, то мир К-Dron купит.

— *Косинский?*

— Потому что это он довел до того, что появился текст о К-Dron'е в «Нью-Йорк мэгэзин». А с теми стеклоблоками могла быть следующая новость. Потому что новость — это ведь не про то, что кто-то открыл новую фигуру, а про то, что эта фигура на кого-то упала и убила. Мир сошел с ума, но это так. Ну, раз там не вышло, я придумал пустотелый кирпич, который, впрочем, уже производят в штате Нью-Йорк и в Калифорнии.

Банальность пустотелого кирпича мы все знаем, но достаточно сделать его в форме К Dron'а, и мы получим новые, замечательные возможности. Он...

— *Вы говорите как продавец.*

— Так в определенном смысле я должен им быть.

— *А почему для вас это так важно?*

— Это такая небывалая, обогащающая, делающая жизнь более привлекательной фигура, что если мир его не хочет, то такой мир меня не интересует.

— *Это немного безумно.*

— С точки зрения мира может оно выглядит и так, но я себя безумцем не чувствую. Стою перед миром и пытаюсь сказать, что это не я ошибаюсь.

— *А на что вы живете?*

— На то, что мало расходую. Звучит как шутка, но так и есть. Я настолько мало обременен, что хватает того, что у меня выходят какие-то рисунки в агентствах, я что-то еще рисую, да и K Drop тоже уже что-то приносит. Спроектировал недавно бутылку для новой водки, которая стала «бестселлером» в Америке. Меня соблазняет, потому что я был одним из лучших рисовальщиков в мире, но я никогда не хотел связывать себя, хотел, чтобы оставалось время для штудий, поисков и открытий.

Моя жизнь — это попытка понять мир собственными средствами. Или за собственный счет. Попытка построить мир, который будет адекватным тому, как это понимаю я, а не какой-то там придурок.

— *Ну и до чего вы дошли?*

— Что центр нашего мира мы носим в головах. Большинство в Польше, и не только в Польше, думают, что центр — в Америке, а вот и нет, он в наших головах.

— *И когда вы это открыли?*

— В 2005-м.

— *А что тогда случилось?*

— Я открыл новые принципы золотого сечения. Только в психиатрических больницах можно встретить тех, кто говорит: был Евклид, Кеплер, а теперь есть я. Но это именно так, я третий человек, кому есть сказать что-то фундаментально новое в этой области.

— *Что вообще такое это золотое сечение?*

— Это важнейшая пропорция в мире.

Золотое сечение делит отрезок на две части. Более короткую и более длинную. И короткая так относится к длинной, как длинная — к ним обеим. И теперь, если мы возьмем короткую и поставим перпендикулярно длинной, получится прямоугольник. Золотой прямоугольник. Игральная карта — золотой прямоугольник. Экран в кино.

В XIX веке один немецкий психолог провел исследование, которое состояло в том, что он нарисовал квадрат и все последовательные прямоугольники, а люди приходили и выбирали тот, который им больше нравится. 85% выбрали золотой.

Ты наверняка знаешь знаменитый рисунок Леонардо да Винчи, изображающий человека в квадрате и в круге. Высота квадрата равна высоте человека. Ширина равна человеку с раскинутыми руками. Гениталии в середине, пупок — центр окружности. И этот круг в отношении к этому квадрату составляет золотое сечение.

Вообще дело в том, что даже в природе это так: когда дети рождаются, их голова так относится к величине тела, как меньшая часть отрезка к большей...

— *У вас есть дети?*

— Нет, но слушай дальше. У каждой женщины есть нос, глаза, губы, но не каждая женщина красива. Почему? Потому что красоту создают пропорции.

Рисую, делаю снимки и чувствую: что-то у меня не складывается. Почему я это чувствую? Почему говорю: передвинься? К чему я должен передвинуться? Куда? Тут дело в пропорции. В золотом сечении.

Нам вообще нравится только то, что в золотом сечении.

А есть еще что-то вроде серебряного сечения...

— *О Боже!*

— Оно получается так: берешь диагональ квадрата и достраиваешь сторону. Панорамный экран — серебряное сечение. Ну и всегда говорилось об этих сечениях по отдельности, а я — первый раз за всю историю — соединил золотое сечение с серебряным, потому что оказалось, что одно вытекает из другого. А уже из этого я открыл бесконечный ряд последовательных сечений.

Принцип такой: берешь квадрат и вписываешь в него треугольник, опирающийся на сторону и высоту этого квадрата. Когда впишешь в этот треугольник окружность и проведешь к ней касательную, получишь золотое сечение. Никто этого раньше не заметил.

А если возьмешь треугольник, опирающийся на основание, но его высота будет равна половине основания, впишешь в него окружность и проведешь касательную, получишь серебряное сечение. Этого тоже никто раньше не заметил.

Ну вот я взял треугольник высотой, равной одной третьей стороны квадрата, вписал окружность, провел касательную и полученную пропорцию назвал медным сечением. В честь Легницы.

— *Легницы?!*

— Потому что в окрестностях Легницы много меди, а второе — когда я это открыл, то был как раз там. На пленэре.

А потом уже до бесконечности себе это рисовал. И теперь могу сказать, что золотое сечение — первое в серии бесконечных сечений, а мы его так называли, потому что оно как живчик, оплодотворивший нас эстетически.

— *Что вы почувствовали, когда это открыли?*

— Космическую радость. И впервые — уверенность в себе. Потому что раньше, когда я говорил с кем-то, то волновался, что покажусь глупым. А теперь нет. Я уверился в себе, потому что без разницы, насколько умен другой человек, — он не так умен, как претендует. Хотя бы потому, что ничего не знает о том, что я сам открыл.

— *То есть вам было 53, когда произошел перелом.*

— А 44 — когда признал, что я художник. Я не говорил о себе, что я художник, потому что чувствовал, что есть поумнее, получше, те, кто чего-то достиг. Потому что не был готов взять ответственность.

И вот однажды меня пригласили на телевидение. Журналист обращался к знакомым гостя, и они что-то о нем говорили. Милош появлялся. Лех Маевский, Ханна Бакула, Януш Гловацкий. И все говорили, что я художник. В два часа ночи до меня вдруг дошло, что разговор шел обо мне.

Помню, писал тогда книжку о K-Dron'e, и в этой книжке написал, что я художник.

— *Кто такой художник?*

— Человек, который видит смысл своей жизни в том, чтобы внести что-то новое. Виденье, форму, замысел. И благодаря

этому мир становится богаче. Пикассо был художником, потому что открыл Пикассо. Мондриан взял прямоугольнички, смешал цвета и получил Мондриана. А я кроме К-Dron'а открываю Капусту.

— Вернемся к лестнице, по которой вы поднимаетесь. Первый шаг вы назвали «сохраниться», второй — «дать знать», третий — «удивить», четвертый — «осуществиться», а пятый?

— Я на этапе «осуществиться».

— А пятый?

— Не знаю, потому что новый шаг является мне тогда, когда я уже могу его сделать.

-
1. К-Dron — изобретенный и запатентованный Янушем Капустой одиннадцатигранник. Название происходит от греч. *drop* (грань) и 11-го места в латинском алфавите, занимаемого буквой *K*. — *Ред.*